

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Том 6 № 1
Volume 6 2020

16+

Сайт журнала:
rllinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации. Эл.№ ФС 77-69052 от 13 марта 2017г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate. El.№ FS 77-69052 of March 13, 2017.

Том 6, № 1. 2020
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 6 (1). 2020
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Остапова Л.Е.** г. кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Мазиурская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Филофа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Ополский университет, г. Ополе, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Lyudmila Ye. Ostapova, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Nataliya I. Panasenکو, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenکو, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Агафонова О.И., Белозерова М.С., Ларини С.Б. Функционирование метафорической модели «Politics is Animal World» в современных средствах массовой информации	3
Алпатов В.М. Японская лингвистическая традиция XIX-XX вв. как синтез национальной традиции и влияния западной науки (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)	12
Архипова И.В. Функциональный потенциал девербативов в аспекте актуализации таксисных отношений	20
Бондаренко Е.В., Хасанов Т.Д. Повтор как многофункциональное экспрессивное стилистическое средство (на материале выступлений политических лидеров Франции и Республики Камерун)	30
Костыря А.В. Когнитивные схемы в практике создания сиквелов	43
Baghana J., Slobodova Novakova K., Birova Ja. The French Language in sub-Saharan Africa: Revisited	54
Vdovichenko A.V. Aquila's Bible translation in the communicative theoretical model (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	65

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Королева Л.Ю., Мордовина Т. В. Сравнительный анализ словообразовательных моделей в русском и американском политическом сленге	73
Порхомовский В.Я., Чельшева И.И. Роль переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы романских языков (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)	84
Трегубова Ю.А. Национально-маркированная лексика в современной американской художественной литературе: особенности и возможности перевода на русский язык	108

CONTENTS

LINGUISTICS SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Agafonova O.I., Belozerova M.S., Larini S.B. Functioning of the Complex Metaphor "Politics is Animal World" in contemporary Mass-Media	3
Alpatov V.M. Japanese linguistic tradition of the XIX-XX centuries as synthesis of the national tradition and the influence of the western science (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	12
Arkhipova I.V. Functional potential of deverbatives in the aspect of taxis relationship actualization	20
Bondarenko E.V., Khasanov T.D. Repetition as a multifunctional expressive language tool in the texts of speeches by political leaders of France and the Republic of Cameroon	30
Kostyrya A.V. Cognitive schemes in the practice of creating sequels	43
Baghana J., Slobodova Novakova K., Birova Ja. The French Language in sub-Saharan Africa: Revisited	54
Vdovichenko A.V. Aquila's Bible translation in the communicative theoretical model (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	65

SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

Korolyova L. Yu., Mordovina T.V. Comparative analysis of word-formation models in Russian and American political slang	73
Porkhomovsky V. Ya., Chelysheva I.I. The role of translations of canonical texts in the processes of forming the language norm of Romance languages (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	84
Tregubova Yu. A. Nationally-marked vocabulary in contemporary American fiction: features and possibilities of translation into Russian	108

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 811.111

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-1

**Агафонова О. И.¹
Белозерова М. С.²
Ларини С. Б.³**

**Функционирование метафорической модели
«Politics is Animal World» в современных СМИ**

¹⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
E-mail: agafonova@bsu.edu.ru
ORCID id: 0000-0002-2735-2597

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
E-mail: Belozerova@bsu.edu.ru
ORCID id: 0000-0002-7802-9810

Колледж Шарля III
³⁾ Колледж Шарля III, Авеню де л' Аннонсиад, 98000 Монако
E-mail: svetlarini@gmail.com
ORCID id: 0000-0001-5701-2297

*Статья поступила 10 февраля 2020 г.; принята 5 марта 2020 г.;
опубликована 31 марта 2020 г.*

Аннотация

Данная статья посвящена описанию политического дискурса как среды развертывания сложной концептуальной зооморфной метафоры «POLITICS IS ANIMAL WORLD». Анималистические метафоры рассматриваются на материале американских и британских Интернет средств массовой информации. Метафорическая модель исследуется в рамках дискурсивного подхода и в условиях возрастающего интереса языкознания к внутреннему миру человека на современном этапе развития науки. Зооморфная метафора рассматривается в рамках медийного дискурса и институционального политического дискурса. Любая политическая деятельность предполагает вовлеченность в политическую коммуникацию, направленную на получение власти, использования ее в своих интересах и влияния на широкие массы общественности для контроля над общественным сознанием. Манипуляция общественным сознанием в современной действительности приобретает самые разнообразные виды и формы, однако метафора была и остается одним из эффективнейших средств воздействия на массовое сознание, а концептуальная метафора может

рассматриваться как одно из основных средств метафорического моделирования политической картины мира.

Ключевые слова: теория дискурса; политический дискурс; политическая коммуникация; СМИ; зоометафора; метафорическое моделирование.

Информация для цитирования: Агафонова О.И., Белозерова М.С., Ларини С.Б. Функционирование метафорической модели «Politics is Animal World» в современных СМИ // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №1. С. 3-11. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-1

Olga I. Agafonova¹

Marina S. Belozeroва²

Larini Svetlana³

**Functioning of the Complex Metaphor “Politics is Animal World”
in contemporary Mass-Media**

¹⁾ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: agafonova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-2735-2597

²⁾ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Belozeroва@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-7802-9810

³⁾ College Charles III
Avenuedel’Annonciade, 98000, Monaco
E-mail: svetlarini@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5701-2297

Received 10 February 2020; accepted 5 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

The present article aims at the political discourse functioning as the medium for complex animal metaphor «POLITICS IS ANIMAL WORLD». The study of the animal metaphor is based on the material taken from the British and American web-based media. The metaphorical model is examined in the context of a discourse approach due to the intense interest to a man's mental world in the modern era. Animal metaphors are studied in terms of mass-media discourse and institutional political discourse. Any political activity involves political communication which is targeted at obtaining power, using it to the politician's advantage and affecting public opinion. Manipulating social consciousness in the modern world has taken on different forms and shapes, but the metaphor has always been one of the most productive means of achieving this goal. The complex metaphor can be seen as an important instrument for conceptualizing political discourse.

Keywords: discourse theory; political discourse; political communication; mass media; animal metaphor; complex metaphor.

How to cite: Agafonova O.I., Belozerova M.S., Larini S. (2020). Functioning of the Complex Metaphor "Politics is Animal World" in contemporary Mass-Media". *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V. 6 (1), 3-11, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-1

Introduction: In light of the anthropocentric approach to the study of linguistic identity, the study of perception, conceptualization, mental representation and storage of knowledge is of particular relevance. According to A.A. Kibrik, the cognitive approach to the study of language activities as a form of man's cognitive activity considers linguistic phenomena "only in the context of other cognitive processes" and "tries not only to register linguistic phenomena but also to explain why they are implemented exactly this way" (Kibrik, 2003: 5).

The close relationship of cognition and communication proposes "a realistic reflection of functioning of language and its individual categories, units or structures" in the communicative and discursive paradigm (Kubryakova, 2004: 520). Discourse in terms of the communicative and cognitive approach does not have any unambiguous definition. Discourse as an object of linguistic description is interpreted by A.A. Kibrik as "a real linguistic interaction" and "a unity of the process of linguistic activity and its result, i.e. a text", as well as "unfolding through time processes of its creating and understanding" (Kibrik, 2003: 4). The researchers contrast discourse and text, separating text as a product of verbal and cognitive activity from discourse as a process, which is based on their etymology (Latin «*discursus* – name of an action and *textus* – name of an object, result of an action") (Dem'yankov, 2005: 50). From the standpoint of communication theory discourse is understood as a combination of a linguistic component (text) and an extralinguistic component (context); as a text in conjunction with extra-linguistic factors; as a speech "dipped into life" (Arutyunova, 1990: 136) and as an interactive way of verbal interaction as opposed to text as a monologic utterance. According to V. Z. Dem'yankov "discourse is referred to a text in its formation in

front of the mind's eye of an interpreter." He believes that discourse is made up of sentences or their fragments and discourse content centers around the "reference" concept, while the content of individual sentences – discourse components – is called propositions; these propositions are linked with logical relations (Dem'yankov 2003, 116).

The need to describe cognitive aspects implementation in political discourse is determined by its ability to influence public opinion through the media. The manipulative pressure on the audience intensifies due to the increasing role of the media. This feature of political discourse makes the study of its linguistic and extralinguistic aspects particularly interesting and justified.

Speaking about political discourse within the field approach the researchers distinguish institutional political discourse. They study it by considering various texts composed by politicians and mass media texts that combine all texts spread by the media (Budayev, Chudinov). According to A.P.Chudinov the content of political discourse includes "all presented in the mind of the speaker and the listener (the writer and the reader) components that can affect the processes of production and perception of speech: all other texts, the content of which is taken into account by the author and the addressee of the text, author's political views and his tasks when creating the text, political situation, in which the text is created and "lives", reputation of the edition, in which it is published (Chudinov, 2003).

Thus, considering political communication as an object of linguistic research we mean the totality of all oral and written statements relevant to political life. While determining political discourse we rely on the opinion of E.I. Sheygal who understands it as political communication in the broadest sense and considers the corpus of signs, which

constituting the semiotic space of political discourse to be a policy language (Sheygal, 2000: 30, 34). Political discourse is basically an expression of the whole complex of relations between an individual and society. In this regard following a number of scientists who hold the view of broad interpretation of the term "political discourse" (A.P. Chudinov, E.V. Budayev, E.I. Sheygal) we consider any messages related to politics to be political communication. As political communication is not just a means of communication but also a powerful means of public impact, the study of political communication is particularly important for the analysis of the processes of world perception, worldview being formed in the addressee's mind, social and political position of the audience in terms of the anthropocentric approach. Thus, political communication appears to be a special form of relationship aimed primarily at information exchange in the course of struggle for power and formation of certain views in the minds of the audience.

The process of worldview formation in general and conceptualization of political worldview in particular is reflected in the study of cognitive structures or concepts. Concepts (as defined by E.S. Kubryakova) are operational meaningful units of memory, mental lexicon, conceptual system of language and brain, the whole worldview reflected in the human psyche (Kubryakova, 1996: 90). These mental images showing human's mental representation of the world are often verbalized by means of metaphors. In the research of political metaphors we base on the works of M. Black, Z. Kovecses, G. Lakoff, A. Musolff, Teun A. Van Dijk, R. Wodak. Taking into account that not only informative function but also the function of the audience impact are typical for political communication the emotional aspect becomes really essential. The role of metaphor in verbalization of emotions is undeniable. As a consequence, metaphor is used to express the required evaluation or to form the audience's opinion, as well as to focus the audience's attention on some fact drawing their attention to

a particular issue or, on the contrary, trying to disguise unwanted information.

Main part: Analyzing the metaphorical model POLITICS IS ANIMAL WORLD, we identify the animal world as the original conceptual field (sphere-source), i.e. semantic sphere, which includes the words, which are covered by the model, in the primary meaning (Chudinov, 2003) represented by the diversity of units nominating wild populations and related concepts. We include political system of a state, politicians and other politically significant personalities, government institutions and entire countries, presenting an integrated whole, as well as their heads, to a new conceptual field (sphere-target) or the sphere which includes the words, which are covered by the model, in the figurative meaning (Agafonova, 2012: 46,48,54).

THE TYPICAL SCENARIOS for this metaphorical model are the most typical sequences of situations. For example, when meeting some animals demonstrate their ability to protect themselves to each other – first trying to scare their rivals with sounds (to bark, to hiss), their appearance (to make the fur fly) or using available protective mechanisms (to change colours). If it does not allow them to cope with the situation, they attack their rivals (to attack, to bite into) and the stronger or luckier one wins. While hunting animals wait in ambush (to lie low), use natural camouflage mechanisms, pop up from behind cover suddenly (to break cover), cause an unexpected blow, try to avoid danger (to bury head into the sand), etc.

The next step was to analyze the frames and slots. The result of their processing is the foundation of metaphorization processes. The frame system is a cognitive dynamic scenario of metaphorical model deployment in discourse.

Describing the slots constituting these frames we follow A.P. Chudinov and in order to characterize the components of the slot we use the term "concept", which acts as "a unit of consciousness, mental lexicon". Together they make up "conceptual system, sphere of concepts" existing in the national consciousness.

Concerning METAPHORICAL MEANINGS of this model's units as components BINDING PRIMARY AND METAPHORICAL MEANINGS it should be noted that the main one is the image of tough animal world where only the strongest survives. Analyzing the metaphorical model POLITICS IS ANIMAL WORLD we found out that the feature that brings together sphere-source and sphere-target is the nature of relationship between animals, animals and humans, which give rise to a metaphorical transfer. Zoomorphic metaphor makes it possible to visualize the world of politics in the likeness of an animal kingdom, the laws of which are harsh and merciless. Collected illustrative material proves clearly that animal world as a category to refer to representatives of the political system and their professional activities, is presented in its diversity – from amphibians to mammals (Agafonova, 2012: 73).

From the point of DISCURSIVE SPECIFICATIONS OF MODEL, i.e. consideration of conceptual vectors, leading emotive characteristics, pragmatic potential of the model, its relationship to the current political situation, specific political events, political views and intentions of the subjects of communication, zoomorphic metaphor expresses the idea of the similarity of the world of politics to the world of animals, which has a number of characteristics: cruelty, desire for survival, hierarchical relationships, competition, etc.

While analyzing the modeling potential of the sphere-source "Animal World" we note the significant potential of zoomorphic metaphor in terms of formation of a politicians' negative image, and an image of the human beast – a common metaphor for a political opponent. So most zoomorphic metaphors have pejorative evaluative meanings (Budayev, 2003).

Evaluating PRODUCTIVITY OF MODEL, i.e. the ability to deploy and typical areas of deployment, as well as frequency of the use of the model, we came to the conclusion that metaphor POLITICS IS ANIMAL WORLD is one of the most effective ways of

conceptualizing the image of politicians. This model is dominant as it is proved by the potential of deployment and the frequency of its use in modern political language. By reference to the conducted research it can be concluded that this metaphorical model has divergent framed and slotted structure and is well structured, which is important for its deployment. Frequency characteristics of sources of metaphorical borrowings revealed that the following conceptual fields are the most productive: composition of animal world (49%) and animal behavior (19%). They reflect modern conceptual vectors and trends of world perception in modern society. Since zoomorphic metaphors have considerable emotive potential and are mostly pejorative in nature, we can conclude that high productivity of the model POLITICS ARE ANIMALS is caused by its extensive capabilities in terms of formation of emotive meanings. The ability of the metaphorical model to cause an emotional response in the addressee's mind is its pragmatic potential (Agafonova, 2012: 129).

Methods: The basic methods applied in the research were cognitive discourse analysis, modeling, classification and systematization and quantitative analysis. The research methods were chosen due to the interdisciplinary nature of the phenomenon under study.

Results: Zoomorphic metaphor as an object of research is of interest due to its high productivity as a means of indirect nomination. Conceptualization of the world view takes place through cognitive structures that represent the reality in our minds. Being a part of the animal world, a man passes the reality through the prism of well-known images that are understood by the majority. Metaphors containing zoomorphic component can easily form these images and ideas in the minds of the audience. A political metaphor is an applicable means of categorization of reality and thus can help by assigning certain qualities to a politician or an event, forming judgments or persuading the audience. Elements of reality form associative bonds with an abstract idea of this reality as a result of metaphorization.

In this study the classification is based on a naive view of the world that reflects the conceptual structuring of the animal world in English-speaking political discourse most accurately. In our work the frame structure of the metaphorical model is determined by the choice of the sphere-source as the core element of the classification. Some scientists note that the detailed study of the particular sphere-source of metaphorical expansion bring about positive outcome. In our research we followed their steps choosing the animal world as a sphere-source of metaphorical expansion as it enables us to study the metaphorical model comprehensively even when viewing the whole large-scale picture (Budayev, Chudinov, 2007).

The illustrative material analyzed in our study was mostly taken from well-known British and American online mass media (The Telegraph, The Guardian, The New York Times, The Independent, The New York Daily News, The Washington Post, The Washington Times, The Observer, The Times and others). We also take into consideration the fact that official web-pages of political parties, politicians' blogs, various forums and comments posted there contribute to political discourse when it is broadly defined.

The study showed that zoo metaphorical model is updated in British and American political discourse by the following key frames. The most voluminous is the frame of "Composition of animal world", which is represented in the political discourse by a wide range of animal names from the simplest (amphibians) to the highest class of animals – mammals and it should be noted that in our study we consider "animal" as any "living being able to feel and move as opposed to a man"

mammals – mad dog, attack dog, bluedog/yellowdog, democrats, dog days/life/years, lap dog, topdog, underdog, dog and pony show, watchdog, dead dog, Russian bear, mama grizzly, teddy bear, fat cat, paper tiger, cash cow, sacred cow, dark horse, pacesetter, running mate, also ran, stalking horse, scapegoat, sacrificial lamb, demon sheep, wolf in sheep's clothes, black sheep;

birds – hawk (budget hawk, chicken hawk, deficit hawk, war hawk), dove, rooster, bantam rooster, chicken, game of chicken, spring chicken, rubber chicken circuit, lame duck, sitting duck;

fish and other sea creatures – shark, red herring, bottom feeder;

reptiles and snakes – reptile, crocodile, chameleon, snake;

insects and low organisms – gypsy moth republican, boll weevils, cockroach, queen bee, cocoon, leech, parasite;

endangered species of animals – dead dodo/dead as a dodo, last dinosaur.

Frame "Behavior, habits, instincts" is the second of the most productive sources of metaphoric expansion in political discourse:

typical behavior of animals – to dog, a dog with a bone, a dog chasing its tail, to cling/sucker like a leech, red meat speech, like a vulture, to chicken out, the tail that wags the dog, antsy, to ape, to badger;

typical behavior of animals when interacting with other animals – dog-eat-dog, cat and dog, cat-and-mouse;

behavior in extreme and dangerous situations, aggressive behavior, protection – to sting, dog fight, to kick a hornet's nest, catfight, like deer caught in the headlights, to bury/hide one's head in the sand, to backbite;

hunting habits – to smell a rat, bird-dogging, snake-in-the-grass, wild goose chase.

Frame "Characteristics of animals" contains the following units: *hard-shell, nitwit, elephantine, doggedly, predatory, lousy.*

The use of units of frame "Body parts" is focused on the demonstration of hostility. Among the constituent units of the frame, we have identified *wings, to claw back, to spread wings, clipped wing, to display teeth u to make the fur fly.*

Frame "Habitat" is represented by units: *doghouse, shark tank, zoo, political jungle* and activates such features as a restriction of freedom and dependence on man.

Frame "Groups of animals and interrelation within them" is less numerous and has the following slots in its composition:

unions of animals – to flock, wolf pack, swarm; hierarchic relations in an animal community – alpha dog, lion's share, pack leader.

Next we examined the frame of “Interaction with a man” that reflects the relationship between politicians who are lined up according to the relationship between a man and an animal and comes mainly to the use of animals by humans and consumption of the derived from foods, as well as protection from predators:

use / exploitation of animals in everyday life – dog-whistle politics, to bite the hand that feeds you, the last straw that broke the camels' back, to nip at the heels, to bring to heel, to call off the dogs, on a leash, a whip, carrot and stick policy, donkey work, to make an aquarium out of fish soup, to flog a dead horse, to beef up (11 items – 73%);

human interaction with predators – to fall into clutches, to tame the bear, to foray into the lion's den, to allow the sharks to swim free (4 items – 27%).

Frame “Products obtained from animals” is represented by two units and expresses the meaning of consumption: *to milk the cash cow, pork barrel.*

Units representing the frame “Sounds that animals produce” are often associated with dog's image: *to bark, to bark up the wrong tree* (Agafonova, 2012).

It should be noted that definition of the boundaries between the model core and its periphery, as well as between some peripheral frames is quite complicated in some cases. For example, the zoomorphic unit “to wag the tail” can belong to frames “Behavior, habits and instincts” and “Relationship with a man” at the same time. Likewise “to bark” can be considered as a part of the slot “Behavior, habits and instincts” or “Sounds that animals produce”.

The hierarchical arrangement of the model under study is manifested in the fact that it can be represented in the form of the structure showing multi-level relationships within it. In our case we can consider the metaphorical model POLITICS IS ANIMAL WORLD as an element of a more complex model HUMAN

WORLD IS ANIMAL WORLD, which can act as a prototype metaphor. The universality of human reasoning allows conducting operations aimed at information arrangement and then its classification based on it. At the same time this model can be represented as consisting of the frames that represent the initial conceptual spheres COMPOSITION OF THE WORLD OF ANIMALS, INHERENT ANIMAL CHARACTERISTICS, INSTINCTS AND BEHAVIOR, HABITAT, RELATIONSHIPS WITH PEOPLE, etc.

The corpus analysis has confirmed that the frame-slot structure of the metaphorical model POLITICS IS ANIMAL WORLD is very varied judging by units representing it in the political discourse of modern English (Agafonova, 2012).

Conclusion: Judging by the data received from the research it is possible to conclude that a metaphor being one of the basic mental mechanisms serving for world conceptualizing has the same functions and works likewise in political discourse.

Metaphors function within metaphorical models. The above models reflect the particular part of national consciousness and conceptualize complicated relationships within political community, contacts with the public, ways of affecting and shaping public opinion and so forth.

The data obtained makes it possible to conclude that close examination and description of metaphors typical for a specific language in general and its political discourse in particular as well as metaphoric modeling can work as a way of mental reconstruction and conceptualization of political worldview. Complex and detailed study of political metaphor and metaphorical models they function with can give a clear idea of political world landscaping reflected in mentality.

References

Agafonova, O.I. (2012). Metaphorical model “POLITICS IS ANIMAL WORLD” in political discourse (based on the material of American and British Internet media: Ph.D. dissertation. Belgorod, Russia (in Russian)

- Arutyunova, N.D. (1990). Diskurs [Discourse] in Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic Encyclopedia] (p.136). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, Russia (in Russian)
- Budayev, E. V. and Chudinov, A. P. (2006). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics] Retrieved from: <http://www.philology.ru/linguistics1/budayev-chudinov-06a.htm>
- Budayev, E. V. and Chudinov A. P. (2007). Methodological edges of political metaphorology. *Political linguistics*. V1(21), 22-31.
- Chudinov, A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication Retrieved from: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>
- Dem'yankov, V.Z. (2003). Interpretation of political discourse in the media in *YAzyk SMI kak ob'yekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: Uchebnoye posobiye* [Media language as an object of metaphorical research. Study guide] M.N. Volodina (ed) (p.p. 116-133). Moscow: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova, Russia (in Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (2005). Text and discourse as terms and as words of everyday language. *YAzyk. Lichnost'. Tekst : sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy / In-t slavyanovedeniya RAN; otv. red. V.N. Toporov*, 34-55. (in Russian)
- Kibrik, A.A. (2003). Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive: Diss. v vide nauchn. dokl. ... d-ra filol. nauk. M., Russia
- Kubryakova, E.S. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short dictionary of cognitive terms]. Moscow: MGU, Russia (in Russian)
- Kubryakova, E.S. (2004). *YAzyk i znaniye* [Language and knowledge]. Moscow: YAzyki slavyanskoy kul'tury, Russia (in Russian).
- Sheygal, E.I. (2000). Semiotics of political discourse: Doctor of Philology dissertation. Volgograd, Russia (in Russian)
- Black M. (1988). Models and Metaphors, Oxford University Press.
- British Broadcasting Corporation, Retrieved from: <http://www.bbc.co.uk>.
- Boston.com / NY Times Co., Retrieved from: <http://www.boston.com>.
- The Caucus: the politics and government blog of the times, Retrieved from: <http://thecaucus.blogs.nytimes.com>.
- Chicago Tribune. Retrieved from: <http://blogs.chicagotribune.com>.
- CNN / Cable News Network. Retrieved from: <http://edition.cnn.com>.
- Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and power* New York [u.a.] : Palgrave Macmillan
- Economist's View ed. Mark Thoma: Retrieved from: <http://economistsview.typepad.com>.
- Financial Times / The Financial Times Ltd. Retrieved from: <http://www.ft.com/home/uk>.
- The Guardian / Guardian News and Media Limited. Retrieved from: <http://www.guardian.co.uk>.
- The Independent / Independent Media. Retrieved from: <http://www.independent.co.uk>.
- Kövecses, Z. (2002). Metaphor: a practical introduction New York: Oxford University Press
- Lakoff G. (1991). Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf in D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu
- Lakoff G., Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago,
- Musolff, A. (2004). Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan
- Musolff, A. (2000). Mirror Images of Europe. Metaphors in the Public Debate about Europe in Britain and Germany. Munich: iudicium
- New York Post / NYP Holdings, Inc. Retrieved from: <http://www.nypost.com>.
- The New York Times / The New York Times Company. Retrieved from: <http://www.nytimes.com>.
- The Observer / Guardian News and Media Limited or its affiliated companies. Retrieved from: <http://observer.guardian.co.uk>.
- Opinionator / The New York Times Company. Retrieved from: <http://opinionator.blogs.nytimes.com>.
- The Telegraph / Telegraph Media Group Limited. Retrieved from: www.telegraph.co.uk.
- The Times/ Times Newspapers Limited. Retrieved from: <http://www.thetimes.co.uk>.
- Van Dijk, Teun A. (2000). Political discourse and ideology.
- The Washington Post: Breaking News, World, US, DC News & Analysis / The Washington Post Company. Retrieved from: <http://www.washingtonpost.com>.
- The Wall Street journal: Business news & Financial news / Dow Jones & Company, Inc. Retrieved from: <http://online.wsj.com>.
- The Washington Times / The Washington Times, LLC. Retrieved from: <http://www.washingtontimes.com>.

Wodak, R. (2011). The discourse of politics in action: politics as usual Basingstoke : Palgrave Macmillan

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Агафонова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белозерова Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры

английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ларини Светлана Борисовна, кандидат педагогических наук, преподаватель Колледжа Шарля III, Монако

Olga I. Agafonova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University

Marina S. Belozeroва, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University

Larini Svetlana, PhD in Pedagogy, Lecturer of College Charles III, Monaco

УДК 811-119, 811.521

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-2

В.М. Алпатов

Японская лингвистическая традиция XIX-XX вв. как синтез национальной традиции и влияния западной науки
(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н. В. Я. Порхоминовского и д.ф.н. И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)

ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук,
Б.Кисловский пер., 1/12, Москва 125009, Россия

E-Mail: v-alpatov@ivran.ru

ORCID id:0000-0003-4323-2832

*Статья поступила 13 февраля 2020 г.; принята 20 марта 2020 г.;
опубликована 31 марта 2020 г.*

Аннотация

В отличие от других неевропейских стран, создавших собственные лингвистические традиции, Япония сумела после европеизации достичь синтеза исконной традиции и европейской (включая американскую) науки. Самостоятельная японская традиция сложилась в период «закрытой Японии» в XVII-XIX вв., когда японские книжники обратились к изучению национальных элементов культуры, включая язык. Были разработаны методы изучения памятников с выявлением их графики и фонетики, впервые в стране начала изучаться грамматика, прежде всего, описывались спряжение и система частей речи. С середины XIX в. начался общий для всех культурных сфер Японии процесс европеизации, который затронул и науку о языке. Появились грамматики европейского типа, постепенно шло овладение европейскими методами. Однако многие традиционные способы описания сохранились. К концу XIX в., начиная с работ Оцуки Фумихико произошел синтез двух традиций. Окончательно он достиг завершения к 1930-м гг., прежде всего, в работах Хасимото Синкити, значительно повлиявших на развитие японской науки о языке; синтез также отражен в переведенной на русский язык грамматике Киэда Масуити.

В области изучения звукового строя языка японцы сохранили в качестве первичной единицы *он*; это слово буквально означает звук, но эта единица ближе к слогу, чем к звуку в европейском понимании, и еще ближе к выделявшейся в античной науке море: последовательности типа «согласный + гласный». Рассматриваются как единый *он*, но слоги с долгими гласными, дифтонгами, конечнослоговыми носовыми считаются двумя *онами*. Тем не менее, было заимствовано и понятие фонемы. В грамматике первичная единица (*го*) отличается по свойствам от слова в европейском понимании, по крайней мере, в предикативных частях речи, хотя и в японской традиции независимо от европейского влияния были выработаны представления о словоизменении. От слова как базовой единицы словаря (*го*) уже в период европеизации была отделена минимальная единица синтаксиса (*бунсэцу*), представляющая собой знаменательное *го* вместе с примыкающими к нему служебными *го*. Классификация по частям речи в основе осталась традиционной, лишь

усложнившись за счет добавления наречий, местоимений и др. Синтаксис до европеизации в Японии не успел сформироваться, поэтому здесь влияние западной науки особенно ощутимо. Особенности японской лингвистики ощущаются и в области лексикографии.

Ключевые слова: японская лингвистическая традиция, западное языкознание, европеизация, синтез, Хасимото Синкити

Информация для цитирования: Алпатов В.М. Японская лингвистическая традиция XIX-XX вв. как синтез национальной традиции и влияния западной науки (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н. В. Я. Порхо́мовского и д.ф.н. И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N1. С. 12-19. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-2

Vladimir M. Alpatov

Japanese linguistic tradition of the XIX-XX centuries as synthesis of the national tradition and the influence of the western science
(Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 1 B. Kislovskiy Ln., Moscow, 125009, Russia

E-Mail: v-alpatov@ivran.ru

ORCID id:0000-0003-4323-2832

Received 13 February 2020; accepted 20 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

Unlike other non-European countries that created their own linguistic traditions, Japan managed to achieve a synthesis of the original tradition and European (including American) science after Europeanization. The independent Japanese tradition developed in the period of the “closed Japan” in XVII-XIX centuries, when the Japanese scholars started looking into the national and cultural features including language. Special techniques for studying the literary works, bringing into focus their phonetics and writing, were developed, for the first time ever grammar was researched with the verb conjugation and speech categories in the first place. Since the mid-XIX century the Europeanization of all cultural areas in Japan has been under way, relating to the language science among others. European-style grammar descriptions emerged; European methods were gradually acquired. However, many traditional ways to describe grammar survived. In the late XIX century starting with Otsuki Fumikhiko’s works a synthesis of both traditions took place. It had reached its conclusion by the 1930s, primarily in the works by Hashimoto Shinkichi, which made an important difference to the formation of the Japanese language science. This kind of synthesis was reflected in Kieda Masuiti’s grammar translated into Russian.

Studying phonetics the Japanese kept *on* as the elementary unit. The word literally means sound, but this unit is closer to a syllable than a word as the European scientists see it; and even closer to a mora of the antiquity. The combinations Consonant + Vowel are considered to be a single *on*, while the syllables with long vowels, diphthongs, end-

of-syllable nasals are considered to be two *ons*. Nevertheless, the concept of the phoneme was also borrowed. In grammar the elementary unit *go* differs in its features from the word in the European sense of word, at least in predicates. Yet, The Japanese tradition independently from the European influence developed the idea of inflexion. In the course of Europeanization already the word as the basic unit of lexicon (*go*) was separated from the basic syntactical unit (*bunsetsu*), the latter being the content word *go* in combination with the auxiliary *go*. The classification of parts of speech basically remained traditional, with some minor additions such as adverbs, pronouns etc. The syntax in Japan before Europeanization had not been formed, therefore the effects of the Western language science here was particularly significant. The conventional Japanese language science reveals itself in lexicography.

Key words: Japanese linguistic tradition; western linguistics; Europeanization; synthesis; Hashimoto Shinkichi

How to cite: Alpatov V.M. (2020). Japanese linguistic tradition of the XIX-XX centuries as synthesis of the national tradition and the influence of the western science. (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 12-19, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-2

Введение. В последние столетия по всему миру проходит экспансия европейской науки, в том числе науки о языке. Восходящая к античности европейская лингвистическая традиция превратилась в мировую науку. Лишь отдельные фрагменты, заимствованные из арабской и индийской традиций, были включены в состав этой науки. Судьба других традиций оказалась различной. Индийская и арабская традиции продолжают существовать, не смешиваясь с европейской наукой и почти не развиваясь. В Китае наука о языке в основном европеизировалась, сохраняя национальные черты лишь там, где национальная традиция была более развитой: в изучении иероглифики и до некоторой степени в лексикографии. Особая ситуация, однако, сложилась в Японии, где вполне можно говорить о синтезе национальной и европейской традиций.

Основная часть. Самостоятельная японская лингвистическая традиция – одна из самых поздних в мире: она начала складываться в XVII в. и окончательно сложилась в XVIII в. До того времени японские исследователи исходили из положений китайской традиции. Составлялись словари, изучались иероглифы. Однако

зачатки самостоятельного подхода уже проявлялись в связи с установлением орфографических норм для национальной азбуки – каны. Историю тогда еще не самостоятельной японской традиции см. (Алпатов 2011, 70-82).

В начале XVII в. Япония более чем на два столетия закрылась для внешнего мира, в том числе и для Китая. В этот исторический период ряд японских книжников обратился к изучению собственной, не заимствованной из Китая культуры. Однако ввиду сильнейшей культурной экспансии Китая в предшествующий период они смогли лишь два вполне исконных элемента культуры: синтоистскую религию и язык. Поэтому языку стало придаваться большое значение, тогда впервые появилось его профессиональное изучение. В XVII в. сложилась национальная школа исследователей *кокугаку*. См. о ней: (Kokugogaku 1961; Алпатов, Басс, Фомин 1981; Алпатов 2011, 82-96).

Японский язык того времени, наряду с исконными компонентами, также обладал большим количеством китайских по происхождению заимствованных элементов: из Китая иероглифика, а вместе с ней и

значительная часть лексики, преимущественно книжной. Школа *кокугаку* игнорировала эти элементы и обратилась к исконным сторонам языка, в том числе к грамматике, лишь в малой степени китаизированной. Также изучалась и японская азбука *кана* (тогда, как и сейчас, использовавшаяся в двух вариантах: *хирагана* и *катакана*): хотя она была производна от иероглифов, но была создана в Японии и основывалась на чуждых Китаю фонетических принципах.

Учёные школы *кокугаку* досконально изучили орфографию *каны* в памятниках IX-XII вв., считавшихся наиболее престижными, и обнаружили, что она была последовательной в отличие от орфографии более позднего времени. Некоторые учёные, в том числе крупнейший языковед того времени Мотоори Норинага (1730-1801), сделали из этого верный вывод о том, что до XII в. орфография отражала реальное произношение того времени, а позднее ряд прежних фонетических различий исчез. Восстанавливая последовательно историческую орфографию, они тем самым восстанавливали и историческую фонетику (рассматривая при этом старое произношение как «правильное», а новое произношение как «искажённое»).

Главной заслугой школы *кокугаку* было создание грамматики. В Китае ввиду изолирующего строя языка такого жанра описания не существовало, а явления, которые можно было бы рассматривать как грамматические, описывались в словарях (существовали особые словари «пустых», то есть служебных слов). Для японского языка, имеющего агглютинативный строй с элементами флективности, такой подход не был удобен. С середины XVIII в. появляются обширные, иногда многотомные грамматики, где описывалась японская морфология (объектом описаний был старописьменный язык, бывший в то время одним из языков культуры наряду с японизированным китайским).

Основными темами исследований были глагольное спряжение и система частей речи.

Разные учёные предлагали разные точки зрения, но к середине XIX в. выработался определённый канон, который, как будет показано ниже, повлиял и на дальнейшее развитие японской лингвистики. Синтаксис как особая область исследований сложиться не успел.

Первая грамматика, написанная Цурумине Сигэнобу по европейскому (голландскому) образцу, появилась в 30-е гг. XIX в., но активное освоение европейских лингвистических сочинений (сначала школьных, потом и научных) началось после «открытия» Японии в 50-60-е гг. XIX в. С этого времени в Японии шло активное освоение западной культуры и науки, прежде всего, англоязычной. В области лингвистики начались попытки применить к японскому языку европейский терминологический аппарат и европейские лингвистические понятия, не всегда адекватно. Однако очень скоро японские языковеды начали применять эти понятия и (обычно скалькированные) термины к традиционным взглядам.

Первым лингвистом, последовательно стремившимся к синтезу, был Оцуки Фумихико (1847-1928). Законченный вид такой синтез получил в XX в., в период между двумя мировыми войнами, прежде всего, в работах Хасимото Синкити (1882-1945), оказавших значительное влияние на японское языкознание. Отрывки из его сочинений 1930-х гг. представлены в хрестоматии (Языкознание 1983, 42-75). Под сильным его влиянием также написана изданная в русском переводе грамматика Киэда Масуити (Киэда, 1958-1959) (оригинал – 1937 г.). В этих работах уже описывался и современный язык.

В области звукового строя языка к этому времени в Японии уже познакомились с европейской фонологией и ввели не имевшее аналогов в японской традиции понятие фонемы, но не отказались от традиционных представлений. То, что мы привычно считаем фонемой, представляет собой уточнение восходящего к античности понятия звука (гласного или согласного). Однако в японской традиции представления

несколько иные, что отражено у Хасимото. Вот фрагмент из его книги в переводе В.И. Подлесской. Сразу отмечу, что принятый в данной хрестоматии перевод японского термина *он* как *слог* мне сейчас не представляется точным. Как заметил Е.Д. Поливанов (Плетнер, Поливанов 1930, 148), эта единица, осознаваемая японским языковым мышлением, не равна ни фонеме, ни слогу, но сходна с морой в античной науке. Слоги из гласного и согласного (или одного гласного) составляют целый *он*, но слог с дифтонгами, долгими гласными, конечнослоговым носовым (других закрытых слогов в японском языке почти нет) состоят из двух *онов*. Слово *он* буквально значит «звук»; как и русское *звук*, это слово может обозначать речевые и неречевые звуки.

Хасимото писал: «Например, звучание таких слов, как *яма* ‘гора’, *хана* ‘цветок’ *цуки* ‘луна’, *мацури* ‘праздник’, *хари* ‘игла’ членится на *я-ма*, *ха-на*, *цу-ки*, *ма-цу-ри*, *ха-ри*. Если сравнить эти элементарные единицы между собой и соотнести с нашими собственными звуковыми образами, то мы признаем, что *ма* в *мацури* и *ма* в *яма* – это один и тот же звук, так же, как *ха* из *хана* и *ха* из *хари*, *цу* из *цуки* и *цу* из *мацури*..., но *я*, *ма*, *ха*, *на*, *цу*, *ни*, *ри* и т.д. – это разные единицы... Единицы типа *ма*, *я*, *ха*, *на* называются слогами. В японском языке членение на слог, подобное приведенному выше, провести нетрудно. Однако можно членить слог на более мелкие единицы... (*танъон*) (членение *я* на [y.a], *ма* – на [m.a]... и т.д. Это членение уже трудно провести без специальной подготовки» (Языкознание 1983, 61). Хасимото также указывает, что термин *танъон* соответствует термину *фонема*.

Исконно здесь первичной единицей был *он*, выделявшийся в школе *кокугаку* и даже раньше. Этой единице (не слогу в европейском понимании), как правило, соответствуют и знаки *каны*. Характерно, что Хасимото, говоря о членении на *оны*, использует *хирагану*, а используя чужеродное для традиции понятие фонемы, вынужден переходить на латинскую транскрипцию.

Строй японского языка с очень простой слоговой структурой приводил именно к таким выводам об элементарных единицах. Поэтому японцы, познакоившись с латинским письмом после открытия страны в середине XIX в., испытывали трудности с его использованием даже в середине XX в.: исконно согласные звуки они выделять не умели. Но японская традиция сумела найти место и фонеме и «звуку» (море). Сейчас, когда латинская письменность стала в Японии привычной, звуковые представления, вероятно, изменились, однако традиционное выделение фонетических единиц сохраняется.

В области грамматики японские авторы, по-видимому, исходя из психолингвистических представлений, обладали собственным представлением о базовой единице (уже в период европеизации окончательно получившей именование *го*), сопоставимой с этой точки зрения с европейским словом; эти единицы, в частности, записывались в словарях. Однако по собственно лингвистическим свойствам *го* не всегда совпадают со словами, выделяемыми, исходя из собственной традиции, российскими и западными японистами. Особенно это заметно для спрягаемых частей речи: глагола, предикативного прилагательного и связки, обладающих сложной морфологической структурой.

В некоторых отношениях (без какого-либо прямого влияния) здесь японская традиция имела сходство с европейской. Среди *го* выделялись простые и сложные; понятие, аналогичное морфеме, отсутствовавшее в исконной традиции, во времена Хасимото уже существовало. Однако в качестве сложных *го* рассматривались лишь сложные и производные слова, а простые *го* считались минимальными значимыми единицами, хотя в предикативных частях речи с европейской точки зрения они могут члениться на морфемы. Ср. *ёму* ‘читаю, читаешь...’, *ёми* ‘читаю’, *ёмэ* ‘читай!’. Для японской традиции это были целые *го*, где последние *оны* могли заменяться друг на друга, не выделяясь как сегменты. Это точно

совпадает с античной и средневековой трактовкой словоизменения (сам этот термин происходит отсюда).

Но предикативная парадигма не сводится только к этим формам. К единицам вроде *ёму*, *ёми*, *ёмэ* могут добавляться другие грамматические элементы со значением залога, отрицания, вежливости (точнее, этикета) и др. В системе предикативных частей речи такие единицы, с европейской точки зрения, являющиеся аффиксами, у японских грамматистов издавна считались отдельными служебными *го*. Это членение сохранилось и в XX в. и является преобладающим и сейчас.

Хасимото писал, что если грамматические аффиксы присоединяются нерегулярно и непредсказуемо, то служебные *го* присоединяются ко всем *го* данной части речи (Языкознание 1983, 72-75). Критерий Хасимото очень похож на критерий регулярности А.А. Зализняка (Зализняк 1967, 24-26), но тот использовал его для разграничения словообразовательных и словоизменительных классов, а Хасимото – для разграничения аффиксов и служебных слов. В системе имени, в целом агглютинативной, деривационные элементы, присоединяемые нерегулярно, рассматривались как аффиксы, а грамматические элементы – как служебные *го*.

Таким образом, понятие знаменательного *го*, полностью не совпадающее ни с одной из единиц европейской науки, ближе всего к тому, что в русистике называется основой слова; однако некоторые аффиксы (например, *-у*, *-и*, *-э*) рассматриваются как ступени чередования в знаменательном или служебном *го*. Надо учитывать, что на формирование такого подхода, безусловно, повлияло то, что, как отмечено выше, последовательность «согласный + гласный» считается в японской традиции нечленимой.

Поскольку служебные *го* не обладают синтаксическими функциями, то Хасимото выделил, наряду с *го*, другую единицу – *бунсэцу* (буквально «сустав предложения»). Она до XX в. в Японии не выделялась, но

стала после его грамматик общепринятой (пробелами в тех редких случаях, когда они используются для японского языка, например, в детских книгах, выделяются именно *бунсэцу*). В состав этой единицы входят знаменательное *го* и все примыкающие к нему служебные *го*. Если бы такой подход применялся к русскому языку, то надо было бы единое «*бунсэцу*» на *столе* делить на три *го*: *на*, *стол'*, *э*. Впрочем, именно так выделял «семасиологически-морфологические слова», делимые затем на морфемы, И.А. Бодуэн де Куртенэ (Бодуэн 1904, 535). Так что подход, сходный с японским, существует и в европейской науке, однако не является преобладающим.

В Японии в эпоху *кокугаку* самостоятельно была выработана система частей речи для *го*. Они выделялись по двум признакам: самостоятельности – несамостоятельности, изменяемости – неизменяемости. Среди знаменательных *го* выделялись изменяемые предикативы и неизменяемые имена (разграничивались они и по семантике), среди служебных *го* – изменяемые (с европейской точки зрения, большинство глагольных аффиксов и связки) и неизменяемые (последологи, частицы). Предикативы рассматривались как объединение трёх частей речи: глаголов, предикативных прилагательных и так называемых «адъективных глаголов», совмещающих (прежде всего, в старописьменном языке) глагольные и адъективные свойства. Японские глаголы и предикативные прилагательные играют одинаковую роль в предложении, нестрого разграничиваются по семантике, но различаются по морфологическим свойствам. Адъективная парадигма сужена по сравнению с глагольной парадигмой, а общие по значению и функции элементы материально различны.

Такой классификации было достаточно в период до европеизации, позднее она несколько видоизменилась под влиянием европейской классификации. Но она больше всего затронула периферию, а не центр. Крупный класс имён разделился, помимо

класса собственно имён (существительных), на классы местоимений, наречий, иногда числительных. Но добавились и ещё две части речи, отсутствующие в большинстве европейских исследований.

Во-первых, это так называемое приименное – неизменяемое *го*, не сочетающееся ни с какими служебными *го* и выступающее в функции определения. В некотором смысле это аналог наречия, но подчинённый не глаголу, а имени (слова со значением «некоторый», «всевозможные» и пр., отличные в японском языке неизменяемостью от прилагательных). Впрочем, даже для русского языка М.В. Панов предлагал выделять «аналитические прилагательные»: *стоп*, *чудо* в составе *стоп-кран*, *чудо-печь* (Панов 1999, 152-162).

Во-вторых, это ещё один класс неизменяемых знаменательных слов, название которого соответствует английскому *conjunction* и переводится у нас как *союз*. Но в данном случае мы имеем дело с реликтом ошибочного понимания английского термина. Союзы – служебные слова продолжают включаться в состав неизменяемых служебных *го*, а к данному классу относятся знаменательные *го*, способные образовать предложение (ср. русс. *однако*), которые в европейской японистике включаются в число наречий. Особых оснований для выделения этого класса в отдельную часть речи нет (в отличие от предыдущего класса), но по традиции он сохраняется.

В основе же классификация частей речи остаётся неизменной с конца XVIII века. В случае выделения существительных, глаголов, прилагательных она имеет сходство с тем, что принято в европейской традиции (хотя прилагательное оказывается предикативной, а не именной частью речи). Однако классификация служебных слов оказывается несопоставимой с европейской классификацией, прежде всего, за счёт несовпадения слова и *го*.

Менее всего о синтезе можно говорить в области синтаксиса, поскольку японская

традиция не успела к моменту европеизации выработать синтаксические понятия. Но при его формировании в первой половине XX в., хотя влияние западных синтаксических концепций было значительным, традиционный подход мог где-то проявляться. Если в европейской науке чаще всего минимальной единицей синтаксиса обычно считается слово (а не, например, сочетание существительного с предлогом), то в японской традиции такая единица – *бунсэцу*.

Отметим и особенности японской лексикографии, которая с IX в. активно развивалась, первоначально под китайским влиянием. До сих пор, по крайней мере, в больших по объёму словарях, помещается лексики японского языка на протяжении всей его письменной истории (с VIII в.). В Японии так и не освоили трудное для понимания и четко не сформулированное понятие имени собственного, и имени, фамилии и географические названия свободно включаются в словари.

В современной Японии рассмотренные выше подходы уже не всегда являются общепринятыми, могут использоваться и концепции западной, особенно генеративной грамматики. Очень мало традиционные подходы используются в описании языков, отличных от японского, где чаще всего исходят из подходов, принятых в соответствующей стране (это относится и к японской русистике). Однако синтез традиций, сформировавшийся у Хасимото и др., во многом сохраняется, преобладая в учебной литературе и в литературе по областям лингвистики, где данные проблемы не существенны (например, по социолингвистике), но распространён и у лингвистов, занимающихся теорией языка.

Закключение. Японская традиция к моменту европеизации ещё не закончила свое формирование и тем более не законсервировалась, как другие, сформировавшиеся ранее традиции, и, видимо, поэтому смогла развиваться столь оригинальным образом.

Список литературы

Алпатов В.М. Языковая культура // История японской культуры. М.: Наталис, 2011. С.66-98.

Алпатов В.М., Басс И.И. Фомин А.И. Японское языкознание VIII-XIX вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука, 1981.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т.81. СПб., 1904. С.529-548.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Киэда М. Грамматика японского языка. Тт.1-2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958-1959.

Панов М.В. Позиционная грамматика. М.: Языки русской культуры, 1999.

Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М.: Московский институт востоковедения, 1930.

Языкознание в Японии. М.: Радуга, 1983.

Kokugogaku (1961). Japanese Linguistics. Tokyo.

References

Alpatov, V. M. (2011). Language culture, in Alpatov V.M. (ed.) *Istoriya yaponskoy kultury* [The History of the Japanese Culture]. (pp. 66-98) Moscow: Natalis, Russia (in Russian).

Alpatov, V. M., Bass I. I. and Fomin A. I. (1981). Linguistics in Japan in VIII – XIX centuries. In Desniczkaya A.V and Kacznel'son S. D. *Istoriya lingvisticheskix uchenij. Srednevekovy`j Vostok* [The History of Linguistic Theories]. (pp.262-299) Medieval East. Leningrad: Nauka

Baudouin de Courtenay, I. A. (1904). *Yazyk i yazyki* [Language and Languages]. in

E`nciklopedicheskij slovar` Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary], v. 81. (p.p.529-548). SPb., 1904, (in Russian).

Zaliznyak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflection]. Moscow: Nauka, Russia (in Russian).

Kieda, M. (1958-1959). *Yaponskaya grammatika* [Japanese Grammar] V. 1 -2. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. Russia (in Russian).

Panov, M. V. (1999). *Pozicionnaya grammatika* [Grammar of positions]. Moscow: Languages of Russian Culture. Russia. (in Russian)

Pletner O. V. and Polivanov E. D. (1930). *Grammatika yaponskogo razgovornogo yazy`ka* [Grammar of Spoken Japanese]. Moscow: Moscow Institute of Oriental Studies. Russia (in Russian).

Yazy`koznanie v Yaponii [Linguistics in Japan] (1983). in Alpatov (ed.) Moscow: Raduga. (in Russian).

Kokugogaku (1961). Japanese Linguistics. Tokyo.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук

Vladimir M. Alpatov, Dr.Sc. in Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Linguistics RAS

УДК 811.112.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-3

Архипова И. В.

**Функциональный потенциал девербативов
в аспекте актуализации таксисных отношений**

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»,
ул. Вилуйская, д.28, Новосибирск, 630126, Россия

E-mail: irarch@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0685-335X

*Статья поступила 17 января 2020 г.; принята 10 февраля 2020 г.;
опубликована 31 марта 2020 г.*

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается функциональный потенциал девербативных существительных в немецком языке.

В статье проанализирован аспектуально-таксисный потенциал немецких девербативов различной словообразовательной семантики с учетом их базовых свойств (вербогенность, ревербализуемость, таксисность, кратность).

Анализ эмпирического материала позволил выявить функциональный потенциал девербативов и определить степень их вербогенности и таксисности. Вербогенно-таксисные девербативы с максимальной степенью таксисности характеризуются ревербализуемостью и легко трансформируются в глагольные предикации. Девербативы с минимальным аспектуально-таксисным потенциалом отличаются наличием в их семантике неакциональных предметных значений и не способны актуализировать таксисные значения.

Ключевые слова: девербативы; аспектуально-таксисный потенциал девербативов; вербогенность; таксисность; вербализуемость; генетическая кратность девербативов; словообразовательная кратность девербативов; таксисно-обусловленная кратность; таксисные значения одновременности/разновременности; таксисные значения кратной одновременности/разновременности.

Информация для цитирования: Архипова И.В. Функциональный потенциал девербативов в аспекте актуализации таксисных отношений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №1. С. 20-29. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-3

Irina V. Arkhipova

**Functional potential of deverbatives in the aspect of taxis relationship
actualization**

Novosibirsk State Pedagogical University,
28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk, 630126, Russia

E-mail: irarch@yandex.ru

ORCID id: 0000-0002-0685-335X

Received 17 January 2020; accepted 10 February 2020; published 31 March 2020

Abstract.

This article deals with the functional potential of deverbative nouns in German.

The article analyzes the aspectual-taxis potential of German deverbatives of various derivational semantics, taking into account their basic properties (verbogenicity, reverbability, taxicity, multiplicity).

The analysis of empirical material allowed to reveal the functional potential of deverbatives and to determine the degree of their verbogenicity and taxicity. Verbogenic-taxis deverbatives with the maximum degree of taxicity are characterized by reverbabilizability and are easily transformed into verbal predications. Deverbatives with minimal aspectual taxis potential are distinguished by the presence of inactive semantic values in their semantics and are not able to actualize taxis values.

Keywords: deverbative; aspectual taxis potential of deverbatives; verbogenicity; taxicity; verbalizability; genetic multiplicity of deverbatives; word-forming multiplicity of deverbatives; taxis-related multiplicity; taxis values of simultaneity/asynchronicity; taxis values of multiple simultaneity/asynchronicity

How to cite: Arkhipova I.V. (2020). Functional potential of deverbatives in the aspect of taxis relationship actualization. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 20-29, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-3

Введение (Introduction)

В современной лингвистике девербативные имена существительные известны как «производные имена существительные», «отглагольные образования», «номинализации», «синтаксические дериваты», «субстантивные формы глагола», «отглагольные имена», «*nomina actionis*» и др.

В зарубежной лингвистике рассматривается, чаще всего, лексическая и аспектуальная семантика номинализаций отдельных словообразовательных моделей (А.Фабрегас, Р. Марин, Ш. Гартманн, Т. Шиппан, Н. Вольф, В. Ульмер-Эрих, Б. Зандберг, К. Кноблах, В. Эрих, К. Рапп и др.) (Большаков, 1984; Бурмистрова, 1988; Лавриненко, 1978; Erich, Rapp, 2000; Knobloch, 2002; Roßdeutscher, Kamp, 2010; Römer, 1987; Wolf, 2007; Ullmer-Ehrich, 1976; Sandberg, 1976, 1982; Schippan, 1967, 1968, 1975, 2012). Зарубежные лингвисты А. Фабрегас и Р. Марин уделяют пристальное внимание описанию статальных номинализаций в разноструктурных языках с точки зрения их аспектуальности и аргументной структуры (Fabregas, Marin, 2012). Лингвист Ш. Гартманн анализирует немецкие номинализации на -ung в диахроническом

аспекте (Hartmann, 2013, 2014a, 2014b, 2014c, 2016, 2018, 2019).

Отечественные лингвисты рассматривают девербативы как производные имена с учетом сохранения вербогенной семантики производящих глаголов (Г.Я. Лавриненко, Р.З. Мурясов, Е.Г. Бурмистрова, Н.А. Маслова, Н.А. Васильева, В.Ф. Балакирев, И.И. Большаков и др.) (Большаков, 1984; Бурмистрова, 1988; Лавриненко, 1978; Мурясов, 1991), в том числе, как элемент таксисной, инструментальной и других категориальных ситуаций (И.В. Архипова, В.А. Ямшанова) (Архипова, 2013, 2016, 2017; Ямшанова, 1991).

Основная часть (MAIN PART)

Цель работы – описать аспектуально-таксисный потенциал девербативов в немецком языке с учетом их вербогенности, ревербализуемости и таксисности.

Языковое средство как элемент языковой системы обладает определенным функциональным потенциалом, реализуемым при передаче семантического и структурно-синтаксического содержания в конкретных высказываниях того или иного языка (Шустова, 2011: 257). Характерная для вербогенных девербативов таксисная функция или их аспектуально-таксисный

потенциал актуализируется в определенном контекстуальном окружении.

Материал и методы исследования (Materials and Methods)

В ходе исследования использовались описательный метод, метод анализа и ономато-семасиологический подход, предполагающий рассмотрение языковых явлений «от семантики к средствам ее выражения» и «от средств выражения к их семантики». Материалом исследования послужили высказывания с девербативами различной семантики, полученные методом сплошной выборки из Лейпцигского национального корпуса немецкого языка.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion)

Немецкие девербативы гетерогенны с точки зрения их лексической, словообразовательной и аспектуально-таксисной семантики. Они характеризуются синкретичной двухслойной семантикой и различной степенью вербогенности, ревербализуемости и таксисности. В процессе деривации в их семантической структуре появляются конкретно-предметные значения и степень их вербогенности уменьшается.

Немецкие девербативы следует подразделять на: имена действия (*nomina actionis*), имена результативного состояния или результата действия (*nomina acti*) и имена с предметным значением деятеля или инструмента.

Среди вербогенно-таксисных девербативов следует различать статальные, процессуальные, акциональные и событийные девербативы. Статальные девербативы обозначают физическое или психическое состояние субъекта и являются производными неопределенных статальных глаголов (семы «статальность», «длительность», «неопределенность»). Процессуальные девербативы обозначают дуративный или трансформативный процесс и характеризуются семами «неопределенность», «длительность» и «пределенность», «результативность». Акциональные девербативы с семантикой деятельности или действия-

акции могут характеризоваться дуративностью, неопределенностью, пределенностью и результативностью. Событийные девербативы как производные предельных глаголов непроцессуальной семантики характеризуются пределенностью, результативностью и моментативностью.

Аспектуально-таксисным потенциалом обладают немецкие девербативы акциональной, процессуальной, событийной и статальной семантики, относящиеся к различным деривационно-словообразовательным моделям. С точки зрения словообразовательной семантики следует выделять: девербативы на -en, суффиксальные девербативы на -ung, -t, -e и безаффиксные образования, в том числе от аблаутных форм немецких глаголов.

Аспектуально- или вербогенно-таксисный потенциал девербативов может быть актуализирован в *ревербализующихся* конструкциях (термин Б. Зандберга) (Sandberg, 1981: 272-279). Вербогенно-таксисные девербативы с максимальной степенью таксисности легко трансформируются в глагольные предикации. Например:

Nach dem Erwachen verlässt mich kurzzeitig die Orientierung. (das-blaettchen.de).
→ *Nachdem ich erwacht bin*, verlässt mich kurzzeitig die Orientierung.

Meist verlieren die Opfer schon *beim Aufstehen* das Bewusstsein, können dem schleichenden Tod nicht entkommen. (www.radiohamburg.de).
→ Meist verlieren die Opfer schon, *wenn sie aufstehen*, das Bewusstsein ...

Девербативы на -en являются наиболее частотными и продуктивными производными именами в обследованном языковом материале. Акциональные девербативы на -en (das Lesen, das Schlafen, das Gehen, das Nicken, das Betrachten, das Beobachten, das Verstehen, das Begreifen, das Zaudern, das Zögern, das Nachdenken, das Wiegen) характеризуются, чаще всего, семами «дуративность» и «имперфективность» и обозначают длительное неопределенное

действие, нерезультативную деятельность, состояние или дуративный процесс.

Данные девербативы могут обозначать действие, результативную деятельность, трансформативный процесс, событие и характеризоваться семами перфективности, результативности и моментативности (*das Einschlafen, das Kommen, das Aufstehen, das Erscheinen* и др.). Например:

Nach dem Zaudern und den turbulenten internen Debatten der vergangenen Tage ist es ein Befreiungsschlag. (www.tagesschau.de).

Nach dem Aufstehen und einer schnellen Dusche setzt er sich an den Frühstückstisch. (www.fnp.de).

Beim Wiegen am Freitag gab es ein erstes Abtasten der Kontrahenten. (www.augsburger-allgemeine.de).

Beim Abtasten spürte sie Knollen in der Brust, doch eine Mammografie zeigte keinerlei Auffälligkeiten. (www.tagblattzuerich.ch).

Девербативы на -en характеризуются максимальной степенью вербогенности, ревербализуемости и таксисности. *Вербогенно-таксисные ревербализующие девербативы* на -en последовательно реализуют свое таксисное значение одновременности в следующих высказываниях:

Beim Nachdenken über die Bedeutung des Wahlsieges von Obama fallen zunächst drei Dinge auf. (das-blaettchen.de, *gecrawlt am 28.03.2018*).

Bei Dunkelwerden band er sein Pferd an einen vermeintlichen »Baumstaken« und legte sich auf ein »gesundes Schläfchen« in den Schnee. (das-blaettchen.de).

Beim Beobachten ihrer Arbeit waren De Lucchi damals die Seilzüge der Angeln aufgefallen. (www.welt.de).

Beim Sprechen kommen zum Inhalt und zur gewählten rhetorischen Form noch Farbe und Klang dazu, und das trägt entscheidend zum richtigen Verständnis bei. (www.jungewelt.de).

Beim Betrachten der grossen Informationstafel wird einem bewusst, was für eine riesige Burg damals mit den einfachsten Mitteln erstellt werden konnte. (www.freiburger-nachrichten.ch).

Некоторые статальные девербативы на -en в силу минимальной степени вербогенности и таксисности не способны актуализировать таксисные значения одновременности или разновременности (*das Befremden, das Grausen, das Erschrecken, das Entsetzen, das Erstaunen, das Entzücken*). Ср.:

Die Ärzte und Schwestern beobachteten die schnelle Genesung *mit Erstaunen*. (www.volksstimme.de).

Das Publikums tobte und vergoss reichlich Tränen vor *Entzücken*. (www.az.com.na).

Mit Erschrecken muss ich feststellen, es ist schlimmer wie ich je dachte. (www.cicero.de).

Dänemark hat *mit Entsetzen* auf den vereitelten Terroranschlag in der Hauptstadt Kopenhagen reagiert. (www.wiwo.de).

Wer Beispiele sucht, warum die Leute sich manchmal vom politischen Geschehen *mit Grausen* abwenden, wird in der Metall- und Elektroindustrie fündig. (www.gmuender-tagespost.de).

Mit Befremden hab ich diesen Artikel zur Kenntnis genommen. (www.tagesanzeiger.ch).

Девербативы на -ung характеризуются семантикой «осуществленного действия» (Schippan, 1968: 524) и обозначают действие, событие или процесс, перфективируя неопределенные глаголы или итерируя перфективные глаголы (*die Betrachtungen, die Beobachtungen, die Begegnungen, die Überlegungen, die Befragungen, die Unterhaltungen, die Unterredungen, die Besprechungen*). В последнем случае их отличает словообразовательная кратность в отличие от девербативов на -en с признаком генетической кратности (*das Nicken, das Zittern, das Säuseln, das Kräuseln, das Schlucken, das Seufzen, das Klopfen, das Kopfschütteln, das Husten, das Rattern, das Rauschen, das Achselzucken* и др.).

Девербативы на -en с признаком «генетическая кратность» и имена на -ung с признаком «словообразовательная кратность» актуализируют таксисное значение

кратности и участвуют в передаче кратной аспектуально-таксисной ситуации (итеративной, мультипликативной, дистрибутивной) в немецком языке. Ср.:

Der zuständige Mitarbeiter reagierte auf diesen Umstand *mit Achselzucken!* (www.nordbayerischer-kurier.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Mit anhaltendem Kopfschütteln hat die internationale Presse auf den Rücktritt von Michael Schumachers aus der Formel 1 reagiert. (www.gmuender-tagespost.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Zeman grüßt *mit freundlichem Nicken* den einen oder anderen Gast auf dem langen Weg zu seinem Platz. (www.landeszeitung.cz).

Nach vielen Überlegungen und einem Gespräch mit seiner Frau habe er sich dagegen entschieden, sagte der Ex-Wirtschaftsminister. (www.gmuender-tagespost.de).

Для актуализации таксисных значений одновременности или разновременности релевантный характер имеет *таксисно обусловленная итеративность* (термин Р.З. Мурясова) (Мурясов, 1991: 89), связанная с наличием в высказываниях соответствующих кратных глаголов: мультипликативов, итеративов и дистрибутивов. Ср.:

Beim Anblick der Knochen fallen sich die Menschen weinend in die Arme. (www.pnn.de, gecrawlt am 27.03.2018).

Wenn *beim Anblick der Wand* der linke Fuss zu zittern beginnt. (www.woz.ch).

При актуализации значений кратного таксиса релевантными являются дуративные и итеративные квантификаторы. К ним относятся атрибуты и адвербиалы дуративной и итеративной семантики. Итеративные квантификаторы эксплицируют итеративность обозначаемых в высказываниях действий, процессов, событий. Среди экспликаторов итеративности следует назвать итеративные атрибуты и итеративные адвербиалы различной семантики (кратности, цикличности, интервала, узуальности, комплексные и др.) (dreimal, zweimal, sonnenabends, sonntags, stets, jedesmal, morgens, abends, nachts, oft,

manchmal, selten, gewöhnlich) и итеративные атрибуты (jeder) (Храковский, 1989:19-20).

Атрибуты и адвербиалы с семантикой итеративной кратности актуализируют таксисные значения итеративной одновременности и разновременности:

Was früher frisch, witzig und modern war, tut heute *beim Zusehen manchmal* weh. (derstandard.at).

Denn *beim Anblick der kitschigen Szene* ist *jeder* auf das, was kommt, vorbereitet. (www.sat1.de).

Максимальной степенью ревербализуемости и вербогенности обладают таксисные акциональные и процессуальные имена на -ung с семами предельности и результативности. Акциональные, процессуальные, событийные и большая часть процессуальных вербогенно-таксисных девербативов на -ung актуализируют таксисное значение одновременности и разновременности. Ср.:

Nach der Übersiedlung aus der Votivkirche in das Servitenkloster ist es still um die Asylwerber geworden. (wien.orf.at)

Der Konvoi kehrte *nach Ablieferung der Güter* unversehrt wieder nach Russland zurück. (www.heise.de).

Seit der Trennung von ihrem Ex-Freund ist die Schlagersängerin Single. (www.oe24).

Bei der Behandlung seines Themas ist der Verfasser um Vollständigkeit bemüht. (dasblaettchen.de).

Bei Betrachtung der Zahlen bleibt von der Anklage nicht viel übrig. (jungefreiheit.de).

Was von Sander Seite *während der Verhandlung* gesagt wurde, war erschütternd. (www.noz.de).

Некоторые процессуальные девербативы на -ung с препозитивными атрибутами переходят в класс невербализующихся «опредмеченных» имен. При наличии постпозитивных атрибутов девербативы сохраняют аргументную структуру производящих глагола и актуализируют свой аспектуально-таксисный потенциал. Ср.:

Wer in froher Erwartung ins Stadion geht, hofft auf einen Sieg der einen oder der anderen. (www.taz.de).

In Erwartung sinkender Margen habe er jedoch seine kurzfristigen Prognosen reduziert. (www.boerse-online.de).

Среди акциональных девербативов на -ung достаточно частотными являются имена со значением ментального действия или его результата (die Erzählung, die Aufzählung, die Anmerkung, die Aufforderung, die Bemerkung, die Meldung). Например:

Die unrechtmäßig gesammelten Daten wurden auch nach einer Aufforderung durch Facebook nicht von Cambridge Analytica gelöscht. (www.mdr.de).

Erst nach mehrfacher Aufforderung sei der Mann den Anweisungen zum Anhalten nachgekommen, heißt es. (www.nwzonline.de).

Nach der Aufzählung einiger Maßnahmen der Schulgemeinschaft stellte sie klar, dass die zweite Verleihung schwieriger zu erreichen sei, da neue Aspekte mit einbezogen würden. (www.augsburger-allgemeine.de).

Bei der Aufzählung der einzelnen Einsätze im Jahresbericht des Ortsbrandmeisters war oft das Stichwort „Baum auf Fahrbahn“ zu hören. (www.noz.de).

Mit dieser summarischen Aufzählung sind die Gebiete skizziert, über die systematisch geforscht wird. (www.zeit-fragen.ch).

Pavicic erwähnt in seiner Aufzählung die nationalistisch-konservative Polin Szydlo und PSD-Drahtzieher Liviu Dragnea, der einem Europa vergällt (kommt von „Galle“). (www.adz.ro, gecrawlt am 28.03.2018).

Bei dieser Bemerkung ging ein leichtes Raunen durch den Raum. (www.mainpost.de).

Mit der letzten lustig gemeinten Bemerkung spricht Paco ein weiteres Problem an, das im Raum steht. (www.rtl.de).

Während dieser Erzählung machte sich in den Gesichtern der Gäste Entsetzen und Abscheu breit. (www.noz.de).

Nur bei der Erzählung haben sich die Macher ein paar Freiheiten gegönnt. (www.bild.de)

Bei einer Erzählung von Hanni über ihren missglückten Versuch, Reizwäsche zu tragen, bog sich das Publikum vor Lachen. (www.allgaeuer-anzeigblatt.de).

Nach einer Meldung des Nachrichtendienstes Civil Georgia haben sie dazu Bänke aus einem nahe gelegenen Park auf die Fahrbahn gestellt. (www.georgien-nachrichten.de).

Nach der Meldung einer maritimen Eruption am Montag, erwartete man zunächst eine Entschärfung der Lage. (www.kanarenexpress.com).

Среди девербативов на -ung с минимальным вербогенно-таксисным потенциалом следует назвать стательные имена с семантикой результативного состояния субъекта (die Entzückung, die Verzweiflung, die Aufregung, die Anstrengung, die Erregung, die Verwunderung, die Verachtung, die Befriedigung). В силу «опредмеченной» семантики эти девербативы часто оказываются не способными реализовывать свой аспектуально-таксисный потенциал в следующих высказываниях немецкого языка:

Mit Verwunderung habe ich den Vorschlag gelesen dort eine Ampel bauen zu wollen, das würde ich einen Schildbürgerstreich nennen. (www.gmuender-tagespost.de).

Keiner trampelte hörbar vor Entzückung, doch auch die befürchteten Buhrufe gab es nicht. (www.spiegel.de).

In der Erregung ging eine Bemerkung aus dem Interview unter, die man als zutiefst frauenfeindlich einstufen kann. (www.profil.at).

Man behandelt sie überall mit ähnlicher Verachtung und Geringschätzung, aber nirgendwo mit soviel Hass wie in Rumänien. (www.cafebabel.de).

Bei jeder sportlichen Anstrengung beschleunigt sich die Herzfrequenz, die Gefäße und Organe werden mit mehr Blut und Sauerstoff versorgt. (www.neuepresse.de).

Die betroffenen Mitarbeiter haben sich in ihrer Verzweiflung an die Gewerkschaft Unia gewandt. (www.vorwaerts.ch).

Mit Befriedigung sprach er darüber, dass man sich über die Strategien zur Bewältigung

und Minimierung moderner Herausforderungen und Bedrohungen einig gewesen sei. (deu.belta.by).

Аффиксальные девербативы на -t, -e, -o характеризуются дуративностью, имперфективностью, перфективностью и результативностью. Среди них также следует выделять акциональные вербогенно-таксисные имена, обозначающие однократное завершённое действие как акт (der Wurf, der Sprung, der Aufsprung, der Blick,), событийные (die Rückkunft, die Rückkehr, der Anblick, die Abreise, die Ankunft, die Abfahrt, der Einzug, der Eintritt, der Umzug) и статальные девербативы (der Schlaf).

Аффиксальные и безаффиксные девербативы с признаком словообразовательной кратности (die Blicke, die Besuche, die Angriffe, die Anschläge, die Übergriffe и др.) участвуют в процессе актуализации значений кратного таксиса в случае обладания ими вербогенностью, ревербализуемостью и таксисностью. Например:

Er hatte die Königsfamilie der Ureinwohner *bei früheren Besuchen* bereits getroffen. (www.1815.ch).

Die Polizei Düsseldorf ermittelt *nach den Angriffen* in zwei Anwaltskanzleien weiter. (www.kreisblatt.de).

Trotz der Anschläge von Brüssel plant der DFL vorerst keine Absage des Länderspiels in Berlin. (www.morgenpost.de).

Событийные и акциональные вербогенно-таксисные девербативы (die Ankunft, die Abfahrt, der Abschied, die Abreise, der Sprung, der Anblick, der Besuch, der Eintritt) участвуют в актуализации таксисных значений одновременности и разновременности в следующих высказываниях:

Der Posten ist *seit dem Abschied* von Matthias Sammer im vergangenen Juli vakant. (www.lessentiel.lu).

Einen Tag *vor der Abreise* bat mich mein Dad um ein Gespräch mit mir allein. (www.freiburger-nachrichten.ch).

Nach seiner Ankunft verliebte sich der Arzt aber schnell in das krisengeschüttelte Land. (www.aargauerzeitung.ch).

Ganz konkret wurde auch *vor dem Besuch von Weihnachtsmärkten* abgeraten. (www.taz.de).

Beim Eintritt in die Erdatmosphäre drückt die Raumfähre die Luft vor sich extrem zusammen. (www.gmuender-tagespost.de).

Beim Anblick dieser Farbenpracht freut man sich auf den Frühling! (www.rhein-zeitung.de).

Auch *bei dieser Abfahrt* lasse ich lieber Vorsicht walten und nehme die scharfen Kurven mit Bedacht. (www.rhein-zeitung.de).

Kurz *vor dem Sprung* kommt ihm Carla in die Quere. (www.fnp.de).

Некоторые безаффиксные девербативы-образования аблаутных форм производящих глаголов (der Griff, der Tritt, der Wurf, der Schritt, der Sprung) характеризуются минимальной степенью вербогенности и таксисности в соответствии с деривационной тенденцией к развитию неакциональных конкретно-предметных значений. В ряде случаев они не способны реализовывать свой вербогенный и аспектуально-таксисный потенциал. Например:

Beim ersten Wurf drehte sie schnell und der Abwurf gelang. (www.morgenweb.de).

Beim Sprung steht die Tessinerin hoch in der Luft, fliegt weit. (www.nzz.ch).

Nach dem üblen Tritt gegen Marco Reus zieht der Referee nur Gelb. (www.n-tv.de).

Mit einem Tritt an einen Tisch setzt er Wenger außer Gefecht und hat wieder die Oberhand. (www.rtl.de).

Bei diesem möglichen Schritt geht es auch darum, dass das Ehepaar den Fehler von Parteigründer Bernd Lucke vermeiden will. (www.solinger-tageblatt.de).

Im dritten Schritt kommt es zu den eigentlichen Stresstests. (www.profil.at).

Beim Griff nach der Beute verletzte sich der Räuber an der Hand, hinterließ Blutspuren. (www.heute.at).

Kein so schöner Gedanke, wenn *beim Griff nach Snacks* im eigenen Rucksack plötzlich etwas zurückgreift. (www.merkur.de).

Заключение (CONCLUSIONS)

Итак, гетерогенность семантики вербогенно-таксисных девербативов немецкого языка обусловило их различный аспектуально-таксисный потенциал, благодаря которому они принимают участие в актуализации таксисных значений одновременности и разновременности (кратной/ некротной).

Ревербазируемые вербогенно-таксисные девербативы характеризуются максимальной степенью таксисности. К ним относятся девербативы на -en, -ung, -t, -e и -ø. При сохранении акционально-аспектуальной семантики глаголов они участвуют в актуализации таксисных значений одновременности или разновременности. Неакциональные девербативы конкретно-предметной семантики характеризуются минимальной степенью вербогенности и таксисности. В силу своего минимального вербогенно-таксисного потенциала они не участвуют в актуализации таксисных отношений одновременности и разновременности. Таковыми являются некоторые статальные и поцессуальные девербативы на -en и -ung, а также безафиксные девербативы.

Список литературы

Архипова И.В. Предложные девербативы в современном немецком языке: монография / И.В. Архипова; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: НГПУ, 2013. 148с.

Архипова И. В. Предложный девербатив как конституент зависимого таксиса современного немецкого языка // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 135-142.

Архипова И.В. Категория таксиса в лингвистике (на материале немецких высказываний с предложными девербативами) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 196-205.

Большаков И. И. Функционально-стилистическая реализация безафиксных девербативов в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984. 22 с.

Бурмистрова Е. Г. Структура и семантика группы существительного с ядром-девербативом: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1988. 16с.

Лавриненко Г. Я. Отглагольные существительные в современном немецком языке и степень нейтрализации в них глагольных признаков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 25с.

Мурясов Р. З. Номинализация и аспектология // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 74-91.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация// Типология итеративных конструкций/ Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5-54.

Шустова С.В. Грамматическая категория и роль среды в функциональной грамматике// Функциональные свойства единиц языка: коллективная монография. Сер. Прикамское научное собрание / Некоммерческое партнерство «Прикамский социальный ин-т»; редкол.: Ерофеева т. и. и др.. Пермь, 2011. С. 255-266.

Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1991. 32с.

Fabregas A., Marin R. The role of Aktionsart in deverbal nouns: State nominalizations across languages. Journal of Linguistics, Vol. 48, no. 1, March 2012, pp. 35–70.

Hartmann St. Up and down the substantivization cline: Response to Bekaert & Enghels. Language Sciences. Vol. 73. 2019. pp.137-145.

Hartmann St. The Diachronic Change of German Nominalization Patterns: An Increase in Prototypicality. In Gabriella Rundblad, Aga Tytus, Olivia Knapton & Chris Tang (eds.), Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference, 2014a. pp. 152–171.

Hartmann St. 2014b. "Nominalization" Taken Literally: A Diachronic Corpus Study of German Word-Formation Patterns. Italian Journal of Linguistics 26(2). 2014b. pp. 123–155.

Hartmann St. Constructing a Schema: Word-Class Changing Morphology in a Usage-Based Perspective. In Martin Hilpert & Susanne Flach (eds.), Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association, Vol. 2, 2014c. pp. 235–252.

Hartmann St. Zwischen Transparenz und Lexikalisierung: Das Wortbildungsmuster X-ung(e) im Mittelhochdeutschen// Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Ed. by Demske,

Ulrike / Haustin, Jens / Köbele, Susanne / Nübling, Damaris. Vol. 135, no. 2, 2013, pp. 159-183.

Hartmann St. Deutsche Sprachgeschichte. Grundzüge und Methoden. Tübingen: Francke. 2018. 376 S.

Hartmann St. Wortbildungswandel. Eine diachrone Studie zu deutschen Nominalisierungsmustern. Berlin, New York: De Gruyter. 2016. 300S.

Ehrich V., Rapp I. Sortale Bedeutung und Argumentstruktur: -ung-Nominalisierungen im Deutschen. Zeitschrift für Sprachwissenschaft 19. 2000. pp. 245–303.

Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen. Sprachwissenschaft 27. 2002. S. 333-362.

Roßdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns// The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks. Ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. 2010. pp.169-215.

Römer Ch. Transformationalistische und lexikalistische Erklärung von Wortbildungen – dargestellt am Beispiel deverbaler -ung-Substantive. Deutsch als Fremdsprache 24. 1987. S. 217–221.

Wolf N.R. Deverbale Substantive: Bestand und textuelle Funktion. Am Beispiel der -ung-Abstrakta. Tübingen, 2007. 29 S.

Ullmer-Ehrich V. Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen. Kronberg: Scriptor-Verlag. 1. Auflage, 1976. 219 S.

Sandberg B. Die neutrale -(e)n- Ableitung der deutschen Gegenwartssprache. Zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven. Göteborg, 1976. 229 S.

Sandberg B. Zur Valenz der Substantive// Deutsch als Fremdsprache. 1982. № 5. S. 272-279.

Schippa Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habil.-Schrift. (masch. verfielt.). Leipzig, 1967. 298 S.

Schippa Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart// Deutschunterricht. 1968. H. 5. S. 522-526.

Schippa Th. Einführung in die Semasiologie. 2., überarb. Auflage. Leipzig, 1975. 269 S.

Schippa Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Verlag: Gruyter, Walter de GmbH. 2012. 316 S.

Arkhipova, I.V. (2013). *Predlozhniye deverbatiivy v sovremennom nemetskom yazyke* [Prepositional deverbatives in modern German]: monograph / I. V. Arkhipova; Novosib. state ped. uni. Novosibirsk: NSPU. (In Russian).

Arkhipova, I.V. (2016). Prepositional deverbative as constituent of dependent taxis of the modern German language. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*, 4, 135-142. (In Russian).

Arkhipova, I.V. (2017). The category of taxis in Linguistics (on the material of German statements with prepositional deverbatives. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*, 4, 196-205. (In Russian).

Bolshakov, I.I. (1984). *Funktsionalno-stilisticheskaya realizatsiya bezaffiksnykh deverbativov v sovremennom nemetskom yazyke* [Functional-stylistic realization of affixless deverbatives in modern German]. Abstract of Ph.D. dissertation: 10.02.04. Minsk, Russia. (In Russian).

Burmistrova, E. G. (1988). *Struktura i semantika imennoy gruppy s yadrom deverbativom* [The structure and semantics of a noun group with a core-deverbative]. Abstract of Ph.D. dissertation: 10.02.04. Leningrad, Russia. (In Russian).

Lavrinenko, G. Y. (1978). *Otglagolniye sushtchestvitelniye v sovremennom nemetskom yazyke i stepen neytralizatsii glagolnykh priznakov v nich* [Verbal nouns in modern German and the degree of neutralization of verb signs in them]. Abstract of Ph.D. dissertation: 10.02.04. Moskau, Russia. (In Russian).

Muryasov, R. Z. (1991). Nominalization and Aspectology. *Issues in Linguistics*, 3, 74-91.

Khrakovsky, V.S. (1989). Semantic types of sets of situations and their natural classification. *Typology of iterative constructions*. Ed.-in-chief V.S. Khrakovsky. L.: Nauka, 5-54.

Shustova, S.V. (2011). Grammatical category and the role of the environment in functional grammar. *Functional properties of language units: collective monograph*. Series. Prikamsk scientific collection of works / Nonprofit Partnership “Prikamsky Social Institute”; editorship: Erofeeva T. I. et al. Perm, 255-266.

Yamshanova, V. A. (1991). *Kategoriya instrumentalnosti v nemetskom yazyke* [Category of instrumentality in the German language]: Abstract of D. Sc. Dissertation: 10.02.04. SPb., Russia.

Fabregas, A. and Marin, R. (2012). The role of Aktionsart in deverbal nouns: State

References

nominalizations across languages. *Journal of Linguistics*, 48 (2), 35–70.

Hartmann, St. (2014a). The Diachronic Change of German Nominalization Patterns: An Increase in Prototypicality. *Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference*, 152–171.

Hartmann, St. (2014b). “Nominalization” Taken Literally: A Diachronic Corpus Study of German Word-Formation Patterns. *Italian Journal of Linguistics*, 26(2), 123–155.

Hartmann, St. (2014c). Constructing a Schema: Word-Class Changing Morphology in a Usage-Based Perspective. *Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association*, 2, 235–252.

Hartmann, St. (2019). Up and down the substantivization cline: Response to Bekaert & Enghels. *Language Sciences*, 73, 137–145.

Hartmann, St. (2013). Zwischen Transparenz und Lexikalisierung: Das Wortbildungsmuster X-ung(e) im Mittelhochdeutschen. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 135 (2), 159–183.

Hartmann, St. (2018). *Deutsche Sprachgeschichte. Grundzüge und Methoden*. Tübingen, Deutschland: Francke.

Hartmann, St. (2016). *Wortbildungswandel. Eine diachrone Studie zu deutschen Nominalisierungsmustern*. Berlin, New York, Deutschland: De Gruyter.

Ehrich, V. and Rapp, I. (2000). Sortale Bedeutung und Argumentstruktur: -ung-Nominalisierungen im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 19, 245–303.

Knobloch, C. (2002). Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen. *Sprachwissenschaft*, 27, 333–362.

Roßdeutscher, A. and Kamp, H. (2010). Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns. *The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks*, 169–215.

Römer, Ch. (1987). Transformationalistische und lexikalistische Erklärung von Wortbildungen –

dargestellt am Beispiel deverbaler -ung-Substantive. *Deutsch als Fremdsprache*, 24, 217–221.

Wolf, N.R. (2007). *Deverbale Substantive: Bestand und textuelle Funktion. Am Beispiel der -ung-Abstrakta*. Tübingen, Deutschland: Julius-Maximilians-Universität Würzburg. .

Ullmer-Ehrich, V. (1976). *Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen*. Kronberg, Deutschland: Ts. Scriptor-Verlag. 1. Auflage.

Sandberg, B. (1976). *Die neutrale -(e)n-Ableitung der deutschen Gegenwartssprache. Zu dem Aspekt der Lexikalisierung bei den Verbalsubstantiven*. Göteborg, Deutschland: Acta Universitatis Gothoburgensis (distr.).

Sandberg, B. (1982). Zur Valenz der Substantive. *Deutsch als Fremdsprache*, 5, 272–279.

Schippan, Th. (1967). *Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart*. D. Sc. Thesis. Leipzig (in Deutsch).

Schippan, Th. (1968). Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. *Deutschunterricht*, 5, 522–526.

Schippan, Th. (1975). *Einführung in die Semasiologie*. 2., überarb. Auflage. Leipzig, Deutschland: Bibliographisches Institut.

Schippan, Th. (2012). *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, Deutschland: Gruyter, Walter de GmbH.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Архипова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры французского и немецкого языков, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет».

Arkhipova Irina Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-4

Бондаренко Е. В.¹
Хасанов Т. Д.²

**Повтор как многофункциональное экспрессивное языковое
средство в текстах выступлений политических лидеров
Франции и Республики Камерун**

¹) Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: bond-elena@yandex.ru
ORCID id: 0000-0001-7909-2910

²) Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: khatim@mail.ru
ORCID id: 0000-0002-1094-7834

Статья поступила 20 января 2020 г.; принята 5 марта 2020 г.; опубликована 31 марта 2020 г.

Аннотация

Статья посвящена исследованию многофункциональности языкового явления «повтор», который рассматривается в системе французского языка Франции и в системе варианта французского языка Республики Камерун. Для понимания условий и этапов становления камерунского варианта французского языка, приводятся краткие данные его диахронии. Повтор изучается на материале текстов публичных выступлений французских политиков Эммануэля Макрона и Франсуа Фийона в период проведения предвыборной президентской кампании 2017 г. и выступления президента Камеруна Поля Бийя во время предвыборной президентской кампании 2018 г. На основе проведенного исследования текстов выступлений политических лидеров выявлено, что повтор является частотным лингвистическим средством. Предлагается определение повтора и формулируются его основные характеристики. Разрабатывается идея о том, что употребление повтора зависит от экстралингвистических факторов воздействия. Одним из важных экстралингвистических факторов является политический строй государства. Анализ контекстов показывает, что этим фактором в какой-то степени определяется выбор и использование языковых средств в текстах выступлений политических лидеров двух стран. Появление цифровых СМИ и возросшая скорость распространения информации – еще один экстралингвистический фактор, влияние которого изучается в статье. Помимо этого, предпринята попытка доказательства формирования культурных коннотаций контекстов с помощью повторов, что способствует более глубокому пониманию текстов.

Ключевые слова: система стандартного французского языка Франции, камерунский вариант французского языка, лексический повтор, синтаксический повтор, Франция, Камерун, Э. Макрон, Ф. Фийон, П. Бийя.

Информация для цитирования: Бондаренко Е.В., Хасанов Т.Д. Повтор как многофункциональное экспрессивное языковое средство в текстах выступлений

политических лидеров Франции и Республики Камерун // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №1. С. 30-42. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-4

E. V. Bondarenko¹
T. D. Khasanov²

Repetition as a multifunctional expressive language tool in the texts of speeches by political leaders of France and the Republic of Cameroon

¹) Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: bond-elena@yandex.ru
ORCID: ORCID id: 0000-0001-7909-2910

²) Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: khatim@mail.ru
ORCID id: 0000-0002-1094-7834

Received 20 January 2020; accepted 5 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

The article is devoted to the study of the multifunctional language phenomenon of "repetition" in the French language of France and in the variant of French in the Republic of Cameroon. In order to understand the conditions and stages of the Cameroonian variant's formation, brief data of its diachrony is given. The work is based on the material of public addresses of French politicians Emmanuel Macron and François Fillon during the 2017 presidential campaign and the speech of the President of Cameroon Paul Biya during the 2018 presidential campaign. Based on the current study of the political leaders' texts it was revealed that the repetition is a widely used linguistic device. The definition of repetition is proposed, and its main characteristics are formulated. The idea that the use of repetition depends on extralinguistic factors of influence is being developed. One important extralinguistic factor is the political order of the state. The analysis of contexts shows that this factor determines to some extent the choice and use of language devices in the statements made by the political leaders of the two countries. The digital mass media and the increased speed of information distribution is another extra linguistic factor, which influence is studied in the article. Besides the authors attempt to prove the formation of contexts' connotations through repetitions which contribute to deep comprehension of texts.

Keywords: standard French; Cameroonian variant of French; lexical repetition; syntactic repetition; France; Cameroon; E. Macron; F. Fillon; P. Biya

How to cite: Bondarenko E.V., Khasanov T.D. (2020). Repetition as a multifunctional expressive language tool in the texts of speeches by political leaders of France and the Republic of Cameroon. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 30-42, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-4

Введение

Столетие назад Франция, будучи колониальной державой, распространяла свою культуру и язык по всему миру. Французский язык, перенесенный на новые континенты, изменялся по законам действия языковых универсалий: если группа людей переносит свой язык на другую территорию и там его использует долгое время, то этот язык начинает развиваться по законам, отличающимся от развития языка первоначальной территории функционирования. Данный экстралингвистический фактор способствует образованию вариантов языка. Варианты французского языка были образованы «...в зависимости от территории (географическая вариативность), от социального положения (социально-культурная вариативность) и от исторической эпохи (временная вариативность)» (Лангнер, 2012: 40).

Цель нашего исследования состоит в проведении анализа языкового явления «повтор» и выявлении специфических характерных особенностей в текстах выступлений политических лидеров Франции и Республики Камерун, в выявлении культурных коннотаций, основанных на различии культурной традиции.

Выступления политических лидеров Франции и Республики Камерун рассчитаны на восприятие жителей этих двух стран, у которых сформирован культурный фон, предполагающий наличие определенный реалий культуры.

Теоретический обзор

Франсуа Фийон, бывший премьер-министр при президенте Николя Саркози, был представителем правоцентристской партии «Республиканцы». Именно Ф. Фийона политологи и политические обозреватели называли основным фаворитом будущей президентской кампании. Тем не менее, появление серии разоблачительных статей в газете «Le Canard Enchaîné», которая описывала фиктивное трудоустройство жены Ф. Фийона, нанесли сокрушительный удар репутации экс-главы правительства и

привели к стремительному снижению уровня его популярности.

Эммануэль Макрон – бывший член Социалистической партии, министр экономики при президенте Франсуа Олланде, участвовал в выборах, как независимый кандидат от им же созданной политической платформы En Marche «Вперёд». После резкого падения рейтинга Ф. Фийона именно Э. Макрон стал основным претендентом на победу в президентской гонке (Гомелаури, 2017: 31).

Поль Бийя – многолетний глава Республики Камерун, занимающий пост президента этого западноафриканского государства с 1982 года, не так давно был переизбран на эту должность в седьмой раз. П. Бийя – представитель франкоговорящего большинства страны, и оппозиция часто обвиняет его в том, что он препятствует участию в политической жизни государства представителей англоговорящего юга страны.

Основной блок контекстов нашего исследования был составлен на основе текстов выступлений Ф. Фийона и Э. Макрона с ноября 2016 года по май 2017 года. Выступление президента Камеруна П. Бийя состоялось 29 сентября 2018 года в городе Маруа. При отборе текстов выступлений мы руководствовались масштабностью мероприятия и его важностью для политической жизни страны.

В эпоху беспрецедентного развития информационных технологий слово не потеряло, а только приобрело дополнительную ценность и значимость. Многократно возросшая скорость распространения новостей и увеличившийся объем цитирования, вынуждает тщательно готовить тексты своих выступлений.

Тексты выступлений лидеров двух стран относятся к политическим текстам, как одному из видов политической коммуникации. На современном уровне развития языкознания тексты этого жанра изучаются с разных точек зрения, с применением разных подходов и методов. Особое внимание учёных привлекают тексты

предвыборных выступлений, в которых реализуются различные языковые средства воздействия и убеждения (Ехлакова, 2017, Багана, Бочарова, 2009, Миньяр-Белоручева, 2015, Тарнаева, Шаврова, 2017, Жижина, 2018 и др.). Зарубежные лингвисты также посвящают свои оригинальные исследования предвыборным лингвистическим стратегиям, реализуемыми политическими деятелями на Западе в период избирательных кампаний. Так в последнее время значительное количество научных работ было посвящено исследованию идиостиля политических лидеров западных стран: Барака Обамы (Wang, 2010, Stewart, 2011) и Дональда Трампа (Ahmadian, 2017, Casañ-Pitarch, 2018) в США, Николя Саркози (Barthélémy, 2011, Mayaffre, 2007, Cohen, 2019) и Франсуа Олланда (Sandré, 2018, Jaubert, 2013, Baider, 2015).

Н.В. Никашина и А.О. Попова указывают, что повтор представляет собой «одно из наиболее эффективных средств осуществления процесса убеждения, достижения стратегических целей» (Никашина, Попова, 2015: 202). И.И. Радченко предполагает, что «особенность повтора как стилистического приема заключается в усилении, закреплении высказывания в сознании читателя, в апелляции к его эмоциям, чувствам, настроениям» (Радченко, 2013: 131). Многие исследователи повтора в лингво-культурологическом ракурсе, отмечают, что использование повтора способствует формированию коннотативных сем (Маслова, 2001).

Научные результаты и дискуссия

Анализ текстов выступлений политических деятелей показывает, что при подготовке текстов, наиболее предпочтительными являются несколько типов повтора.

Выступления Ф. Фийона характеризуются лексическими повторами:

Parmi mes concurrents, aucun ne reconnaît la gravité de notre dette publique. Aucun ne propose de changement sérieux. Aucun ne regarde ce qui marche chez nos

voisins. «Среди моих соперников, никто не осознает тяжесть нашего национального долга. Никто не предлагает коренных реформ. Никто не берет в расчет то, что происходит у наших соседей» (Фийон, 2017: [http](http://)). Контекст содержит трехкратный контактный повтор, который в двух синтаксических конструкциях является анафорическим повтором. Кандидат в президенты от партии «Республиканцы» неоднократно употребляет местоимение *aucun* «никто, ничто», стараясь подчеркнуть свою уникальность, выделить себя на фоне политических конкурентов.

В одном из контекстов предлагается описание программ действий политических оппонентов. *Le coût du service national d'un mois proposé par M. Macron, c'est 15 Mds€. 15 milliards pour organiser des colonies de vacances qui casseront l'outil militaire français. Le coût du retour à la retraite à 60 ans voulu par Mme Le Pen, c'est 20 Mds€ qui casseront notre régime par répartition. Le coût des 32 heures et du revenu universel de M. Hamon est tellement sidérant qu'il n'est même pas besoin de l'évaluer.* «Цена всеобщей воинской повинности, которую предлагает господин Макрон, это 15 миллиардов евро. 15 миллиардов для организации военных лагерей, непомерная ноша, которая сломает французскую армию. Цена возвращения выхода на пенсию в 60 лет, инициатива, которую предлагает мадам Ле Пен, это 20 миллиардов евро, что нанесет непоправимый вред нашей пенсионной системе. Цена тридцати двухчасовой рабочей недели и гарантированного базового дохода, предложенного господином Амоном, настолько невероятная, что не нуждается в оглашении» (Фийон, 2017: [http](http://)). Это трехкратный анафорический повтор. Его использование придает структурирует речь кандидата и задает ей особый ритм. Предлагается характеристика оппозиции с неблагоприятных позиций. Политик осуществляет попытку привязать в сознании избирателей лексему *le coût* «цена, расходы, потери» с именами и фамилиями своих

соперников. Э. Макрон, использует повтор для некоторого обособления своей программы действий от политических программ конкурентов. Повтор имени существительного *un défi* «проблема, вызов» создает коннотативный эффект: именно у него, а не у его политических оппонентов, имеется верная стратегия развития страны.

Et ce que je veux, c'est recréer cette confiance dans notre société, avec vous, c'est cela, le coeur de notre projet. C'est un défi immense. C'est d'abord un défi de vérité, ce sera demain un défi d'action. «Я хочу только того, чтобы восстановить атмосферу взаимодоверия в нашем обществе, всем вместе, вот она, основная задача нашего проекта. Это огромная *проблема*. Сегодня, это *проблема* определения истины, завтра это будет *проблемой* действия» (Макрон, 2017: http). В контексте употреблен трехкратный контактный лексический повтор. В кратком отрезке текста лексема *un défi* «проблема» употребляется рядом, что создает усиление значения лексемы. существует множество проблем и необходимо найти пути их скорейшего решения.

Интересно употребление имени существительного *jeunesse* «молодежь» в этом же выступлении Э. Макрона: *Alors j'ai voulu m'adresser à vous, pour ce dernier rassemblement de notre campagne, ici, depuis Albi, parce que c'est ici, en 1903, que Jean Jaurès a prononcé son discours pour la jeunesse, devant des lycéens. Et c'est ici que je veux aussi adresser, en quelques mots, un discours à vous toutes et tous, et un discours pour notre jeunesse.* «Я хочу обратиться к вам, на этой последней встрече в рамках нашей предвыборной компании, здесь, в Альби, потому что именно здесь в 1903 году Жан Жорес произнес свою речь для *молодежи*, перед студентами. И именно здесь я тоже хочу обратиться, в своей речи к нашей *молодежи*» (Макрон, 2017: http). Повтор этого контекста характеризуется как двукратный контактный лексический повтор. Культурная сема: контекст является аллюзией на текст выступления известного политика-

социалиста начала XX в. Жана Жореса. Повтор усиливает аллюзию и способствует тому, что слушатели вспоминают выступление Ж. Жореса.

Следует подчеркнуть, что тексты выступлений Президента Республики Камерун Поля Бийя не содержат большого количества повторов.

Merci d'être venus si nombreux m'accueillir ici à Maroua. Vous avez bravé le soleil, la chaleur et les distances, pour venir à ma rencontre. De tout cœur, je vous dis merci. Merci pour toutes vos marques d'amitié et d'attachement fraternel qui reflètent bien les belles traditions d'hospitalité et de fidélité de votre région. «Спасибо вам, что пришли на эту встречу сюда, в Маруа. Вас не испугали жара и долгий путь. От всего сердца я говорю вам *спасибо*. Спасибо за вашу дружбу и братскую привязанность, которые являются показателями гостеприимства и верности вашего региона» (Бийя, 2018: http). Контекст характеризуется сложным лексическим повтором смешанного типа. Если рассматривать три первых синтаксических конструкции, то в них содержится анаэпифора, представленная двукратным повторением лексемы в начале одной синтаксической конструкции и в конце третьей синтаксической конструкции. Это дистантный полный повтор, т. к. дважды повторяемые лексемы расположены на расстоянии друг от друга и полностью воспроизводятся в тексте. Повтор выполняет экспрессивно-эмотивную функцию, которая придает выразительность всему текстовому отрезку.

Третья и четвертая синтаксические конструкции содержат еще один повтор. Это анадиплосис, повтор, при котором повторяемая языковая единица образует стык, при этом первая лексическая конструкция заканчивается лексемой, а вторая — начинается ею. Анадиплосис показывает связь между идеями. Помимо этого, повтор создает ритмическую структуру и концентрирует внимание на основной мысли. Проводя анализ

употребления повторов в текстах выступлений политиков Франции и президента Республики Камерун, следует отметить, что П. Бийя использует лексический повтор слова для придания структурности и целостности высказыванию. Функция повтора отличается от экспрессивных коннотаций повторов, в текстах цитированных выше выступлений политиков Франции.

Лексические повторы могут формироваться не только путем многократного употребления одной лексемы, но и словосочетаний, состоящих из двух или более лексем.

В своем выступлении Э. Макрон достигает яркой выразительности путем повторного употребления словосочетания *C'est cette révolution démocratique* «народная революция». *C'est cette révolution démocratique à laquelle je crois. Celle par laquelle en France et en Europe, nous conduirons ensemble notre propre révolution plutôt que de la subir. C'est cette révolution démocratique que nous avons préparée durant ces derniers mois avec En Marche.* «Я надеюсь на эту народную революцию. Благодаря ей во Франции и в Европе мы вместе проведем нашу собственную революцию, а не будем нести потери и тяготы. Именно эту народную революцию мы с партией «Вперёд» разрабатывали последние месяцы» (Макрон, 2016: [http](http://)). Это двукратный лексический дистантный повтор. Расположение повторяемой языковой единицы в начале синтаксической конструкции позволяет констатировать факт того, что это – анафора. Экспрессивный эффект достигается апелляцией к коннотативному значению лексемы «революция». Лексема «революция» дорога каждому французу, т.к. содержит ценности демократического общества Франции: «Свобода! Равенство! Братство!» Культурная коннотация – положительна. В культурной традиции Франции годы революции ассоциируются с великим временем перемен.

Употребление повторов может способствовать не только повышению экспрессивности текста или его структурированию. Это языковое явление может выполнять множество различных функций. Так, в тексте Э. Макрона повтор характеризуется созданием так называемого эффекта нагнетания ситуации. *Alors, mes amis, nous sommes à douze jours du premier tour de cette élection présidentielle, douze jours ! Et durant ces douze jours, nous allons nous battre chaque heure pour convaincre, pour conquérir, pour continuer à ce que, heure après heure, nous soyons en tête, dans douze jours, du vote de nos concitoyens. C'est cela, ce que nous devons faire sans relâche.* «Что ж, мои друзья, от первого тура президентских выборов нас отделяют всего двенадцать дней, двенадцать дней! И эти двенадцати дней, мы ежеминутно будем изо всех сил стараться убедить наших сограждан, чтобы завоевать их голоса, чтобы остаться первыми через двенадцать дней. Мы должны это делать без отдыха и перерыва» (Макрон 2017: [http](http://)). Это трехкратный контактный лексический повтор. Повторение словосочетания создает коннотативную сему в семантике сочетания «douze jours»: до выборов остается совсем мало времени, и кандидатам необходимо максимально мобилизовать свой электорат. Автор призывает к активным действиям из-за того, что времени осталось совсем немного.

Употребление трех различных типов повтора делает интересным еще один контекст из выступлений Э. Макрона. *C'est que toutes et tous, nous nous sommes dit, à un moment, ça ne peut pas continuer comme ça ! Ça ne peut pas continuer comme ça ! Parce que nous voyons aujourd'hui les mêmes visages, depuis trente ans, les mêmes visages ! <...> Alors oui, ces visages n'ont rien de neuf, leurs pratiques n'ont rien de neuf, ces femmes et ces hommes n'ont rien de neuf, rien ! Et ça ne peut pas continuer comme ça.* «Вот что в один день мы сказали себе: так не должно продолжаться! Так не должно продолжаться! Потому что на сегодняшний момент мы видим одни и те же лица, на протяжении

тридцати лет, одни и те же лица! <...> И да, эти люди (букв. эти лица) не предлагают ничего нового, в их реформах нет ничего нового, эти женщины и мужчины не предлагают ничего нового, ничего! И так не должно продолжаться!» (Макрон 2017: <http>). В первых двух синтаксических конструкциях выявляется двукратных контактный повтор. Это – анадиплосис, первая синтаксическая конструкция заканчивается повторяемой языковой единицей, вторая синтаксическая конструкция – начитается с повторяемой языковой единицы. Помимо этого, словосочетание «*ça ne peut pas continuer comme ça*» по расположению в структуре текста встречается в третий раз в конце анализируемого текстового отрезка. Поэтому мы констатируем окольцовывающий повтор, создающий яркую эмоциональную окраску всему тексту, которая является важным фактором публичных выступлений. Словосочетания «*les mêmes visages*» и «*n'ont rien de neuf*» являются примерами двукратных полных контактных повторов, которые акцентируют внимание слушателей на важных моментах выступления.

Президент Республики Камерун П. Бийя, выступая перед жителями города, наиболее сильно пострадавшего от атак террористических организаций, использует лексико-семантический повтор. *Face à un envahisseur barbare qui détruisait, brûlait, tuait, vous avez résisté autant qu'il était possible. Vous avez soutenu nos forces de défense et de sécurité.* «Сражаясь с варварами-захватчиками, которые уничтожают, сжигают, убивают все живое на своем пути, вы сопротивлялись столько, сколько это было возможно. Вы поддержали наши силы обороны и службы безопасности» (Бийя 2018: <http>). В представленном контексте присутствует трехкратный контактный повтор. Глаголы «*détruire*», «*brûler*», «*tuer*» относятся к одному семантическому полю и являются контекстуальными синонимами. Повтор выполняет эмоционально-экспрессивную функцию и функцию усиления смысла высказывания.

Лексические повторы являются частотным языковым средством, применяемым для

создания яркого, легко запоминающегося текста. Изучение контекстов выявляет, что повтор анафорического типа, является наиболее часто встречающимся типом повтора в предвыборных выступлениях кандидатов в президенты.

Анафора представлена в тексте выступления Ф. Фийона. *Pas de vrai choc économique pour booster la croissance; pas de vraie réforme du marché du travail pour baisser le chômage; pas de vrais efforts pour réduire les déficits et la dette; pas d'autorité affirmée pour faire reculer la délinquance; pas d'urgence à protéger l'identité de la France... Bref, le projet de M. Macron est la poursuite du quinquennat qui s'achève.* «Ни настоящего экономического рывка для увеличения промышленного роста; ни настоящей реформы рынка труда для сокращения безработицы; ни настоящих инициатив для уменьшения дефицита и национального долга; ни необходимой силы для сокращения преступности; ни желания отстаивать идентичность Франции... Говоря кратко, проект господина Макрона – это продолжение пятилетнего срока президента Олланда» (Фийон, 2017: <http>). Это трехкратный анафорический тип повтора. Повторяемые языковые единицы находятся рядом и повторяются в единой форме, что создает основу для выявления полного контактного повтора. В контексте повтор с использованием отрицательной конструкции создает высказыванию нужный ритм. Кроме того, употребление отрицательной частицы *pas* способствует созданию эффекта длительности, бесконечности перечисляемого списка. Функция повтора состоит в убеждении слушателей в отсутствии сильных сторон и качеств у соперников господина Фийона во время предвыборной президентской кампании.

Ценность еще одного контекста из речи Ф. Фийон состоит в том, что в нескольких синтаксических конструкциях, политик объясняет суть своей предвыборной программы. *Mes amis, il est temps. Il est temps de rompre avec l'immobilisme et les vieilles*

recettes. Il est temps de libérer les Français des vieux carcans. Il est temps de faire de notre économie un modèle envié par tous. Il est temps que la France redevienne ce qu'elle n'aurait jamais dû cesser d'être : une Nation prospère et unie qui donne à tous les mêmes chances. Cette France retrouvée est à notre portée. Mon projet est la clé qui nous la rendra. «Друзья мои, настало время. Настало время отказаться от бездействия и старых способов. Настало время высвободить французов из устаревших жестких рамок. Настало время сделать нашу экономику образцовой для всех остальных. Настало время, чтобы Франция стала такой, какой она всегда должна быть: процветающей и единой, дающей всем одинаковые шансы. Эта Франция расположена в пределах досягаемости. Мой проект – это путь, который нас к этому приведет» (Фийон 2017: <http://>). Контекст представляет смешанные типы повтора. Первые две синтаксические конструкции характеризуются анадиплосисом. Это двукратный контактный полный повтор словосочетания. Далее, в текстовом отрезке употребляется трехкратный анафорический контактный полный повтор словосочетаний. Следует обратить внимание на структурные особенности исследуемого контекста. Использование анафорического повтора реализует его экспрессивную функцию и выделяет наиболее важную, семантически значимую часть высказывания.

Известно, что тексты публичных выступлений политических лидеров готовятся заранее. Но, иногда возникают ситуации, когда политик вынужден импровизировать. В такой ситуации оказался Э. Макрон, отвечая на вопросы во время теледебатов. Контекст, взятый из этой передачи, показывает, что политик подсознательно использует повторы. *Madame Le Pen a utilisé sa conclusion toute entière pour dire des mensonges sur mon projet sans jamais dire ce qu'elle voulait pour le pays. Je ne veux pas de cela pour la France, je ne veux pas de cela pour notre pays. Je ne veux pas des profiteurs de l'échec et des exploitants de la*

colère. La France mérite mieux que cela. «Мадам Ле Пен все свое заключение посвятила сплетням и небывицам о моем проекте, не сказав ни слова о том, чего бы она сама желала для нашей страны. Я не желаю этого для Франции, я не желаю этого для нашего государства. Я не желаю, чтобы кто бы ни было получал выгоду от ненависти и злобы. Франция заслуживает гораздо большего» (Макрон 2017: <http://>). В теледебатах был использован трехкратный контактный частичный повтор словосочетания. Такое построение текста ведет к фиксации необходимой установки в подсознании слушателей: политик против сплетен, против получения выгоды. Контекст заканчивается синтаксической конструкцией, которая схожа со слоганом. Это кульминационный момент. Его положительная коннотация значима для всего высказывания, как способа формирования политического мировоззрения у публики.

Для того, чтобы идея борьбы за прогрессивное будущее страны надежно вошла в сознание людей и была связана именно с именем определенного политика, Э. Макрон, обращаясь к публике, часто повторяет важные моменты своего выступления. *Battez-vous chaque instant. Parce que le cœur de cette bataille, c'est de savoir comment nous allons changer la France. Parce que le cœur de cette bataille, c'est la lutte entre les progressistes et les conservateurs. Parce que le cœur de cette bataille, c'est celle que nous avons commencé à mener et que nous mènerons jusqu'au bout, entre les patriotes que nous sommes et les nationalistes du Front National. C'est cela, la bataille!* «Каждую секунду продолжайте бороться. Потому что суть этой борьбы, это осознание, как мы изменим Францию. Потому что суть этой борьбы, это противостояние между людьми прогрессивными и людьми консервативными. Потому что суть этой борьбы, которую мы развязали и которую мы доведем до конца, это противостояние между нами, патриотами, и националистами из

Национального фронта. Вот в чем *суть этой борьбы*» (Макрон 2017: <http://>). Четырехкратный контактный анафорический повтор. Последний, четвертый раз, словосочетание воспроизводится не полностью, поэтому мы констатируем частичный повтор. Такое построение синтаксических конструкций помогает выделить основную мысль выступления, улучшить его восприятие.

В текстах Э. Макрон часто используется вид синтаксического повтора – антитеза. *Je dis à nos concitoyens, aux femmes et aux hommes de gauche: on va gagner, parce que vos valeurs de progrès, elles sont dans notre projet! Je dis aux femmes et aux hommes de droite: on va gagner avec vous, parce que vous ne voulez pas la revanche, vous voulez de la liberté, vous êtes attachés à des valeurs, à des femmes et des hommes de responsabilité!* «Я хотел бы сказать нашим гражданам, женщинам и мужчинам, сторонникам левых взглядов: наша победа будет и вашей победой, потому что ваши передовые ценности есть в нашем проекте! Я хотел бы сказать женщинам и мужчинам, сторонникам правых взглядов: наша победа также будет и вашей, потому что вы жаждете не реванша, а свободы, вы привязаны к ценностям, вы тяготеете к людям, готовым взять на себя ответственность» (Макрон 2017: <http://>). Это трехкратный повтор словосочетания смешанного типа. В структуре второй сложной синтаксической конструкции различим кольцевой, рамочный повтор. Вся конструкция начинается и заканчивается единой повторяемой языковой единицей. Подобные синтаксические конструкции достаточно экспрессивны. Противопоставление двух противоположных точек зрения и сведение их в едином сегменте текста – это пример того, как формируется политическое мировоззрение и мировосприятие. Идея Э. Макрона ясна: он не делит народ страны на правых и левых. Он объясняет всему народу, что у них единые ценности и единые цели: сделать жизнь в стране лучше. Эта положительная

коннотация строится на базе использования повтора.

Аналогичная коннотативная сема закладывается в еще одном контексте Э. Макрона. *A vous, indécis qui êtes de gauche, <...>, je veux vous le dire: le projet que je porte est un projet d'égalité des chances, un projet d'égalité vraie, de corrections des injustices sociales. <...>. A vous qui êtes hésitants, et qui venez de la droite, vous vous apprêtez à voter pour le candidat de ce parti ou de cette sensibilité: je crois intensément que le projet que je défends est celui qui porte le mieux la liberté d'entreprendre, la libération de l'économie mais aussi de la société... <...>. Et à vous encore indécis qui venez du centre, qui êtes attachés à l'Europe, à la démocratie sociale: regardez la réalité du projet que je porte, c'est le seul vrai projet européen.* «Вам, кто не решился и, кто является сторонников левых взглядов, <...>, я хочу вам сказать следующее: проект, который я предлагаю, является проектом равных возможностей, проектом подлинного равенства, проектом искоренения социальной несправедливости. <...>. Вам, не решившимся избирателям правых взглядов и, кто думает голосовать за кандидата от этой партии или движения: я действительно полагаю, что проект, который я отстаиваю, это проект, дающий свободу предприятиям, освобождающий экономику и общество... <...>. И вам, пока не решившимся избирателям центристских взглядов и привязанным к Европе и социальной демократии: посмотрите внимательнее: наш проект является единственным по-настоящему европейским» (Макрон 2017: <http://>). Кандидат в президенты Франции обращается к избирателям разных политических взглядов. Ценность употребления повтора состоит в том, что он помогает подчеркнуть идею, что выступающий с одинаковым вниманием и уважением относится ко всем своим избирателям, к их проблемам, к тому, что их волнует и беспокоит, независимо от политических предпочтений.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что в государствах демократического строя важные общественно-политические проблемы обсуждаются в формате открытого диалога. Политики и общественные деятели постоянно принимают участие в публичных дебатах. Умение «выгодно преподнести» свои взгляды и идеи, сделать их «привлекательными» в глазах массового избирателя, эмоционально воздействовать на слушателя, и способствовать тому, что он поверит в проект, становится определяющим для многих общественных деятелей, в том числе и для политиков. В государствах, которые только становятся на путь демократического строя, публичные выступления выполняют иную функцию. Часто политики, в отсутствие конкуренции или при активном ее подавлении, не нуждаются в дополнительном языковом воздействии на слушателя. Но, тем не менее, наличие диалога между властью и народом является важным и необходимым элементом.

Франсуа Фийон и Эммануэль Макрон по праву считаются одними из самых успешных ораторов современной французской политической арены. Разные виды повторов, которые используют французские политики в своих публичных выступлениях, с одной стороны помогают донести до избирателя важную, ключевую информацию, с другой стороны, придают структурность всему выступлению и создают необходимый ритм, что является важным средством выражения авторского замысла. Президент Республики Камерун Поль Бийя значительно реже французских коллег прибегает к использованию повторов.

Анализируя фактический материал исследования, можно констатировать то, что повторы в камерунском варианте французского языка отличаются прежде всего функциональностью: они не призваны формировать общественное мнение, они не используются для формирования положительного или отрицательного образа. Они

выполняют структурообразующую и эстетическую функцию. Французские политики, в отличие от камерунского президента, гораздо чаще прибегают к использованию повтора и строят свои предложения и целые фрагменты выступления вокруг повторяемых ключевых слов-маркеров, которые они определяют, как важные и значимые. Но несмотря на указанные различия, необходимо отметить, что повтор – это многофункциональное экспрессивное языковое средство, которое характеризуется универсальностью употребления.

Список литературы

Багана Ж., Бочарова Э.А. Языковые средства персуазивной коммуникации в предвыборном политическом дискурсе (на материале предвыборных кампаний в России и США 2007-2008 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. №2. С. 5-10.

Бийя П. Présidence 2018: Discours de campagne de S.E. Paul BIYA, Président de la République du Cameroun, Candidat du RDPC, aux populations de la région de l'Extrême-Nord – Maroua, 29 septembre 2018 // 29 сентября 2018 г. – URL:

<https://www.prc.cm/fr/actualites/discours/3130-presidentielle-2018-discours-de-campagne-de-s-e-paul-biya-president-de-la-republique-du-cameroun-candidat-du-rdpc-aux-populations-de-la-region-de-l-extreme-nord-maroua-29-septembre-2018>

Гомелаури А.С. Глобализационные процессы в современном мире: роль президентских выборов во Франции // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 5. С. 30-34.

Ехлакова Н.Ф. Персуазивные синтаксические средства актуализации оппозиции «Свой»/«Чужой» в предвыборном президентском политическом дискурсе Б. Обамы (на примере избирательных кампаний 2008 и 2012 гг.) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. №3. С. 83-89.

Жирина А.Е. Тактико-стратегическое своеобразие предвыборного дискурса Д. Трампа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №7-1. С. 127-133.

Лангнер А.Н., Багана Ж. Франкофония и вариативность французского языка // Вестник РУДН. 2012. №3. С. 40-44.

Макрон Э. Discours d'Emmanuel Macron à Albi // 5 мая 2017 г. – URL: <https://en-marche.fr/articles/discours/emmanuel-macron-albi-discours>.

Макрон Э. Meeting de Besançon / Э. Макрон // 11 апреля 2017 г. – URL: <https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-besancon-discours>.

Макрон Э. Discours de Bobigny du 16 novembre 2016 // 16 ноября 2016 г. – URL: <https://en-marche.fr/articles/discours/discours-demmanuel-macron-16-novembre-2016>.

Макрон Э. Rassemblement de Dijon // 25 марта 2017 г. – URL: <https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-dijon-discours>.

Макрон Э. Meeting à Nantes // 19 апреля 2017 г. – URL: <https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-nantes-discours>.

Макрон Э. J'appelle tous les Français, ensemble, à faire avec moi cette France forte et solidaire // 1 мая 2017 г. – URL: <https://www.facebook.com/EmmanuelMacron/videos/1957393784493198/>.

Макрон Э. #2017LeDébat en 5 minutes ! // 4 мая 2017 г. – URL: <https://www.facebook.com/EmmanuelMacron/videos/1958787314353845/>.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

Миньяр-Белоручева А.П. Язык предвыборной политической рекламы США: динамика развития // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2015. №4. С. 26-33.

Никашина Н.В., Попова А.О. Типология повторов в политических выступлениях Маргарет Тэтчер // Вестник РУДН. 2015. №4. С. 202-207.

Радченко И.И. Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи // Научная мысль Кавказа. 2013. №1. С. 129-133.

Тарнаева Л.П., Шарнаева А.Н. Особенности грамматической организации англоязычного предвыборного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12. С. 168-172.

Фийон Ф. Discours de François Fillon à Clermont-Ferrand // 7 апреля 2017 г. – URL: https://www.republicains.fr/actualites_discours_francois_fillon_clermont_ferrand_20170407.

Фийон Ф. Discours de François Fillon à Lyon: «Je suis le candidat des classes moyennes !» // 13 апреля 2017 г. – URL: https://www.republicains.fr/actualites_discours_francois_fillon_lyon_20170413.

Ahmadian, S., Azarshahi, S., & Paulhus, D.L. (2017). Explaining Donald Trump via communication style: Grandiosity, informality, and dynamism. *Personality and Individual Differences*, Elsevier, 107 (1), 49-53.

Casañ-Pitarch, R. (2018). Mr. president, discourse matters: a contrastive analysis of Donald Trump and Barack Obama's discourse // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. №1.

Felicia R. Stewart. (2011). Exploring Afrocentricity: An Analysis of the Discourse of Barack Obama. *Journal of African American Studies*, 15(3), 269-278

Wang Junling. (2010). A Critical Discourse Analysis of Barack Obama's Speeches. *Journal of Language Teaching and Research*, 1(3).

Baider F. (2015). Évaluation de la présidentialité (à l'interface de la sémantique lexicale et de la linguistique de corpus). *Mots. Les langages du politique*, n° 108, Thèmes et thématiques dans le discours politique, p. 103-128.

Barthélémy, P. (2011). Nul ne peut faire comme si rien n'était arrivé. *Écrire l'histoire*, 7, 33-42.

Cohen, P. (2019). La gouvernementalité linguistique. *Écrire l'histoire*, 19, 73-81.

Jaubert, A. et Mayaffre, D. (2013). Ethos préalable et éthos (re)construit. La transformation de l'humour légendaire de François Hollande. *Langage et société*, n° 146, p. 71-88.

Mayaffre, D. (2007). Vocabulaire et discours électoral de Sarkozy : entre modernité et pétainisme. *Pensée*, 352.

Sandré, M. (2018). De présidentiable à président : évolution de l'image de François Hollande. *SHS Web of Conferences*, 46.

References

Baghana, J. and Bocharova, E.A. (2009). *Yazykovye sredstva persuazivnoy kommunikatsii v predvybornom politicheskom diskurse* [The linguistic means of persuasive communication in the election campaign discourse], *Vestnik RUDN*, 2, 5-10. (In Russian).

Biya, P. (2018). *Présidentielle 2018: Discours de campagne de S.E. Paul BIYA, Président de la République du Cameroun, Candidat du RDPC, aux*

populations de la région de l'Extrême-Nord - Maroua, 29 septembre 2018. Retrieved from: <https://www.prc.cm/fr/actualites/discours/3130-presidentielle-2018-discours-de-campagne-de-s-e-paul-biya-president-de-la-republique-du-cameroun-candidat-du-rdpc-aux-populations-de-la-region-de-l-extreme-nord-maroua-29-septembre-2018>. (In French).

Gomelaury, A.S. (2017). *Globalizatsionnye protsessy v sovremennom mire: rol' prezidentskikh vyborov vo Frantsii* [Globalization processes in the modern world: a role of presidential elections in France], *Razvitie obschestvennykh nauk rossiyskimi studentami*, 5, 30-34. (in Russian).

Ekhlakova, N.F. (2017). *Persuazivnye sintaksicheskiye sredstva aktualizatsii oppozitsii «Svoy»/«Chuzhoy» v predvybornom prezidentskom politicheskoy diskurse B. Obamy (na primere izbiratel'nykh kampaniy 2008 y 2012)* [Persuasive means of «Supporters»/«Others» opposition foregrounding in pre-election presidential political discourse of B. Obama (in terms of 2008 and 2012 election campaigns)], *Human's Science: Humanitarian Research*, 3, 83-89. (In Russian).

Zhizhina, A.E. (2018). *Taktico-strategicheskoye svoyeobrazie predvybornogo diskursa D. Trampa* [The tactical-strategic identity of D. Trump's campaign discourse], *Philological sciences. Problems of theory and practice*, 7, 127-133. (In Russian).

Langner, A.N. and Baghana, J. (2012). *Francophoniya i variativnost' frantsuzskogo yazika* [The francophonie and variation of the French language], *Vestnik RUDN*, 3, 40-44. (In Russian).

Macron, E. (2017). *Discours d'Emmanuel Macron à Albi*. Retrieved from: <https://en-marche.fr/articles/discours/emmanuel-macron-albi-discours>. (In French).

Macron, E. (2017). *Meeting de Besançon*. Retrieved from: <https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-besancon-discours>. (In French).

Macron, E. (2016). *Discours de Bobigny du 16 novembre 2016*. Retrieved from: <https://en-marche.fr/articles/discours/discours-demmanuel-macron-16-novembre-2016>. (In French).

Macron, E. (2017). *Rassemblement de Dijon*. Retrieved from: <https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-dijon-discours>. (In French).

Macron, E. (2017). *Meeting à Nantes*. Retrieved from: <https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-nantes-discours>. (In French).

<https://en-marche.fr/articles/discours/meeting-macron-nantes-discours>. (In French).

Macron, E. (2017). *J'appelle tous les Français, ensemble, à faire avec moi cette France forte et solidaire*. Retrieved from: <https://www.facebook.com/EmmanuelMacron/videos/1957393784493198/>. (In French).

Macron, E. (2017). *#2017LeDébat en 5 minutes !*. Retrieved from: <https://www.facebook.com/EmmanuelMacron/videos/1958787314353845/>. (In French).

Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology], Moscow, Russia: Academy, 208 (in Russian).

Minyar-Beloroutcheva, A.P. (2015). *Yazik predvybornoy politicheskoy reklamy SShA: dinamika razvitiya* [The language of USA pre-election political advertising: dynamics of development], *Vestnik YUrGU. Linguistics*, 4, 26-33. (In Russian).

Nikashina, N.P. and Popova, A.O. (2015). *Tipologiya povtorov v politicheskikh vystupleniyakh Margaret Thatcher* [Typology of repetitions in the political speeches of Margaret Thatcher], *Vestnik RUDN*, 4, 202-207. (In Russian).

Radchenko, I.I. (2013). *Povtor kak sredstvo realizatsii lingvisticheskoy kategorii ekspressivnosti* [Repetition as a means of realization of linguistic category of expressiveness in the text of newspaper article], *Caucasus' Scientific Thought*, 1, 129-133. (In Russian).

Tarnaeva, L.P. and Shavrova, A.V. (2017). *Osobennosti grammaticheskoy organizatsii angloyazychnogo predvybornogo diskursa* [Peculiarities of grammar organization of English-speaking pre-election discourse], *Philological sciences. Problems of theory and practice*, 12, 168-172. (In Russian).

Fillon, F. (2017). *Discours de François Fillon à Clermont-Ferrand*. Retrieved from: https://www.republicains.fr/actualites_discours_francois_fillon_clermont_ferrand_20170407. (In French).

Fillon, F. (2017). *Discours de François Fillon à Lyon: «Je suis le candidat des classes moyennes !»*. Retrieved from: https://www.republicains.fr/actualites_discours_francois_fillon_lyon_20170413. (In French).

Ahmadian, S., Azarshahi, S., & Paulhus, D.L. (2017). *Explaining Donald Trump via communication style: Grandiosity, informality, and dynamism*. *Personality and Individual Differences*, Elsevier, 107 (1), 49-53.

Casañ-Pitarch, R. (2018). *Mr. president, discourse matters: a contrastive analysis of Donald Trump and Barack Obama's discourse* // Vestnik RUDN, №1.

Felicia R. Stewart. (2011). *Exploring Afrocentricity: An Analysis of the Discourse of Barack Obama*. Journal of African American Studies, 15(3), 269-278

Wang Junling. (2010). *A Critical Discourse Analysis of Barack Obama's Speeches*. Journal of Language Teaching and Research, 1(3).

Baider F. (2015). *Évaluation de la présidentialité (à l'interface de la sémantique lexicale et de la linguistique de corpus)*. Mots. Les langages du politique, n° 108, Thèmes et thématiques dans le discours politique, p. 103-128. (In French).

Barthélémy, P. (2011). *Nul ne peut faire comme si rien n'était arrivé*. Écrire l'histoire, 7, 33-42. (In French).

Cohen, P. (2019). *La gouvernementalité linguistique*. Écrire l'histoire, 19, 73-81. (In French).

Jaubert, A. et Mayaffre, D. (2013). *Ethos préalable et éthos (re)construit. La transformation de l'humour légendaire de François Hollande*. Langage et société, n° 146, p. 71-88. (In French).

Mayaffre, D. (2007). *Vocabulaire et discours électoral de Sarkozy : entre modernité et pétainisme*. Pensée, 352. (In French).

Sandré, M. (2018). *De présidentiable à président : évolution de l'image de François Hollande*. SHS Web of Conferences, 46. (In French).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Бондаренко Елена Валентиновна, профессор кафедры второго иностранного языка, доктор филологических наук.

Хасанов Тимур Джамshedович, ассистент кафедры второго иностранного языка, аспирант.

Bondarenko Elena Valentinovna, Department of the Second Foreign Language, Doctor of Philology.

Khasanov Timur Djamshedovich, Department of the Second Foreign Language, Post-graduate Student.

УДК 80

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-5

Костыря А. В.

Когнитивные схемы в практике создания сиквелов

Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614990, Россия.

E-mail: a.v.kostyria@gmail.com

ORCID iD: 0000-0002-6510-3911

Статья поступила 18 января 2020 г.; принята 30 января 2020 г.; опубликована 31 марта 2020 г.

Аннотация. Статья посвящена проблеме когнитивной успешности сиквела. Предмет анализа – авторские когнитивные схемы, которые в идеале должны быть воспроизведены во вторичном тексте (сиквеле), для его положительного восприятия читательской аудиторией. Актуальность изучения когнитивных схем во вторичных текстах связана с современным подходом в теории текста к объяснению сложных ментальных процессов – восприятия, осмысления и переосмысления, смыслообразования. Сиквел рассматривается как воплощение воли автора, который осознанно сохраняет или не сохраняет связь с оригинальным произведением. Стиль писателя понимается как относительно исчислимый процесс: в нём могут быть выделены повторяющиеся, дискретные единицы, в частности, схемы актуализации персонажа. Перенос понятия «схема» из когнитивистики в исследования идиостиля возможен в связи с тем, что когнитивная лингвистика также оперирует исчислимыми, воспроизводимыми схемами (схемами репрезентации пространства). Материалом исследования послужили классический роман Джейн Остен «Гордость и предубеждение» (1813 г.) и сиквел к нему – «Независимость мисс Мэри Беннет» (2015 г.), написанный современным автором Колин Маккалоу. Предмет сопоставления – один из главных персонажей романа Остен – мистер Дарси, в частности его «оживление» на страницах оригинала и сиквела через актуализацию внешности, манер и поведения. В ходе сопоставления рассматривался тип актуализации (прямой/непрямой), а также конкретные стилистические инструменты её осуществления (несобственно-прямая речь и смена точек зрения). Схема актуализации персонажа в романе включает в себя номинацию и предикацию, т.е. даёт ответ на вопрос «что» актуализируется автором и «как». Анализ романа «Гордость и предубеждение» показал, что индивидуальность стиля Джейн Остен проявляется как раз в типе/способе предикации. Таким образом, создание правдоподобного персонажа, а значит и стилистического и логического продолжения оригинала невозможно без опоры на эту авторскую когнитивную схему.

Структура когнитивной схемы писателя, а также проблема коммуникативной успешности сиквелов рассматривается в контекстах современной когнитивной лингвистики и поэтики, стилистики и семиотики текста, а также социологии литературы. Методологически работа выполнена в рамках когнитивного, лингвостилистического и сопоставительного анализов.

Ключевые слова: когнитивная схема, актуализация, точка зрения, несобственно-прямая речь, предикация, сиквел, идиостиль, персонаж, Джейн Остен.

Информация для цитирования: Костыря А.В. Когнитивные схемы в практике создания сиквелов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №1. С. 43-53. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-5

Alyona V. Kostyrya

Cognitive schemes in the practice of creating sequels

Perm State National Research University
15 Bukirev St., Perm, 614990, Russia
E-mail: a.v.kostyria@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-6510-3911

Received 18 January 2020; accepted 30 January 2020; published 31 March 2020

Abstract. The article is devoted to the problem of cognitive success of the sequel. The subject of the analysis is the author's cognitive schemes, which ideally should be reproduced in the secondary text (sequel), for its positive perception by readers. The relevance of studying cognitive schemes in secondary texts is related to the modern approach in text theory to explaining complex mental processes – perception, comprehension and reinterpretation, sense making. The sequel is seen as an embodiment of the will of the author, who consciously retains or does not retain connection with the original work. The writer's style is understood as a relatively calculable process: since the repetitive, discrete units, in particular, character actualization schemes, can be distinguished in it. The transfer of the concept of "scheme" from cognitive science to the study of individual style is possible due to the fact that cognitive linguistics also operates innumerable, reproducible schemes (schemes of representation of space). Jane Austen's classic novel "*Pride and Prejudice*" (1813) and its sequel, the "*Independence of miss Mary Bennet*" (2015), by contemporary author Colleen McCullough, provided the material for the study. The subject of the comparison is one of the main characters of the Austen's novel – Mr. Darcy, in particular his "revival" on the pages of the original book and the sequel through the actualization of appearance, manners and behavior. The comparison considered the type of actualization (direct/indirect), as well as the specific stylistic tools of its implementation (free-indirect speech and change of points of view). The scheme of actualization of the character in the novel involves nomination and predication, i.e. give the answer to the question "what" is actualized by the author and "how". The analysis of the novel "*Pride and Prejudice*" showed that the individuality of Jane Austen's style manifests itself in the type\method of predication. Thus, the creation of a believable character, and hence the stylistic and logical continuation of the original is impossible without reliance on this author's cognitive scheme.

Keywords: cognitive scheme; actualization; point of view; improperly direct speech; predication; sequel; idiostyle; character; Jane Austen

How to cite: Kostyrya A.V. (2020). Cognitive schemes in the practice of creating sequels. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 43-53, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-5

Введение

В данной статье мы рассматриваем идиостиль писателя, который понимается как реализация «авторского кода» в произведении и, в идеале, как основа для создания сиквела. В качестве элементов «авторского кода» исследуются когнитивные схемы автора как способ(ы) использования языка. Коммуникативная успешность сиквелов к известным произведениям ставится в прямую зависимость от точности воспроизведения когнитивных схем оригинала.

Изучение языка с когнитивной точки зрения уже более тридцати лет успешно осуществляется в зарубежной и отечественной лингвистике (Lakoff, 1980), (Langacker, 1991), (Болдырев, 2016), (Скребцова, 2018). Исследование процессов категоризации и схематизации при этом можно отнести к наиболее перспективным направлениям. В частности, в рамках антропоцентрического подхода активно изучаются когнитивные схемы мышления человека. Когнитивные схемы – это «формы языкового сознания, которыми оперирует человек в процессах ментального конструирования мира» (Болдырев, 2016: 10). Без когнитивных схем невозможно объяснить/представить схематизацию и абстракцию – ключевые мыслительные и познавательные процессы (Evans, 2006: 115). Уместность применения термина «схема» не только для теории категоризации и концептуализации, но и в рамках когнитивной стилистики можно объяснить тем фактом, что «образы-схемы обладают экспланаторной силой, то есть объясняют $\leq \dots \geq$ особенности работы нашего воображения» (Самигуллина, 2008: 106). Другими словами, схемы могут быть использованы для понимания абстрактных концептов (Hampe, 2005: 16), (Маховикова, 2011), способны объяснить творческий процесс написания литературного произведения.

Проблеме идиостиля посвящено много исследований, как в России, так и за рубежом. Современные исследователи, в частности

занимаются моделированием и описанием концептосферы художественного произведения и языкового сознания автора (Демидова, 2019); рассматривают место когнитивного стиля в структуре идиостиля (Болотнова, 2012). Новизна подхода в данной статье состоит в рассмотрении идиостиля как относительно «исчислимого», формализованного объекта исследования, т.е. в выделении повторяющихся инструментов репрезентации персонажа (когнитивных схем) в литературном произведении. Таким образом, идиостиль писателя соотносим с алгоритмом его мышления и его способом отражения и «конструирования мира в языке» (Болдырев, 2016: 11). Введение когнитивного анализа в нарративный подход видится нам перспективным в связи с тем, что он позволяет рассмотреть понятие идиостиля в качестве формального «кода» и возможность его воспроизведения в сиквеле, что уже доказано на примере анализа ремейков шекспировских пьес (Percses, URL).

Сиквел, несомненно, относится к вторичным текстам, которые «занимают все более прочные позиции в ряду речевых произведений, функционирующих в коммуникативном пространстве общества» (Ионова, 2006: 287). Парадоксально, но восприятие «очередного сиквела» к романам Остен во многом обусловлено желанием прочесть произведение, которое бы «отличалось от оригинала, но было при этом точно таким же» (Флягина, 2000, 13). За этим желанием как нам представляется, стоит помимо прочего неосознанный интерес массовой аудитории к сюжету женитьбы («marriage plot» (Copeland, 2010: 242)) – т.е. к тому, что случится с персонажами любимого романа «после свадьбы». Этим отчасти можно объяснить массовый спрос на всевозможные (кино)адаптации, продолжения романов Остен (Hopkins, 2018), (Wifall, 2010). Положительная рецепция сиквела читателями и его кассовый успех, как мы полагаем, основываются отчасти на степени узнаваемости оригинала в продолжении («узнаваемости» стиля, сюжета, локусов,

персонажей), поскольку читатель сиквела, по сути, хочет прочесть роман, будто бы написанный рукой самой Остен, «получить ностальгическое удовольствие от бесконечного повторения сюжетов каждый раз по-новому» (Романенко, 2017: 160). Поэтому столь актуальна оказывается проблема/возможность «"полного отождествления" с неким определенным автором» (Борхес, URL) для современных писателей (Hartinger, URL), (Grijalba, URL), т.е. возможность «стать» Джейн Остен.

Основная часть

Цель работы

Рассмотреть структуру (компоненты) когнитивной схемы Джейн Остен в плане актуализации персонажа и далее то, каким образом эта когнитивная схема Остен воспроизводится в сиквеле к «Гордости и предубеждению». Формат статьи позволяет нам рассмотреть только две когнитивные схемы в оригинале и сиквеле, а именно: визуальный портрет персонажа и его поведение.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили роман Джейн Остен «Гордость и предубеждение» (Austen, 2010) и сиквел к нему, написанный современным автором Колин Маккалоу – «Независимость Мэри Беннет» (McCullough, 2008). Для описания механизма актуализации мистера Дарси в оригинальном тексте и его продолжении применялись *лингвостилистический, когнитивно-семиотический и сопоставительный* анализы.

Выбор именно этого героя обусловлен следующими факторами. Во-первых, это один из самых популярных персонажей литературного мира Остен (Morris, URL). Масштабы тиражирования мистера Дарси в современной массовой культуре и литературе едва ли поддаются описанию: он широко «востребован» в многочисленных литературных продолжениях (фанфиках, приквелах и других примерах «филологической игры» (Черняк, 2012: 236)), кинематографе. Можно с уверенностью сказать, что данный персонаж

давно покинул мир литературного текста, стал предметом «обожания и подражания» в массовой культуре (Brockway, URL). Во-вторых, мистер Дарси – персонаж сложный, противоречивый, выписанный автором интересно и не однобоко. Как и Элизабет Беннет, это герой, которому предстоит преобразиться на страницах романа, пройти извилистый путь и преодолеть свои гордость и предубеждение. Наконец, интересен и способ его репрезентации в «Гордости и предубеждении». В силу её, по большей мере, непрямого характера (через смену точек зрения других персонажей и несобственно прямую речь Элизабет) мы остаёмся в неведении об истинном состоянии Дарси, его характере, внутреннем мире вплоть до сцены объяснения между ним и Элизабет во втором томе романа. Элизабет при этом становится «рупором» автора и критиком Дарси на протяжении всего произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Стилистическая схема актуализации персонажа в оригинале

Репрезентация персонажа предполагает его актуализацию: в то время как для автора персонаж остаётся мыслительным конструктом, читатель имеет дело уже с его текстовой актуализацией. С лингвистической точки зрения актуализацию, т.е. «введение» персонажа в текстовый мир, можно рассматривать через номинацию и предикацию. Именно эти операции позволяют персонажу возникнуть на страницах романа: ведь, чем больше предикатов будет «приписано» персонажу, тем более «живым» он будет казаться для читателя. Таким образом, основная формула актуализации – это «имя + предикат». Однако, схема актуализации персонажа в романе Остен невозможна без третьего компонента, а именно того, с чьей точки зрения она осуществляется:

- 1) Имя (персонажа, локуса)
- 2) Предикат (формульный)
- 3) Точка зрения (других персонажей, авторская)

Согласно выделенной нами схеме, особенности реализации когнитивной схемы у Остен отмечены стремлением к *формульной предикации* и *репрезентацией* персонажа как с точки зрения других героев произведения, так и с авторской позиции. Рассмотрим подробнее каждый из компонентов.

Что касается отмеченного нами *способа предикации*, то в романе «Гордость и предубеждение» автор не сообщает читателю каких-либо индивидуальных, характерных черт во внешности Дарси. Его портрет дан Остен в общих фразах, с помощью предикатов типа «fine», «tall», «handsome», которые лишь создают образ типичного, («среднестатистического») джентльмена той эпохи. Парадоксально, но именно образ типичного мистера Дарси, талантливо выписанный Джейн Остен, стал одним из самых узнаваемых и запоминающихся образов в истории мировой литературы. Мы объясняем этот факт новаторством писательской манеры, которое заключается в отсутствии традиционного введения персонажа через подробную портретную характеристику – с одной стороны. А с другой – реализмом Остен-писателя, которая стремилась не навязывать свое представление о герое читателю – будь то поведение или внешность.

Мы предполагаем, что точка зрения (Simpson, 2004) – наиболее существенный/характерный компонент когнитивной схемы. Благодаря ей, характер репрезентации отличается дополнительностью прямого (от лица автора) и непрямого типа (от лица других персонажей), а, следовательно, и объективностью. Остен изредка выражает свою точку зрения в романе, т.е. прибегает к авторскому комментарию: это, например, всем известное ироничное вступление в начале романа, лаконичное описание/сравнение характеров Дарси и Бингли и т.д. Она скорее активно использует непрямую репрезентацию Дарси через других действующих лиц с помощью несобственно-прямой речи и смены точек зрения (таким образом, подтверждается идея об

исчислимости идиостиля). Пример **смены точек зрения** встречается только в первой главе во время бала в Незерфилде (на этапе интродукции персонажа), когда в повествование вводится небольшой фрагмент не собственно-прямой речи от лица нескольких персонажей одновременно. Данный приём представляет собой важное художественно-композиционное средство, поскольку создаёт визуальный и поведенческий образ персонажа, на который читатель будет впоследствии опираться при прочтении романа. Тип характеристик, представленных за счёт смены точек зрения весьма разнообразен (*handsome features, noble mien, disagreeable, most forbidding*) – положительные и отрицательные, коллективные и субъективные, мнение мужчин и женщин, предположения. Таким образом, каждый «фокус», каждая точка зрения здесь представляет свой контекст, в рамках которого мы начинаем «видеть» персонажа.

Описание же последующей эволюции поведения и взглядов передаётся посредством погружения в мысли главной героини: через иронию (Moses, URL) и **несобственно-прямую речь** Элизабет, которая является главным критиком Дарси. Несобственно-прямая речь как «сплав» из прямой и косвенной речи позволяет автору «соединиться» с персонажем, почувствовать то, что чувствует и думает он (Ригато, 1998: 164). Таким образом, непрямая репрезентация Дарси через мысли Элизабет – эффективный и новаторский для литературы XIX столетия инструмент раскрытия поведения и характера персонажа. Он обладает высокой степенью реалистичности, поскольку автор не реализует эксплицитную оценку, не навязывает её читателю, который вынужден либо сам составлять мнение и оценивать происходящее по шкале «хорошо - плохо»; либо полагаться на мнение общества и предосудительной героини Элизабет, как в случае сравнения Дарси с его тёткой леди Кэтрин де Бур: «in whose countenance and deportment she soon found some resemblance of Mr. Darcy...».

Для авторской когнитивной схемы Д. Остен, таким образом, характерна парадоксальная ситуация: реалистичность в её романах достигается за счет формульных предикатов и репрезентации персонажа не с одной, а с разных точек зрения (авторской и персонажей). Дополнительность этих двух приёмов создаёт объёмный, живой образ классического английского джентльмена, который, как мы предполагаем, крайне сложно воспроизвести «интуитивно», без опоры на когнитивную схему Остен.

Стилистическая схема актуализации персонажа в сиквеле

Перейдём далее к сиквелу К. Маккалоу «Independence of Miss Mary Bennet» («Независимость мисс Мери Беннет») и рассмотрим когнитивную схему по актуализации персонажа мистера Дарси в повествовании. В романе-продолжении повествуется о событиях, случившихся двадцать лет спустя после описанных в романе «Гордость и предубеждение»: умирает миссис Беннет, и её средняя дочь мисс Мэри, наконец, обретает самостоятельность и долгожданную свободу. Мистер Дарси борется за место в парламенте и не остановится на пути к цели ни перед чем. Он видит угрозу своей репутации в лице независимой и свободомыслящей Мэри, в то время как Элизабет борется за внимание Дарси к себе и их незаслуженно забытому сыну.

В рамках данного исследования мы придерживаемся той точки зрения, что написать продолжение романа — значит воспроизвести идиостиль автора, его когнитивную схему, то есть, в каком-то смысле, стать им.

Однако уже первичное сопоставление показало, что, в то время как в романе-основе Остен использует в определённые моменты прямой авторский комментарий, автором сиквела был выбран безличный тип повествования, когда «тот, кто повествует, не является частью художественного мира, находится вне его, занимает... позицию абсолютной вненаходимости» (Барковская,

2004: 17). Отсутствие изморфизма между выбранными Остен и Маккалоу типами повествования сказывается, на наш взгляд, и на стилистическом коде двух авторов: транслируемая ими информация и авторские голоса, таким образом, также будут различны.

В рамках сопоставления оригинала и сиквела рассмотрим набор инструментов, используемых для репрезентации мистера Дарси в сиквеле и степень достоверности, достигаемой посредством исследуемых нами приёмов. Логика анализа сиквела будет основываться на таких же параметрах репрезентации персонажа, как и в случае с оригиналом:

- тип предиката,
- точка зрения.

У Остен непрямая актуализация портретных характеристик мистера Дарси через смену точек зрения впервые встречается в третьей главе романа. Маккалоу также даёт портретные характеристики мистера Дарси в начале романа, однако прибегает при этом к несобственно-прямой речи главного персонажа, Мери Беннет:

«Still a *fine-looking* man, Mary thought, even at *fifty*. Everything a young, sheltered female could have wanted in a husband, from circumstances to presence».

По-прежнему красавец, подумала Мэри, даже в пятьдесят. Все, чего юная неопытная девушка могла бы пожелать в муже от положения до внешности.

Здесь автор не даёт подробного описания внешности Дарси, что коррелирует с замыслом Остен, её сдержанности в описании портретных характеристик. Маккалоу также «позаимствовала» такой предикат как прилагательное «*fine*», которое в оригинальном романе несколько раз встречается при описании мистера Дарси. Указание на точный возраст («*fifty*») вполне характерно для Остен. Однако в отличие от оригинала портретные характеристики Дарси встречаются на протяжении всего повествования, а не только в его начале. Таким образом, система предикатов разбросана у Маккалоу по всему тексту, а не

сконцентрирована как у Остен в начале романа, на этапе интродукции.

В целом, актуализация внешности Дарси в сиквеле осуществляется в основном через несобственно-прямую речь Мери Беннет, Элизабет, её сына Чарли, мисс Бингли и нового персонажа, друга Дарси по имени Ангус:

«His eyes bore the same cool detachment as Fitz's...».

Его глаза отличает та же холодная отчужденность, что и глаза Фица...

В данном примере несобственно-прямой речи, Ангус Синклер сравнивает «холодную отчуждённость» глаз Дарси и его преданного слуги Эдварда Скиннера. Скиннер действительно является отчуждённым от всех, замкнутым и жестоким человеком. Ему Дарси поручает слежение и спасение мисс Мери, он же совершает хладнокровное убийство. Поэтому сравнение Дарси с подобным персонажем даёт скорее психологическую характеристику, нежели портретную – с одной стороны. А с другой, на наш взгляд, происходит «подмена» мистера Дарси другим человеком. Хотя он «по-прежнему красавец» («*still a fine-looking man*»), его глаза также холодны, как у убийцы и это выдаёт в нем не джентльмена, а скорее совершенно другой тип мужчины.

В целом, косвенно о внешности Дарси мы узнаём только через комментарии героев, которые встречаются в повествовании изолированно друг от друга и не создают «смены точек зрения», полифонии мнений, как это было у Остен. Тем самым «рушатся» тот эффект достоверности повествования, который Остен создаёт при введении персонажа в роман. Маккалоу также свойственна лаконичность в описании, однако эта сдержанность может быть вызвана тем фактом, что сиквел рассчитан на читателя осведомлённого, хорошо знакомого с оригинальным романом. Автору, следовательно, нет необходимости подробно рисовать портрет Дарси.

В сиквеле мы обнаружили много примеров актуализации поведения Дарси глазами разных персонажей, например:

«Concern for his aunt was honing him into the kind of man his father should have been, and was not; Fitz's iron strength was there, but without the coldness».

Тревога за тетушку оттачивала его в мужчину, каким должен был бы стать его отец и не стал. Железная сила Фица чувствовалась в Чарли, но без холодности.

В данном отрывке друг Дарси, Ангус Синклер, рассуждает о судьбе сына Дарси, Чарли. Отец, на протяжении всего повествования, пренебрежительно относится к собственному сыну, не считая его достойным наследником. Однако даже друг Дарси усматривает в этом несправедливость и замечает, что «сын более похож на мужчину, чем отец». То, что Дарси действительно слеп и недооценивает Чарли, становится ясно с первых страниц романа. Поведение Дарси – жёсткое и холодное по отношению к своим детям Маккалоу часто акцентирует в нарративе, приводит также размышления и Мери, главной героини романа:

«In him lies more of a man than you will ever be».

В нем больше человечности, чем ты когда-либо будешь в тебе.

Так Мери мысленно сопоставляет Дарси и Чарли, опять-таки делая сравнение не в пользу отца. Как и в оригинале, Маккалоу непрямо указывает на поведение Дарси, однако, это репрезентация не так тонко выписана, как у Остен. Это вызвано тем фактом, что косвенная репрезентация Дарси несет в сиквеле лишь вспомогательную функцию, главное же мы узнаём из уст самого Дарси, он ничего «не держит в секрете» от читателя. Однако Элизабет, как и в оригинале, играет важную роль в оценке действий и поведения Дарси:

«How splendid a political career could be! Always something important to do, never the time for peace, companionship, leisure. Fitz did not mourn Mrs. Bennet's passing, she knew that well; the trouble was that he expected her to feel

the same indifference, heave a thankful sigh at the lifting of this particular burden, part shame, part embarrassment, part impotence».

Какой чудесной может быть политическая карьера! Всегда что-то важное для осуществления, никогда ни мига для мира, близости, досуга. Фиц не скорбел о кончине миссис Беннет, она знала это твердо; беда была в том, что он ждал и от нее такого же равнодушия, вздоха облегчения, что с плеч свалилась эта ноша, частично стыдная, частично смущающая, частично вергающая в беспомощность.

Таковы размышления Элизабет в самом начале романа. Эмоциональность несобственно-прямой речи также как у Остен, достигается здесь за счёт восклицательного предложения, повторов («*part shame, part embarrassment, part impotence*»). Маккалоу также добавляет противопоставление «*always – never*» для передачи состояния Элизабет, глубины её чувств: она испытывает разочарование в муже, его поведение и отношение к миссис Беннет кажется ей по праву бесчеловечным. В отличие от оригинала, здесь Элизабет заслуженно порицает Дарси, в этом нет сомнения ни у остальных героев романа, ни у читателя, поскольку нет «смены точек зрения», которая могла бы сбить читателя с толку.

Анализ сиквела «Независимость мисс Мери Беннет» показал следующее. Во-первых, выбранный Маккалоу безличный тип повествования не подразумевает авторского комментария (а значит и прямой актуализации). Во-вторых, Маккалоу осуществляет непрямую актуализацию Дарси только через несобственно-прямую речь. Такой приём, как смена точек зрения на этапе интродукции персонажа в повествовании отсутствует в сиквеле как таковой. И наконец, в-третьих, в отличие от романа-основы, несобственно-прямой речью в сиквеле обладает не только Элизабет, но и все основные персонажи романа – таким образом, мистер Дарси описан как минимум с шести точек зрения за все время повествования. В несобственно-прямой речи героев сиквела

усматриваются те же приёмы, которые использует Остен: эмоциональность, лексические и синтаксические повторы. Маккалоу также вводит противопоставление как дополнительное средство эмпасиза.

Отсутствие смены точек зрения на этапе интродукции персонажа, компенсируется, на наш взгляд, разнообразием типов несобственно-прямой речи. Шесть разных по характеру и социальному положению персонажей размышляют о мистере Дарси на протяжении всего романа. Таким образом, «смена точек зрения» растянута во времени, но также присутствует в сиквеле. Отличие данного приёма состоит в том, что Дарси уже не функционирует в романе как схема, его образу свойственна большая образность и подробность, чем в оригинале. Таким образом, мы можем заключить, что схема актуализации персонажа в сиквеле представляет собой следующие параметры:

- 1) номинация
- 2) предикация (подробная/развернутая)
- 3) точка зрения (только персонажей)

Заключение

В целом, итогом нашего сопоставительного анализа становится вывод о том, что в сиквеле «Независимость мисс Мери Беннет» автором была в определённой степени нарушена когнитивная схема Джейн Остен в плане репрезентации персонажа. Частичная замена и модификация оригинальных инструментов не прямой репрезентации, привела, во-первых, к другой степени достоверности в повествовании: Дарси в сиквеле более не функционирует как «тип», его визуальный образ дан более подробно. Во-вторых, продолжение с трудом сопоставляется с оригиналом логически: на примере мистера Дарси мы видим, что отсутствие изоморфизма между героями повествования сказывается и на восприятии всего произведения в целом (персонажи сильно различаются манерами и поведением).

Таким образом, когнитивные схемы Д. Остен в целом остаются скорее трудно достигаемыми для современных авторов

продолжений, чем «поддаются» воспроизведению. И проведённый нами анализ других сиквелов подтверждает эту тенденцию, в частности, анализ сиквела к роману «Эмма» (Остен, 2017). Приёмы Джейн Остен по визуализации образа персонажа, которые, казалось бы, «лежат на поверхности» – в рассмотренном нами сиквеле были сильно изменены, как мы считаем, по ряду причин. Несомненно, что продолжение было написано в других социокультурных условиях – и это не могло не повлиять на восприятие Маккалоу того, как должен выглядеть и вести себя (а значит и быть актуализирован) персонаж в произведении. Очевидно, что она не стремилась воссоздать стиль Джейн Остен, ведь, по сути, из всех стилистических приёмов оригинала ни один не был задействован ею в изначальном виде, так, как это задумывалось самой Остен. Отсюда следует, что идиостиль Маккалоу, её жизненный и литературный опыт стал отправной точкой для создания образа персонажа в продолжении «Гордости и предубеждения». Третья и самая главная причина – это тот факт, что когнитивные схемы, «будучи ментальными репрезентациями внешнего опыта» (Самигуллина, 2008: 105), отражают особенности мышления и сознания конкретно взятого человека, и, стало быть, настолько же индивидуальны, насколько индивидуально и неповторимо сознание каждого человека. Когнитивные схемы мышления самой К. Маккалоу послужили своего рода «фильтром», через которые неизбежно был «пропущен» роман Остен на этапе восприятия, что помешало автору в точности воспроизвести всеми любимый и узнаваемый образ английского джентльмена.

Что касается коммуникативной успешности, то сиквел К. Маккалоу получил довольно разнообразные отзывы в читательской среде (от нейтральных до крайне негативных). Поэтому мы склонны относить его, скорее, к неудачным работам. Его рейтинг на сайте Goodreads.com – всего 2.86 балла из 5 возможных (Goodreads, URL).

Таким образом, восприятие сиквела читательской аудиторией (в целом отрицательное) подтвердило результаты проведённого нами исследования – данный сиквел мы относим скорее к неудачным попыткам «стать Остен» и мыслить и писать на основе тех же когнитивных схем, что и она.

Список литературы

Барковская Н. В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-povestvovaniya-i-ih-analiz> (дата обращения: 03.10.2018).

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4 (49). С. 10-20.

Болотнова Н.С. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. №4. С. 187- 193.

Борхес Х.Л. Пьер Менар, автор «Дон Кихота». URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/borhes-horheluis/sad-rashodyaschihsya-tropok/4> (дата обращения: 06.10.2019).

Демидова Т.А. Методика комплексного описания идиостиля в аспекте теории образности // Вестник Томского государственного университета. 2019. №442. С. 4-21.

Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2006. 380 с.

Маккалоу К. Независимость мисс Мэри Беннет. М.: АСТ, 2015. 480 с.

Маховикова Д.В. Роль когнитивных образных схем в структурировании концепта time // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №3. С. 40-45.

Остен Д. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2014. 860 с.

Ригато С. Несобственно-прямая речь и её формы во второй части романа Ю.К.Олеши «Зависть» // Slavica tergestina: Studia russica. 1998. № 6. С. 163–195.

Романенко К. Ностальгия и самоирония: литературный культ Джейн Остен через фигуру ее фаната // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №6 (121). С. 155-172.

Самигуллина А. С. Понятие 'образ-схема' в современных исследованиях по когнитивной

лингвистике // Вестник ЧелГУ. 2008. №20. С. 101- 106.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика тридцать лет спустя // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 465-480.

Черняк М.А. Филологическая игра как стратегия прозы XXI в. // Ярославский педагогический вестник, 2012 №1, Том I (Гуманитарные науки). С. 236-240.

Austen J. *Pride and prejudice*. London: Collins Classics, 2010. 402 p.

Brockway L. S. 7 reasons we still love Mr. Darcy. URL:https://www.huffpost.com/entry/7-reasons-we-still-love-mr-darcy_b_9101836 (дата обращения 01.03.2019)

Copeland E., McMaster J. *The Cambridge Companion to Jane Austen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 302 p.

Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2006. 830 p.

Goodreads. *Independence of Miss Mary Bennet*. URL: https://www.goodreads.com/book/show/3919195-the-independence-of-miss-mary-bennet?ac=1&from_search=true (дата обращения 01.03.2019)

Grijalba S. «Que comparen a Bridget Jones con los personajes de mis novelas me parece un insulto». URL: <https://www.elmundo.es/especiales/2013/cultura/en-femenino/jane-austen-entrevista.html> (дата обращения 06.10.2019)

Hampe B. *Cognitive Linguistics Research*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2005. 501 p.

Hartinger B. *Writing Sequels: 7 Rules for Writing Second Installments*. URL: <https://www.writersdigest.com/online-editor/7-rules-writing-sequels> (дата обращения 06.10.2019)

Hopkins L. *After Austen. Reinventions, Rewritings, Revisitings*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 296 p.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 628 p.

McCullough C. *The Independence of Miss Mary Bennet*. New-York: Simon & Schuster, 2008. 337 p.

Morris D. Is Mr. Darcy the Ideal Regency Gentleman? URL: [https://www.moorgatebooks.com/09/is-mr-darcy-](https://www.moorgatebooks.com/09/is-mr-darcy-the-ideal-regency-gentleman/)

[the-ideal-regency-gentleman/](https://www.moorgatebooks.com/09/is-mr-darcy-the-ideal-regency-gentleman/) (дата обращения 05.12.2018)

Moses C. *Jane Austen and Elizabeth Bennet: The Limits of Irony* // *Persuasions* (The Jane Austen Journal). URL:

<http://www.jasna.org/publications/persuasions/no25/moses/> (дата обращения 06.10.2019)

Percec D. *Revisiting the Classics and the New Media Environments: Shakespeare Re-Told by Jeanette Winterson, Margaret Atwood and Edward St. Aubyn* // *Multicultural Shakespeare*. 2020. 20 (1). 133-150.

Simpson P. *Stylistics. A resource book for students*. London: Routledge, 2004. 247 p.

Wifall R. *Introduction: Jane Austen and William Shakespeare Twin icons?* *Shakespeare*, 2010. 403-409.

References

Barkovskaya, N. V. (2004). Narrative types and their analysis, *Filologicheskij klass*. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-povestvovaniya-i-ih-analiz> (in Russian).

Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemes of language interpretation, *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 4 (49), 10-20 (in Russian).

Bolotnova, N.S. and Bolotnov, A.V. (2012) "Cognitive style of the language personality in the structure of the idiostyle model: to the problem statement" // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, №4, 187- 193. (in Russian).

Borhes, H.L. P'er Menar, avtor «Don Kihota» [Pierre Menard, Author of the Quixote] Retrieved from: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/borhes-horhe-luis/sad-rashodyaschihsya-tropok/4>

Demidova, T.A. and Gricenko, L.M. (2019). Method of complex description of idiostyle in the aspect of the theory of figurativeness, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. №442, 4-21 (in Russian).

Ionova S.V. (2006). *Approksimaciya soderzhaniya vtorichnyh tekstov* [Approximation of the content of secondary texts] Izdatel'stvo VolGU, Volgograd, Russia (in Russian).

Makkalou, K. (2015). *Nezavisimost' miss Meri Bennet* [The Independence of Miss Mary Bennet] AST, Moscow, Russia (in Russian).

Mahovikova, D.V. (2011) Rol' kognitivnyh obraznyh skhem v strukturirovanii koncepta time, *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, №3, 40-45. (in Russian).

- Osten, D. (2014). *Maloe sobranie sochinenij* [Small collection of works] Azbuka, St. Petersburg, Russia (in Russian).
- Rigato, S. (1998). "Free indirect speech and its forms in the second part of the novel by Yu. K. Olesha "Envy"", *Slavica tergestina: Studia russica*, 6, 163–195 (in Russian).
- Romanenko, K. (2017). Nostal'giya i samoironiya: literaturnyj kul't Dzhejn Osten cherez figuru ee fanata, *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*, №6 (121), 155-172 (in Russian).
- Samigullina, A. S. (2008) The concept of 'image-scheme' in modern research on cognitive linguistics, *Vestnik CHelGU*, 20, 101- 106 (in Russian).
- Skrebtsova, T.G. (2018). "Cognitive linguistics thirty years later", *Vestnik SPbGU, Language and literature*, 15 (3), 465-480 (in Russian).
- Chernyak, M.A. (2012). Philological game as a prose strategy of the XXI century, *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, v. I (Gumanitarnye nauki)*, 1, 236-240 (in Russian).
- Austen, J. (2010). *Pride and prejudice*. Collins Classics, London, UK.
- Brockway, L. S. (2016). 7 reasons we still love Mr. Darcy. Retrieved from: https://www.huffpost.com/entry/7-reasons-we-still-love-mr-darcy_b_9101836
- Copeland, E. and McMaster, J. (2010). *The Cambridge Companion to Jane Austen*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Evans, V. and Green, M. (2006). *Cognitive Linguistics. An Introduction*, Edinburgh University Press Ltd, Edinburgh, UK.
- Goodreads. Independence of Miss Mary Bennet. Retrieved from: https://www.goodreads.com/book/show/3919195-the-independence-of-miss-mary-bennet?ac=1&from_search=true
- Grijalba, S. (2013). Que comparen a Bridget Jones con los personajes de mis novelas me parece un insulto. Retrieved from: <https://www.elmundo.es/especiales/2013/cultura/en-femenino/jane-austen-entrevista.html> (Accessed: 6 October 2019)
- Hampe, B. (2005). *Cognitive Linguistics Research*. Walter de Gruyter GmbH & Co, Berlin, Germany.
- Hartinger, B. (2017). Writing Sequels: 7 Rules for Writing Second Installments. Retrieved from: <https://www.writersdigest.com/online-editor/7-rules-writing-sequels> (Accessed: 6 October 2019)
- Hopkins L. (2018). *After Austen. Reinventions, Rewritings, Revisitings*. London: Palgrave Macmillan
- Lakoff G. and Johnson M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Langacker, R. W. (1991). *Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites*. Stanford University Press, Stanford, USA.
- McCullough, S. (2008). *The Independence of Miss Mary Bennet*. Simon & Schuster, New-York, USA.
- Morris, D. (2015). *Is Mr. Darcy the Ideal Regency Gentleman?* Retrieved from: <https://www.moorgatebooks.com/09/is-mr-darcy-the-ideal-regency-gentleman>
- Moses, C. (2003). Jane Austen and Elizabeth Bennet: The Limits of Irony // *Persuasions (The Jane Austen Journal)*. Retrieved from: <http://www.jasna.org/publications/persuasions/no25/moses/>
- Percec, D. (2020). Revisiting the Classics and the New Media Environments: Shakespeare Re-Told by Jeanette Winterson, Margaret Atwood and Edward St. Aubyn. *Multicultural Shakespeare*, V. 20, Issue 1, 133-150.
- Simpson P. (2004). *Stylistics. A resource book for students*. Routledge, London: UK.
- Wifall, R. (2010). Introduction: Jane Austen and William Shakespeare Twin icons? *Shakespeare*, 6, 4, 403-409.
- Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**
- Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**
- Костыря Алёна Владимировна**
старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет
- Kostyrya Alyona Vladimirovna**, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-6

Jerome Baghana¹
Katarina Slobodova
Novakova²
Jana Birova³

The French Language in sub-Saharan Africa: Revisited

¹⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod,
308015, Russian Federation,
E-mail: baghana@bsu.edu.ru
ORCID id:0000-0001-6061-3288

²⁾ University of Ss. Cyril and Methodius
2 Nimestie lozefa Herdu, Trnava, 91701, Slovakia
E-mail: katarina.novakova@ucm.sk
ORCID id:0000-0002-8331-7040

³⁾ University of Ss. Cyril and Methodius
2 Nimestie lozefa Herdu, Trnava, 91701, Slovakia
E-mail: jbirova@yahoo.fr
ORCID id:0000-0003-3378-7009

Received 21 February 2020; accepted 20 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

The article discusses the role of the French language in sub-Saharan Africa. The authors analyze ideological, linguistic, historical, and sociolinguistic factors which affect the way the French language functions and the position it has in Africa.

The French language is the language of inter-ethnic communication, education, the press and science in sub-Saharan Africa. However, it is impossible to conclusively define the place of the French language in sub-Saharan Africa since linguists disagree on whether French is “a second” or “the privileged” language.

The article highlights the interaction of the French language and local languages within the framework of the conflict situation of African-European bilingualism and reveals the national and cultural specifics of the French language in sub-Saharan Africa.

Keywords: French language; sub-Saharan Africa national and cultural specifics; diglossia; bilingualism; first language; second language; interlanguage

How to cite: Baghana J., Slobodova Novakova K., Birova Ja. (2020). The French Language in sub-Saharan Africa: Revisited. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 54-64, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-6

Introduction. The emergence of French on the African continent dates from the middle 17th century. First, the Portuguese, and then the French, landed in Africa, and began to organize

marine expeditions to the shores of the African continent for creation of trading posts and trade, including slaveholding deal. In 1830, the French began to deliberately capture the north of the

African continent. These actions of France, which turned Algeria into colonial French possession, are called the "Invasion of Algeria" (L'expédition d'Alger). It was this invasion that led to the fall of the Ottoman Empire, which existed for three hundred years. At this time, France owned a number of countries of North and North-West Africa (including the Greater Maghreb).

The spread of the French language in French possessions in Africa was the result of successive actions. The language policy was based on the understanding that the degree of colonial influence in the African territories depended in many respects on the degree of distribution of the French language. The spread of the French language in French possessions in Africa was the result of successive actions. The language policy was based on the understanding that the degree of colonial influence in the African territories depended in many respects on the degree of distribution of the French language. There are two main ways to strengthen the French language in the life of Africans: through communication with native speakers and through the targeted introduction of language colonies by administrations in various areas of African society. Communication with native speakers was possible thanks to the numerous French and Belgians who held the posts of teachers, doctors, administrators, etc. in African countries.

Methods

The research is based not only on traditional methods of sociolinguistic research, i.e. observation, comparative method, and general research methods, i.e. deduction, induction, analysis but also benefited from the potential of the introspection method applied.

Results and discussions

How can we determine the role of the French language in sub-Saharan Africa? It doesn't seem possible to give an unambiguous answer to this question. What is important to observe, is the role of ideological, linguistic, historical, and sociolinguistic aspects.

Aspect: Ideology. According to a number of researchers, it has been linguistically and

sociolinguistically confirmed that the French language of Africa is different from the French language in other countries. Other researchers insist that French in Africa is a combination of errors, abbreviations and nonconformities of the French language of France.

The progress of the regional variants of the French language have shown their fruitfulness and dynamism, which is particularly true for the development of the French language of Africa. The outcomes of this process imply and suggest a revision for the approach where the language is regarded as an en bloc construction phenomenon. Besides, the linguistic system will definitely benefit from introduction of the fact of differentiation into it. As the linguistic variety functions, it constitutes the whole of diverse subsystems.

It is highly advisable to base the research into the sub-Saharan African variant of the French language on the concept of heterogeneity which is characteristic for any language system. This idea was developed by H. Schuchardt back in the 19th century, after a long time after its first introduction it became a widespread subject among scholars interested in sociolinguists and contact languages.

Aspect: Linguistics. The African version of the French language is characterized by the structure which constitutes noticeable dissimilarities and distinctness as compared to its central version. All the levels of this language variant possess the mentioned-above features. However, it yet lets this variant be characterized more as French than as African. This variant still maintains both the foundations and the usage of the morphological, phonetic, syntactic and semantic order. For example, *mon enfant est toujours joli*. – *Mon enfant est toujours joli*. – My child is always beautiful (Djoum Nkwescheu 2010: 366).

In the phonetic system of vowels, the opposition [i] / [y] is found. The weakening of the contrast between these phonemes as a result of delabialization [y] is characteristic to a greater or lesser extent of those Africans who use the basilect variety of French. For example, *un grand misucien est arrivé en ville*. – *Un grand*

musicien est arrivé en ville. – A famous musician came to the city (Djombo 2012: 141).

The vocabulary of the French language in Africa is also undergoing certain semantic changes in the course of its development. So, in words of the French language, there are cases of narrowing of meaning, expansion of meaning, and many words of the French language have undergone semantic specialization.

For example, the French word *ancien* in Africa and France does not always mean the same thing. In Africa, *ancien* can mean a student who has completed at least one year of University studies.

Les anciens font peur aux palins au sujet des études à l'université. – Senior students frighten young people by studying at the University (Massoumou 2007: 273).

But *ancien* can also mean military, senior in rank:

Ancien! Dans quel corps es-tu maintenant? – Commander, what unit are you currently serving in?" (Tansi 2014: 78).

This word is especially common among students and soldiers.

One of the most common means of enriching the vocabulary of the French language in Africa is the displacement of meaning. By shifting the meaning, the words of the Central French version acquire other meanings. For example, the word *kilo* (kilogramme) ("kilo (kilogram) – a measure of weight equal to 1000 grams") is well known to educated Africans. For the rest of the population, this word is associated with medical centers that monitor the weight of infants. Women, most often illiterate, hearing the word *kilo* (kilogram) when weighing children, call it and the institution itself. To date, the displaced meaning of this word has become widespread among both uneducated and educated populations: *j'attends ma femme qui est allée au kilo*. – I'm waiting for my wife, who went to weigh the baby in the hospital (Tudesq 2012: 124).

Based on the word *kilo* in the Congo, the expression *aller au kilo* – «go to the hospital to weigh a child»:

Tous les mois, il faut aller au kilo pour l'enfant. – Every month the child is taken to the weigh-in (Aboa 2016: 169).

Africans also do not see any difference in the meaning of the verbs *entendre* – "to hear", *écouter* – "to listen", *comprendre* – "to understand", *apprendre* – in the meaning of "to learn something" (Depecker 2013: 59), since all the listed meanings in the African kikongo language are transmitted by the single verb *wa*. Examples are the following phrases:

1) *Parce que avec mon poste de radio je peux comprendre les nouvelles de mon pays* – «because my radio allows me to understand the news of the country» (instead of *je peux être informé des nouvelles de mon pays* – «I can learn about the news of my country»);

2) *Je préfère le petit poste de radio pour comprendre les musiques* – «I prefer a radio receiver in order to understand music» (instead of *pour écouter la musique* – "to listen to music").

Among the syntactic features of the French language in Africa, the specificity of the interrogative sentence should be noted. Africans mistakenly resort to using the construction *est-ce que* + inversion: *est-ce que le marché a-t-il commencé?* – "the market is already working?" (super-correction) (Schiavone 2017: 150). This phenomenon can be observed not only in the mesolect and basilect, but sometimes in the acrolect.

Aspect: History and Sociolinguistics. What is now characterized as innovative, distinctive characteristics of the African variant of the French language actually resulted from the historical setting of its distribution on the territory of sub-Saharan Africa. Thus, diachronic descriptions require enhancement by means of synchronous ones, which will allow distinguishing constant characteristics from innovations. To general dismay, linguists often adopt synchronous perspective putting the diachronic perspective in an unfavorable position.

First and foremost, they are requirements of methodology for the distinction between the linguistic and sociolinguistic aspects. Thus, the linguistic aspect presumes the existence of the

sociolinguistic one. It doesn't seem possible to define the African variant of the French language from the view point of Linguistics without glancing at its description from the viewpoint of Sociolinguistics. Yet it's still impossible to define any sociolinguistic situation without turning to linguistic characteristics.

Generally speaking, in an ideal scenario, it is highly advisable to base every possible research into the sub-Saharan African French language on its social unit (ethnic group, administrative body, specialist group, age group), even though the classification method problem may arise from this kind of distinction.

For the purposes of the present research we distinguished the focus community where the characteristic of variations is of a particular scientific interest together with the explanations for the circumstances which resulted in their present-day existence, the relationships between the French language and other languages. Relationships, opinions, and social and cultural interpretations also provide a rich background for the main research subject.

However harsh may this statement look, but we insist that it's impossible to conclusively define the condition and the place occupied by the French language in sub-Saharan Africa.

The linguists (Simeu S., 2018; Tending M.L., 2017; Lezou Koffi A. D., 2016; Nzessé L., 2015; Nyembwe Ntita A., Matabishi S., 2012, De Féral C., 2014) haven't yet developed a unanimously supported approach to whether French in Africa be "a second" or "the privileged" language. Studies prior to the present article which discuss the French language outside France mostly tend to the approach of French as "a second" language in the countries where the historical development was significantly affected by France. In his collection "Profils d'apprenants: actes du IXe Colloque international Acquisition d'une langue étrangère" J.C. Pochard provides (with reference to D. Veronique (1993)) analyses addressing the concepts of non-native languages as "first", "second", "foreign", etc. This article provides a lot of important scientific data, as

well as the works authored by J.-P. Cook (1991), P. Dumont (1992), and Ngalasso (1992).

In the current situation of the linguistic and socio-linguistic science, there aren't any doubts left on how to describe the condition and the place occupied by the French language in African French-speaking countries, or in other words, in the countries that previously were French colonies. The current situation resulted from the development of several causes.

The first one arises from the fact that the French language isn't mother tongue for the indigenous people of Africa. There are definitely where it can be native, but they aren't typical.

The second one is explained by the fact that French in Africa isn't merely another foreign language. It is characterized by having an important role and carrying out a significant social function (Tending 2017: 111).

So it is evident that there's no possibility to adequately define the French language either as a mother tongue or as a foreign language.

Nor are there any prospects for questioning the necessity of conceptualizing teaching it with the regard of individual approach and its social and linguistic particularities in certain countries. African students are confined within the strict limits of quick acquiring of a foreign language and of an imported culture that won't proceed without consequences which in their turn precondition psychological and cognitive particularities.

Following a widely-supported opinion, "should there be a question to argue, it is the concept of "secondary" language" (Cuq 1991: 6). We support the opinion of this researcher in regards to describing it as rather an unsuitable characteristic. This definition tends to have a mystifying nature. No matter how harsh this judgment may seem one can clearly substantiate it with facts that manifest the specificities of the "second" language.

It is appropriate to start discussing this phenomenon from the genetic definition of the adjective "second" which means next after the first. In terms of language, this is a language which person will speak instead of their mother

tongue. When the process of learning it is rapid, the language gains a certain part of a person's cognition. But the differences between a "foreign" and a "second" language aren't still covered by this distinction. Both "foreign" and "second" languages can only appear after the native language, but some other accompanying definitions are surely needed.

J.-P. Cuq writes that "in terms of Sociolinguistics, a certain level of appropriation of "second" language by the community which uses this language characterizes it.

This criterion though isn't a required condition to determine the "secondary-ness": in Djibouti, for example, the level of knowledge of the French language is relatively low, but the fact that the French language plays a special role in the life of the country is undeniable. Taking into account the institutional point of view, the term "second" implies that the language possesses legal and social significance, which distinguishes it from just a foreign language" (Cuq 1991: 139).

For the concept of "second" it is inevitable to have at least one "first" language as well as a definite order or a hierarchy.

Proceeding from this idea, we acknowledge the "foremost" origin of French in Africa where it covers the spheres of administrative governance, teaching and learning, and the imparting or interchange of thoughts, opinions, or information by writing.

In this context of institutional regulation, French often mostly functions as the first language, while the status of other languages tends to be undervalued. This discrepancy results in the definition of "second" being quite unfair, since. Sticking to the sociolinguistic frame of reference, native languages should be the first unquestionably.

J.-P. Makouta-Mboukou writes that "in sub-Saharan Africa another view to this problem exists. French is a foreign language. But instead of speaking a "foreign", they use a "second" language, since this adjective is considered to be more neutral than "foreign". Thus "second" language is defined in several ways.

According to the first one, the "second" language is sometimes described as active, while native language – as actual. For the Africans fluent in French, it is sometimes called "the language of choice". For the Africans only literate of the basics of French, comes the option where it is known as "language of hope". It won't be quite doubtful to consider all these definitions as insufficient.

French as actual language: it is defined by social localization thus it can be regarded as such only for a small number of locals.

French, as the language of choice: Africans fluent in French rarely use their native language. Nevertheless, they form only a small part of speakers.

French as language of hope. For those who acquired French only at the beginner or elementary level and cannot speak it fluently, it isn't a "language of hope". It can be such only for their descendants. This fact proves that the governments have realized the mistakes of colonialism. Colonialism strangled it with expansion, because it did not take into account one simple condition, according to which a young African, studying French, already speaks the national language, which has tightly rooted in his life. And this what one should take into account (Makouta-Mboukou 1973: 93).

Prof. A. Sauvage writes that "excellent knowledge of the mother tongue is a good basis for the successful acquiring of second and third languages. That is, the lack of native language skills gives a stark obstacle to studying a foreign language. Local residents normally use their native languages, i.e. autonomous languages, and these languages almost haven't been explored while they have numerous structures of the French language on the phonetic, grammatical, and semantic levels" (Sauvage 1973: 93).

At that point, "French is not a native language for local residents and mainly serves as a means of communication for those who do not speak any of the national languages; the language of interethnic communication, it at best acts as the "second" language" (Ngalasso 1986: 13).

There's one more viewpoint which we would rather stick to for it can extricate false representations. Thus the "privileged language" as a more appropriate term, covers the special condition of the French language in Africa, without overemphasizing the role of hierarchy. A language can be of a privileged position when related to other languages and remain a "second".

This term can also presume a certain attitude a speaker would have towards acquiring and using it that can be found in the French-speaking countries of Africa. Thus the term "privileged" is considered to highlight the approach a speaker would have to this language, and seems way more objective. Using this term, we will be able separate various groups of languages and different social functions performed by French as well as employ it for distinguishing them regarding the hierarchy. This is the case when we refer to the situation of diglossia.

French as an interlanguage and the official language of the country The French language with standard and popular-colloquial forms a system of specific variants. These variants have their specific sociolinguistic status, cultural role in the community where they are spoken, their structural, normative variativeness and originality of speech. Along with that, throughout numerous and various territories, French is also a universal tool for communication.

Every French-speaking area has its own, separate species of the French language represented there. The "central" version of French, i.e. the French language of France is undoubtedly characterized by a different, superior position among all other varieties of French.

For France, Belgium, Switzerland and Canada the French language variants are the mother tongue, the native means of communication of the respective national groups living there, i.e. French, Walloon, French-Swiss and French-Canadian.

These language forms are appropriate to be regarded as national variants of the French

language. The process of gradual change then continued in the states of the empire where they coexisted until it fell apart. Then, after a massive relocation of French people to the territory of Canada after its colonization during the New France campaign and later by England. This is how the Canadian variant of the French language is widely believed to form.

For the French-speaking Africa, the significant role belongs to the organization known as Francophonie. If compared to other regions, it becomes evident that the features present here result mainly from specific features of interaction between French and local languages. Besides, the state of the African version of the French language as it is, also constitutes its specifics.

French isn't the ground for ethnic identification for the peoples of sub-Saharan Africa. The variants of speech in the sub-Saharan African French aren't and can't be called national, because only certain parts (layers) of society here use it as a non-native language. The languages to identify the ethnicity of Africans remain the autochthonous ones, and they are also the means of communication for them. The sub-Saharan African French language carries out various important functions for the communities.

Thus, being at once official language and non-native for the locals, the sub-Saharan African French language is a territorial variant of the French language. Actions of all levels aimed to achieve result in teaching and learning are Currently performed in French. In Africa, both those characterized by high qualities of culture and learning and the ones who lack education have acquired French. The speech of those uneducated Africans is rich in Africanisms; besides it is influenced by many local factors. Autonomous languages and the mentioned-above simplified so-called "elementary French" are often considered to be intermediary languages.

As for the standard French, which comprises the academic standard and used internationally, in the press and education as an

official language there is a variety of local variants.

The French language continues to hold an enormous position in all kinds of work that involves being known to a lot of people, especially in politics, but also in religion and education, it is the language of the persons of the highest classes and an indispensable requirement for moving upwards on the social ladder. The standard French can be also regarded as the foundation for African national cohesion and personal identity.

The written language functions as a standard: write = write in French; know = know French, since French mainly offers modern knowledge.

In other words, the French language implanted and fixed deeply and firmly in such life spheres as school, administration, justice, the mass media, it is required as a workplace skill.

Besides, people often regard the French language as a skill which can greatly contribute to the advancement up the social ladder. Along with that, it isn't the most essential skill. There definitely exist jobs and functions which do require higher linguistic competence levels but in general they don't identify it as a strict necessity.

When it comes to signing high-level documentation, the officials prefer ones edited in French for, as it is generally believed among them, it can contribute to a successful outcome of the problem the signed documents address.

Thus, the French-speaking African countries actually use two variations of this language in different situations. So the actual situation is such that French represents both an official language (though non-native one) and an interlanguage. Being an intermediary language, it goes beyond the local languages for the purposes of interethnic and intra-ethnic communication.

Situation of Variance

Being a situation of variance, African-European bilingualism can actually be regarded as a conflict situation.

In terms of linguistics, conflict is understood as an order where there's a dominant language and its adoption holds back the role and development of native languages. Thus, dominant positioned French is a sensitive problem for national languages, that seek acknowledge as state language which significantly starts with their implementation into the system of education.

In fact, many persons relating to different offices or positions of duty, trust, or authority French is actually "the lesser of evils". Besides, it's French that as a class, the prominent or superior intellectuals, tend to favor with regard to its being a symbol of unity and cohesion.

As a natural result of the situation, ill-educated Africans can find themselves dependent on the French-speaking minority. the latter are Africans characterized by proficiency in the scholar- or university-level French and with an unconditional right to vote. For the residents of rural areas, French, especially academic French, is less important, and local intermediate languages provide them with the function of a unifying factor.

As a means and the subject of education and training, French is naturally and completely different from indigenous peoples' native languages and from the language of communication between different ethnicities.

In course of time Africans who acquire French gain more and more of new information about state-of-the-art technologies. Along with that they master a foreign language with an immediate shift from merely speaking to writing and reading activities.

The native language forms the map of the world on the mind of a person starting from the childhood. It also suffers the effect from the environment the person develops in, family and social network. When at educational facilities, students adsorb information – its flow is overwhelming and comprises facts and ideas originating from an alien culture and they sometimes can lack understanding by students. Here's the situation when social levels and generations appear distinguished by the French language.

However unfair it may seem to native autonomous languages, today none of them possesses all necessary tools and possibilities to take over the dominating position currently reserved by French. Many of these languages function only in an oral way. Others haven't been researched into in an appropriate way to take upon them the burden of the official state language.

Employment of the autonomous languages for the purposes of the education system is a resolved issue, though it will require a massive effort to codify the languages, to develop their standards, to write and approve manuals, academic courses and their curricula, as well as programmes for teacher's career development trainings (Ndombi 1984: 66).

But it will also require voluminous governmental assistance to realize all the above-mentioned activities that address the autonomous languages, and their becoming a subject of academic level research.

National and cultural particularities

The French language spread within the borders of the territories during and after the period colonization. It contributed in the formation of novel ethnic and cultural entities. This fact resulted in the national and cultural peculiarities of the French language of African countries. Thus, to the national and cultural particularities belong to the distinctive features of the African French variants.

"The complexity and inconsistency of various cultural influences in the past, the objective need to expand interaction with the outside world and between African cultures themselves, currently puts interaction and mutual influence of cultures among a number of basic problems of important theoretical and practical importance" (Africa 1989: 337).

Today, research separates the concepts of "contemporary culture" and "new culture". The concepts thus are regarded as nonidentical. Speaking of "contemporary culture", this concept tends to be of a quantifiable character. It covers the whole concept of the culture in the current time period. Along with that, the second term inclines towards a qualitative character.

The latter suggests the culture's being unlike, dissimilar, or distinct in nature or qualities when compared to the traditional culture which can be referred to as old culture.

"The distinction between the new and traditional African culture is often simplified, and the new culture means what is fundamentally different from the old (in modern African conditions, what comes from the West). This understanding isn't correct, because the new African culture is a fusion of own and alien, and sometimes it can fundamentally change the essence of what is considered to be alien" (Nikiforova 1992: 27).

For the research into an integrated African culture from the perspective of its structure, the research may benefit from studying it taking into consideration both historical and modern aspects. "The existent term "modern African culture" can be thus considered not only in a narrow sense. Habitually broadly defined concept covers both its whole past and modern day's traditional culture of African peoples. cultural tradition and modern culture are comprised by the term the new African culture" (Klovov 2000: 92).

"The new African culture is not something completely alien to African traditions, in particular, it is not a product of only European influence. But the traditional culture of Africa isn't something archaic, conservative and stagnant. The new culture of African society incorporates many features of traditionalism; at the same time, traditional African culture is in constant development, while modern elements enrich it" (Baileys 1986: 13).

Of all the wrongdoings on the conscience of colonialism, its effort to make Africans believe that they don't possess their own culture. Modern day Africans don't question the significance of their heritage.

"What is most important is that from now on, culture is no more associated with past stages of society, but with its future. They also understand that they are responsible for preservation of the traditional values because they are the foundation for new cultural entities. The traditional culture of modern Africa is

impossible without relying on the past culture, and it also has elements of modern culture. At the same time, it is important for modern culture to note that it is not a product of pure European influence, and there's a certain share of the national tradition" (Baghana 2004: 22).

Within the framework of the current research we tend to stick to the position of absence of a merged African culture; numerous individual ethnicities possess common features. Thus, it seems highly appropriate to consider the existence of numerous African cultures. Every people living in Africa creates and develops their own culture.

The Francophonie is described as "linguistic and cultural unity created between peoples who use the French language, even if this language is not the official language of the states in which these peoples live" (Montera, Campion 1969: 57).

So it is important to understand that Francophonie isn't simply a group of people speaking French. But rather, as this French-speaking community is spread all over the world, and forms a unified space from the perspective of linguistics and geography.

Speaking of the complex phenomenon of the African culture, today it consists of mosaic components of traditional and modern cultures that demonstrate an observable competition between the traditional/old and modern/new. In the framework of this struggle, an important role belongs to French which is still significant for all kinds of activities characteristic for this society. The continent dwellers' acknowledgement and attitude to French as to their own language. But taking in consideration all the said above, to what extent is the French language able to convey and express African culture?

Being a non-native language, French faces certain difficulties in being sufficient to meet the necessities of the speakers of African origin for understanding and expressing their feelings, opinions, attitudes, etc.

It results in natural process of trickling of linguistic and paralinguistic units which there are to convey nonlinguistic, extratextual

components of African culture into the French language spoken on this continent.

It is linguistic and cultural transfer of different forms that ensures this effect. There are four types of transfer: conceptual, associative, attitudinal and emotive. The first type covers the arrival of particular words and meanings connected with logic and concepts formed in speakers within the framework of a different language and culture. The second type respectively employs the same language levels which maintain traditional cultural associations. The attitudinal type represents the transfer of new logical estimations to the notions of the words used in the speech in the non-native language. The fourth type is also based on trickling of the attitudes which speakers have developed in accordance with the experiences in everyday life, historical development, culture, and state-of-mind and behavior standards of this community concerning the communication by means of human language.

Prospects for the development of the language situation in sub-Saharan Africa

The development of French on the discussed territories can progress according to a number of ways. The three essential features for division of the language into layers seem to continue their existence. Despite the opinions anticipating negative outcomes, autochthonous languages will keep their function of a means of communication and self-expression for those inhabitants of the countryside areas for quite a long time. As for intermediary languages, they will carry on their gradual development while French reserves its functions and superior position.

The modification is anticipated for the existent equilibrium in the functioning of the languages. Autochthonous languages, in particular those not characterized by larger scales, will keep facing the decline while the bigger ones are potent to take on the functions of local languages in addition to intermediary ones.

French is expected to inadvertently fail to retain its exclusiveness as the state language

while continuing to function as language of teaching and learning, overall development and a tool for international advancement.

Describing French in Africa it is appropriate to refer to it as a mesolect, for it's mesolect that prevails in the speech of locals. It is understandable because it proves a better efficiency for communication while it can manifest non-conformities to the grammar standard. It is important and even inevitable to give consideration the settled mode of thinking and speaking of Africans while teaching them French vocabulary.

The African officials and governments should will make every effort to ensure that each language retains its rightful place to ensure the overall balance and social and political equilibrium. The African French possesses unique traits which should be considered when taught in educational institutions.

The said above is complemented by the social aspect of the use of French along with its linguistic properties. French connects and constantly interacts with local autochthonous languages. The existent language situation requires handling, directing, governing, and control in order to accomplish the situation where imported languages cooperate with local ones instead of driving each other out of communication.

Conclusion

French and the national languages are condemned to co-exist, with all the advantages and disadvantages of this situation.

Two variants of the French language can be distinguished according to their functioning in different communication situations in sub-Saharan Africa. The first version of the French language interacts with African languages and is an intermediate language for Africans. As the latter, it goes beyond the autochthonous ones in the coverage of functions performed.

Taught and studied at a low level, the French language of the local population is far from perfect. It is full of various kinds of features that are no longer perceived as an individual phenomenon, but as a mass characteristic of the language, as a social fact.

The linguistic situation in sub-Saharan Africa is characterized by the presence of diglossia, since the languages used by Africans belong to different groups and perform various social functions spread according to their hierarchy. The French language is a factor in the segregation of the educated and uneducated, rural and urban populations.

References

- Aboa A. L. (2016). La dynamique du français en milieu urbain à Abidjan. *Le français en Afrique*, 30, 163-171.
- Africa: Reciprocity of Cultures (1989). Moscow: Publishing house "Nauka", Russia (in Russian)
- Baghana J. (2004). Language Interference in the Conditions of French-Congolese Bilingualism: Dissertation for a Doctor's of Philology degree, Saratov (in Russian).
- Baileys V.A. Tradiciya v sovremennykh kul'turakh Afriki [Tradition in the modern cultures of Afrika]. Moscow: Publishing house "Nauka", Russia (in Russian)
- Cuq J.-P. (1991). *Le français langue seconde. Origine d'une notion et implications didactiques*. Paris: Hachette, France.
- Depecker, L. (2013). *Petit dictionnaire insolite des mots de la francophonie*. Paris: Larousse, France.
- Djombo, H. (2012). *Lumière des temps perdus*. Paris: Présence africaine, France.
- Djourn Nkwescheu A. (2010). La nasalisation dans le français camerounais : un processus marqué? *Le français en Afrique*, 25, 361-375.
- Dumont P., Maurer B. (1995). *Sociolinguistique du français en Afrique francophone: gestion d'un heritage, devenir une science*. Vanves: EDICEF
- Klov V.T. (2000). *Francuzskij yazyk v Afrike: Lingvokul'turologicheskoe issledovanie* [The French Language in Africa. Linguistical and Culturological Research]. Saratov: Publishing house of Saratov University, Russia (in Russian).
- Makouta-Mboukou J.-P. (1973). *Le français en Afrique Noire (Histoire et methodes de l'enseignement du français en Afrique noire)*. Paris: Bordas, France
- Massoumou, O. (2007). *Le français en République du Congo (sous l'ère pluripartiste 1991-2006)*. Paris : CPI, France.
- Montera H, Campion X. (1969). *Dictionnaire de la francophonie, Francophonie*, 1.

Ndombi J.R. (1984). Notes sur les relations interlinguistiques en République Populaire du Congo, Bulletin de ROFCAN, 5, 55-70.

Ngalasso M.M. (1986). Etats des langues et langues de l'Etat au Zaïre Politique africaine. Paris: Karthala. France

Nikiforova I.D. (1992). Objectives of interdisciplinary studying of modern culture of African countries in Social and ethno-cultural processes in modern Africa (pp26-34). Moscow.: Publishing house of Institute of Africa, Russia (in Russian)

Sauvage A. (1973). Quatrième biennale de la langue française in Le français en Afrique Noire (Histoire et méthodes de l'enseignement du français en Afrique noire). (pp93) Paris: Bordas, France

Schiavone C. (2017). Les mots du patrimoine au Sénégal. Le français en Afrique, 31, 2017, 147-159.

Shehu N. (1986). Cultural Identity, Science and Technology in the XXth Century. The African Predicament in Cultural Development, Science and Technology in Sub-Saharan Africa. (pp 49-55) Baden-Baden

Tansi, S. L. (2014). L'Etat honteux. Paris: Le Seuil, France.

Tending M.L. (2017). Je ne suis pas francophone! Je suis sénégalais. De quoi «francophone» est-il donc le nom et «francophonie» le dénominateur commun? Le français en Afrique, 31, 103- 123.

Tudesq, A.-J. (2012). L'Afrique parle, l'Afrique écoute. Les radios en Afrique subsaharienne, Paris, Karthala, France

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Jerome Baghana, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University

Katarina Slobodova Novakova, Ph. D, Dean of the Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius

Jana Birova, Ph. D., Associate Professor, University of Ss. Cyril and Methodius

УДК 811.14
811-26

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-7

Andrey V. Vdovichenko

Aquila's Bible translation in the communicative theoretical model
(Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Institute of Linguistics, RAS
1B. Kislovsky Ln., Moscow, 109004, Russia
Orthodox St Tikhon University for Humanities,
23B Novokuznetskaya St., 115184, Moscow, Russia
E-mail: an1vdo@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-4814-9042

Received 25 February 2020; accepted 10 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

The first part of the article emphasizes the fallacy of the principle of semantic autonomy of the sign, which in most cases constitutes the fundamental presumption of the linguistic description (the so-called "meanings of words, sentences, texts and verbal language"). The dynamic communicative model of the verbal process assumes that: 1) the "language" metaphor is ineffective for explaining semantic formation in a word-containing semiotic action; 2) the used concepts of a sign (words, sentences, texts) do not have an autonomous semantic (meaning-forming) identity if interpreted outside of a complex semiotic actions performed by the author (actor); 3) what is produced and interpreted in the natural communicative process is the semiotic impact (act) of the communicant, and not a structure of self-significant signs (words); 4) any semiotic (communicative) action is interpreted as complex, multi-channel, multi-factor. The text is defined in the article as a sequence of non-autonomous verbal elements that just "hint" at the corresponding communicative actions. Communicative actions (sought in the generation and interpretation) are perceived in identity on the basis of parameters that the author of the action and then the interpreter think in complex reality.

Such an approach is helpful in interpreting the general manner and the particular cases of Aquila's Bible translation, that is suggested in the second part of the article. Non-grammatical (non-language) interpretation of what Aquila did, allows describing verbal data more correctly. The result of his work (as it was thought by himself) was not a translation in strict sense. That was a component of a traditional communicative practice of reading and studying the Scripture in the Greek-speaking diaspora communities. Aquila's text can be appreciated and understood adequately just in the frame of this practice, being a part of the complex communicative situations (the latter can be understood and interpreted, in contrast with language and grammar). His text had a big success not in the field of the Greek language or grammar but in the field of communicative (historical-cultural-religious) reality, in the same way as any other verbal text tends to be.

Keywords: Communicative model; language theory; semiotic impact; communicative action; autonomy of signs; Aquila's Bible translation; translation method; Greek grammar

How to cite: Vdovichenko A.V. (2020). Aquila's Bible translation in the communicative theoretical model (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 65-72, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-7

The key point of the paper is a linguistic idea which could be spread and projected on any semiotic process. So, first, I will define the linguistic contours of the problem. Then, I will point out some consequences actual for the theory of signs. Finally, I will demonstrate how it works in a concrete linguistic (at the same time historical and cultural) episode.

Linguistic contours: communicative (semiotic) impact

After more than half a century of linguistic discussions it became rather impossible to deny that any natural verbal process is a communicative impact (action). The Sender has no reasons to organize a semiotic procedure if he/she doesn't mean to make an influence on the imaginable Receiver (i.e. a perceived "owner" of consciousness). So the process of producing sense in verbal data (that is *causa finalis* of any natural verbal fact) has a perspective to be explained just in close connection with the concept of communicative action (impact, influence). There is an individual Actor in every concrete communicative act, having his/her own aims and tasks, choosing the ways of acting, forming and focusing the objects, manipulating with the Receiver's attention and so on.

To demonstrate the difference between "words of a language" and a communicative action (with verbal component) it is enough to represent, first, un-real ("unnatural") linguistic data, and, then, natural ones.

"Unnatural" linguistic data is represented below:

[Where is he going?]

This utterance is sure to be grammatically correct. The semantics seem to be regular. The

"language" is in order. Chomsky's "colorless green ideas" do not "sleep furiously" (Chomsky 1957: 15) here, and even do not make us think of them. Why is it possible to say that this utterance is definitely un-realistic (unnatural)?

The answer is rather obvious: the utterance (being randomly chosen here) does not produce any communicative sense. It is not integrated in the communicative procedure in any explainable way. It is not (a detectable part of) a real communicative action. To understand anything is impossible despite correct grammar. In the real verbal process a Sender makes something when speaking/writing. Here one can not define who does and what is done. That's why it is not natural verbal data.

Worth noting that the same utterance ("where is he going?") could be totally clear if being an actual communicative action. The opposite, the grammar of the same utterance could be totally incorrect if it is posed in a communicative action having "wrong" parameters: the speaker could mean in fact "them" or "her" by saying "he" etc. In fact, if not being posed in actual communicative reality, the verbal data have no definite semantics and no detectable grammar.

In turn, to demonstrate natural linguistic data, it is worth to point out an actual communicative action. As for instance: [Here you can not define who does and what is done] (see above).

In the definite moment of the text (the sequence of the verbal traces of communicative actions) this verbal element of the definite impact was clear. The opposite, if the same utterance is removed from the actual action, the sense is also gone away.

The change of the status of the same phrase from not understandable to understandable, is possible because what is generated and interpreted in the natural communicative process, is not the very autonomous verbal form of the statement. Verbal data if represented by a structure which has been artificially removed from the “domestic” communicative action, could be no more interpreted identically. It is no more integrated into an authentic coordinate system which gives it a permission (a capacity) to mean something. Verbal structure, in order to be interpreted is not enough to be a fact of a language. It needs to be a fact of communication, or something integrated into a concrete communicative procedure (Vdovichenko 2009).

It is worth noting again that in this above, as well as in any other samples of natural communication (with or without verbal channel used) the sense production is a process organized by someone: an impact (action) is something done by an actor. So the sense in semiotic data (verbal or any other) is a communicative phenomenon, or communication-dependent, performative, interactional, individually conceivable phenomenon. For the speaker, sense production deals with the attempt to influence the conceivable addressee in the parameterized communicative space. For the addressee (and then, for the secondary interpreter), understanding author’s attempts deals with the ascension to the cognitive state of the person who produced the action in a given multifactor situation. Interpretation necessarily implies the establishment of a set of parameters that the author had in his mind when acting, however distant and lost in space and time he was.

Semiotic consequences: language can not produce sense, signs can not signify

The consequences of evident personal performativity of any natural verbal process are as follow:

1. “Language” while being principally impersonal and non-actional (having no actor) is not effective as a metaphor explaining communicative sense-producing process.

In natural conditions of speaking/writing, the ancient Saussure’s language (system of signs generating meaningful utterances) loses its theoretical capacity. It becomes ineffective as a conceptual instrument. As the generation of meaning is localized in the individually defined communicative procedure, the metaphor “language” becomes unsuitable for modeling natural verbal process: whereas the essence of verbal, like any other semiotic act, is the performance of personal communicative tasks, the language, while being principally impersonal, does not have a source of any sense. The individual consciousness if being fundamentally absent in common instrument of speaking/writing, does not determine communicative goals or fulfill performative tasks. In the language itself there is no identical connection between *semainon* and *semainomenon*, which both are thought situationally and purposefully by the author and addressee (see the samples above). Definite meanings or sense can certainly not occur in language, since they are localized in the personal cognitive sphere as a certain image, concept, representation. They are being created actively or re-actively in the individual consciousness and then involved in a conceivable interaction. Due to the lack of personality, “language” fundamentally lacks the communication realized by the participants, or the “sender-recipient” relations. It is totally static, though what is happening in semiotic realm is a process of purposeful influence on the imaginable consciousness. If being out of the dynamics of communication, the fundamental *causa finalis* of actual verbal process (particular case of semiotic process) can not be detected and interpreted.

Thus, in reality, the speaker/writer does not speak/write with language (common “one and the same”), but makes changes in the conceivable communicative space. The linguistic “one and the same” does not interest him principally. Why to speak English or French if every language is already known? Why to do permanently the same, to say *hallo*, as for instance? The reason of what is really happening

deals with personal behavior, or semiotic deeds, having values *hinc et nunc* for the communicant. That's why he/she is not interested in verbal clichés (linguistic data) themselves. He/she needs to make something new that language is incapable to do: sharing ideas, emotions, feelings, forming objects, setting links, creating causality, organizing practical and other interaction etc. All that can not be produced by language itself due to the absence of an acting individual, that is a dynamic active principle.

In fact, one can see that the obligatory characteristics of natural semiotic (including verbal) process: the appeal to a certain audience (so called communicativity), the planning and making changes in the consciousness of the given audience (actionality), certain conditions for performing the semiotic action (situationality), individual awareness of interaction (cognition), as well as indirect, often differ interpretation of the communicant's action (interpretability), all these properties of real communicative process are completely ignored by "language", or by the language model of sense production.

So, if one searches for sources of sense in what is spoken/ written, language is not a correct destination. For the fundamental senselessness, language can be just a subsidiary mnemonic scheme and can not be studied as a sense (meaning) generating unit (Vdovichenko 2009).

2. Elements ("signs") of verbal process are not identical in themselves; they are empty and senseless without performativity of a concrete individual communicative procedure.

They acquire such a status by following the disappearing "language": its elements (sounds, morphemes, clichés etc.) also can not be "something", if the whole verbal complex is regarded autonomously, without being connected to a working (realizing communicative procedures) source of sense production, that is, to an individual consciousness.

Thus, an arrow with the above inscription "Registration" drawn on a paper sheet, can not make sense if the paper lies prostrate on the floor, after an uncontrollable fall from the place on the

wall where it was previously fixed by the conference organizer's hand. In this "sign" in his current situation, there is no understandable communicative action. "Registration" could not be found where the "sign" on the floor indicates to at the moment. Moreover, the conference has long been over. Therefore, it can hardly be acknowledged as a "sign": in this arrow bearing an inscription, there is already no sense (some content, or planned effect, thought by the author of the semiotic action), despite the relative stability of the external form. In fact, by means of this arrow the organizer of the conference once pointed out a different (rather than now) direction, having in mind another disposition of the addressee in relation to the arrow, another period of relevance of the "sign", another moment of interaction with the addressee, etc.

To represent the "arrow with the inscription" to be a "sign" again, one should recreate the personally conceived communication procedure. To do that is impossible by studying the body of the "sign" itself. If the conceivable parameters of the communicative action are not recreated, the sign "arrow with an inscription Registration" turns out to be empty and even seems to be completely non-existent: it does not say anything to anyone, does not point to anything, does not give any reasonable recommendations. In other words, the action of the source of communicative intention is not detectable in it. The act of the person who is conscious of his influence, is not identified. From the arrow with the inscription itself one could hardly achieve an autonomous sense (or meaning).

It is rather obvious that any "sign" being considered separately from a personal meaningful communicative act (including word, sentence and text), behaves in a similar way: while the sign's body is deprived of the organizing sense-producing principle, such a sign disappears, does not exist as such. Apparently, the required condition for the appearance of a sign (or what one can conditionally count as a sign, say, as in Peirce's or Saussure's interpretation) is not a stable objective form and a meaning attached to it from

nobody knows where, but the opportunity to see behind him a personal concrete communicative process (a semiotic act).

In addition, the problem of the sign implies a rather vague procedure of isolating a particular object matter, which can be presented as a *semainon* (signifier). In other words, the question transmitted into practice consists in how many signs one should count, say, in the word [other]. The possibility to recognize that there are five, four, three or two signs (five graphemes, four phonemes, three sounds, two syllables) in the given word, and that the whole word is also an entire indivisible sign, testifies to the utilitarian character of defining “signs”: the observer calculates them according to the criterion he introduced himself.

One should add also the fact that the body of the sign is a kind of empty reservoir, a shell, a wrapper which by itself has an independent value only in a limited number of cases, where the material meaningless component of the “sign” could play a role (for instance, in the poetic meter, in spelling, in polygraphy, where, say, the replacement of [other] by [different] may be unequal). In the ordinary sense-generating (“working”) mode of verbal clichés, the speaker/writer and the addressee (including the indirect one) do not distinguish “units of natural speaking” either at the level of sounds-morphemes-syllables, or at the level of words, if the communicative action is performed and interpreted unproblematic.

Thus, words (“signs”) by themselves can not be summands of the total sum of meaning arising in the utterance, since each “summand” has no definite meaning. In fact, that must be established in the real speech (writing): autonomous words (“signs”) do not have conceivable identity and are not capable of having a concrete meaning to be a definite summand of the total understandable utterance.

Thus, every word of the last utterances (see above) possesses much more values than the only definite one, which is necessary for a firm understanding of the whole utterance: [fact], [that], [must], [be], [establish], [real], [speech], [writing], [word], [sign], etc.

It should be noted that the salutary reference to the “context”, which could make the word be understood in identity, is precisely indicative of the semantic insufficiency of the autonomous word (the main Saussure’s “sign”): it is clear enough that something extraneous, which extends beyond the word, is needed (that is the so-called context), without which a word is not capable of producing an independent meaning (sense).

Moreover, if remembering the samples above (Here you can not define who does and what is done, etc.) one should admit that utterance could not be a sufficient context for a word: such a “guarantor of identity” can not be recognized as independent and meaningful itself.

It seems that the theory of generating sense in verbal data needs at least a concept of “consituation”, or “communicative (that is, complex, not just verbal) context”, which would take the causes of meaning formation far beyond the verbal sequence. Such “signs” as words and sentences could gain the semantic identity just if placed in authentic communicative procedure, the external source of actional sense.

The observer, however, discerns “signs” by dividing into visible parts the material component of a communicative action, while the action itself has a non-verbal and integral meaning.

Thus, in the above sample, one should divide into parts the arrow and the inscription Registration, when searching for “signs”. The concrete sense-producing process, however, is realized not only by the arrow and the inscription, but much more by the personal communicative intention, which is recreated during the interpretation, by the whole set of conceivable parameters of the action, including the disposition of the addressee and the “body of the sign”, etc. It is therefore clear that each “sign” which was found by dividing the material elements of complex communicative action, will be something inadequate, not conveying the character (mechanism) of the multidimensional communicative dynamics.

At last, the third sequence:

3. If language can not produce sense (due to the lack of a communicant acting), and signs themselves can not signify, and even do not exist independently (due to the lack of autonomous definite meaning), what or who is able to generate sense? In such a disposition one should admit the communicative action (semiotic deed) as the only source of semantic identity. What speaker/writer (as a Sender) produces and listener/reader (as a Receiver) understands is an actual (performative) complex communicative action, not just verbal formulas (elements of structure of empty “language”). To say this in other words, what is spoken or written (and then understood) is the activity of a communicant (known or reconstructed). The action of a communicant is perceived as a set of numerous parameters (Vdovichenko 2006: 32-33; Vdovichenko 2009). Worth noting that semiotic (communicative) actions are analyzed and interpreted the same way as non-semiotic (non-communicative) ones (cf. Morris 1946).

In fact, stating that only personal communicative actions can be generated and understood, the communicative model thereby demonstrates the impossibility of presenting a “sign” with the same certainty as the static language model did. It turns out that the communicative “sign” is appointed conditionally (in the language model it is stated unconditionally and definitely), it does not exist as an object or body (in the language model it exists as a dyad “sign’s body – meaning”), it just hints and refers to the sense-generating communicative action, being interpreted (in the language model it has a direct uniform meaning).

If in the language model the sign can be compared to a thing of a certain color (form–value), in the communicative model the “sign” is a conditionally (nominally) assigned and conditionally (utilitarianly) appointed form, hinting and referring to a specific value, that is, to the cognitive state of the author of the communicative action. The latter can be interpreted and understood.

Particular linguistic case of Aquila: communicative impacts (actions) instead of grammar

One can consider all above being a methodological introduction to the procedure of interpreting texts (being historical-linguistic-cultural data). At the same time, what has been said is some sort of a caveat:

To ignore the parameters of a communicative procedure means to ignore the sense of what is happening (what the author is doing). Attempts to ascribe the sense-producing capacity to autonomic linguistic signs (“language” or “grammar”) do not correspond to the reality of natural communicative (semiotic) process.

Though, that is definitely Aquila’s case.

In the 2nd century AD he made a new translation of the Hebrew Bible into Greek, because of the dissatisfaction of Judaic communities with the Septuagint (Silverstone 1931). By that moment in the Jewish Greek-speaking communities it became clear enough that the Septuagint had played too remarkable role in shaping the ideological basis for the “heresy of Christianity” (cf. Veltri 2006; Labendz 2009).

It is known and it is absolutely undoubted, that Aquila strictly followed a word-by-word translation strategy (Jellicoe 1968: 102–103). Particles רַק, אַךְ, גַּם, תַּאֲ were translated with separate words. The Hebrew ו (‘‘and, but, though’’, etc.) is always translated as καί, etc. As a result, in the final text the standards of the Greek grammar – semantics, syntax, combinatory, and the Greek textuality in general – were violated much more, than ever in the Septuagint.

Thus, the most known episode which was mentioned by Hieronymus is rather illustrative (Hieronymus 1980): the part of Gen 1:1 אֶת הָאָרֶץ וְאֶת הַשָּׁמַיִם was translated as οὐρανὸν καὶ σὺν τῇ γῇ, that seems to mean roughly: “(at the beginning created God) with the sky and with the earth”. This not so understandable utterance came into being due to word-by-word translation strategy: the Hebrew word תַּאֲ (which has identical consonant form both for the object marker, and, at the same time, for the proposition “with, together”) is translated with the Greek proposition σὺν “with, together”

being the object marker from the grammatical viewpoint. Despite of the fact that the Greek proposition σύν demands Dative one can see Accusative in Aquila's text: τὸν οὐρανόν, τὴν γῆν. Hieronymus was joking and laughing at Aquila's translation just because of that. Anybody who knows Greek grammar is ready to do the same (cf. Lieberman 1965: 15-28).

However there is a definite problem here.

The fact is that Aquila was a Greek-speaking person. He was even well- educated (Field 1875). He is sure to have known Greek much better than Hieronymus or anybody else in the 4th c. AD or thousands years later. This 'language' was known to him much better, than to anybody who is not dipped in a historical and cultural and religious context of a specific chronotope. His audience, by the way, was also Greek-speaking, Greek-reading and Greek-writing.

In other words, the translator himself and his audience, too, were totally aware of that 'the Greek σύν demands Dative'. Nevertheless the translator used Accusative after σύν in front of the native speakers. How was that possible?

All this leads to the only solution: Aquila had a principally different aim of his job which was approved by himself and by the addressee of the translation. The criteria of doing this job were not the standards of Greek. It is impossible to judge Aquila on the base of Greek grammar because he had in mind and fulfilled another communicative task.

The sense of Aquila's activity can be explained by the specific Jewish practice of reading and learning the Scripture. Every separate word could be an object of exegesis, that was clear to rabbi Akiba (Bereshit Rabba, I (Midrash Rabbah 1983); cf. Kiddushin 57a) and others.

The success in reaching Aquila's communicative task can be testified by the fact that the translation was very popular in Jewish Greek-speaking communities even in the Byzantine period. Thus Justinian I in 553 edited the famous Novella 146 containing "permission granted to the Hebrews to read the Sacred Scriptures according to Tradition, in Greek,

Latin or any other Language" (Parkes 1934: 392). Despite the strict attitude to the Hebrew hermeneutical methods of interpreting the sacred text, the use of Aquila's translation is mentioned separately: "This therefore they shall primarily use, but that we may not seem to be forbidding all other texts, we allow the use of that of Aquila, though he was not of their people, and his translation differs not slightly from that of the Septuagint." (Parkes 1934: 392-393) It is rather reliable that the Emperor gave the separate permission because of the wide popularity of Aquila's version in Jewish communities of that time (Rutgers 2003: 385-407).

It is also illustrative that Aquila's text was found among the documents of the Cairo Genizah which were gathered there for the period of 870 CE to 19th century shedding some light to Jewish Middle-Eastern and North African history. Aquila's translation was still in use by that time (Burkitt 1897: 47).

So, non-grammatical (or non-language) interpretation of what Aquila did, allows describing verbal data more correctly. The result of his work (as it was thought by himself) was not a translation in strict sense. That was a component of a traditional communicative practice. Aquila's text can be appreciated and understood adequately just in the frame of this practice, being a part of the complex communicative action (the latter can be understood and interpreted, in contrast with language and grammar). His text had a big success not in the field of Greek language or grammar but in the field of communicative (historical-cultural-religious) reality. The same way as any other verbal text tends to be.

In turn, the texts of the Septuagint and the NT (which also meet reproaches in violating the standards of Greek grammar) should be considered as communicative activity, being integrated in the Jewish Diaspora practice of interpreting and creating the sacred text.

Conclusions

The communicative model of the verbal process allows us to represent the activities of the author of the verbal text as a consistent

word-containing “hinting” at semiotic actions (impacts). Unlike verbal structures, semiotic acts (impacts) are interpreted as multifactorial, possessing such parameters as the author of the action (semiotic actor) had in his mind. The activity of Aquila can be adequately understood by reconstructing the authentic parameters of the semiotic actions he performed. To interpret his “translation”, it is necessary not so much the grammar of the Greek language as the complicated practice of reading and studying the text of Scripture in the Greek-speaking Jewish diaspora. Aquila in the strict sense did not translate into Greek, but created a word-for-word copy of the Hebrew text, which was used in Greek-speaking synagogues as an aid to ensure access to the original.

References

- Burkitt, F.C. (1897). *Fragments of the books of Kings according to the translation of Aquila*, Cambridge, UK
- Chomsky, N. (1957). *Syntactic Structures*. Berlin, New York: Praeger
- Field, F. (1875). *Prolegomena in Hexapla Origenis. Caput II. De Aquilae editione*. in Origenis Hexaplorum quae supersunt, sive veterum interpretum graecorum in totum Vetus Testamentum fragmenta. (2 Vol. Oxonii. Vol. I, xvi-xxvii).
- Hieronymus. (1980). *Liber de optimo genere interpretandi (Epistula 57)*, Kom. von G.J.M. Bartelink. Leiden.
- Jellicoe, S. (1968). *The Septuagint and Modern Study. Aquila, Symmachus, and Theodotion's translations*. Oxford: Clarendon, UK.
- Labendz, J. R. (2009). Aquila's Bible Translation in Late Antiquity: Jewish and Christian Perspectives. *Harvard Theological Review* Vol. 102, Issue 3, 353-388.
- Lieberman, (1965). Greek in Jewish Palestine. *Studies in the Life and Manners of Jewish Palestine in the II-IV Centuries C.E. P. Feldheim*, 15–28.
- Midrash Rabbah: Genesis. (1983). (tr.) H. Freedman and M. Simon, Vols. 1–2. London, UK
- Morris, C.W. (1946). *Signs, Language and Behavior*. NY.
- Parkes, J. (1934). *The Conflict of the Church and the Synagogue: A Study in the Origins of Antisemitism*. Cleveland, NY, Philadelphia.
- Rutgers, L. (2003). Justinian's Novella 146: Between Jews and Christians, in Richard Kalmin and Seth Schwartz ed *Jewish Culture and Society under the Christian Roman Empire*. (pp. 385-407) Leuven: Peeters
- Silverstone, A.E. (1965). Aquila and Onkelos (Manchester: Manchester University Press, 1931).
- Vdovichenko, A. (2009). *Rasstavaniye s jazykom. Kriticheskaja retrospektiva lingvisticheskogo znaniya* [Parting With 'Language'. Critical Retrospective of Linguistic Knowledge, in Russian language]. Moscow: PSTGU, Russia (in Russian).
- Vdovichenko, A. (2016). Non-self-identity of a Linguistic Sign. Causes and Effects of the “linguistic onomatodoxia”. *Voprosy filosofii*, 6, 164-175. (in Russian)
- Vdovichenko, A. (2006). From Relative Words to Universal Acts. The Limit in Studying “Language”. *Proceedings of the 39th SLE (Societas Linguistica Europaea) Congress “Relativism and Universalism in Linguistics”*, 30 Aug. – 2 Sept. University of Bremen, 32-33. Retrieved from <http://www.fb10.uni-bremen.de/sle2006/pdf/Tagungsband.pdf>
- Veltri, G. (2006). *Libraries, Translations, and 'Canonic' Texts. The Septuagint, Aquila and Ben Sira in the Jewish and Christian Traditions*. Leiden: Brill Academic Publishers.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Andrey V. Vdovichenko, Doctor of Philology, Lead Researcher, Professor, Department of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics of RAS, Orthodox St Tikhon University for Humanities, Faculty of Philology, Department of Language Theory and Slavistics

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 81-23

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-8

Королева Л. Ю.¹
Мордовина Т. В.²

Сравнительный анализ словообразовательных моделей
в русском и американском политическом сленге

¹) Тамбовский государственный технический университет,
ул. Советская, д.106, Тамбов, 392000, Россия
E-mail: lyu-korolyova@yandex.ru
ORCID id: 0000-0003-0682-2657

²) Тамбовский государственный технический университет,
ул. Советская, д.106, Тамбов, 392000, Россия
E-mail: tvnmordovina76@mail.ru
ORCID id: 0000-0003-0250-7078

Статья поступила 21 января 2020 г.; принята 1 марта 2020 г.; опубликована 31 марта 2020 г.

Аннотация

В работе рассматривается политический дискурс с точки зрения его составных компонентов и типов, среди которых особый интерес представляет медийный дискурс, характерный для средств массовой информации и отвечающий требованиям последних. Этот тип дискурса нацелен на массовую аудиторию и отражает политический мир, принимая за основу взгляды и мировоззрение профессиональных политиков. Внимание обращается на язык, и сленг в частности, который используется политиками в интервью для того, чтобы донести информацию до обычных людей. Дана интерпретация сленга и его функций. Проведен анализ политического сленга, представленного в интервью средствам массовой информации президента РФ Путина В.В. и президента США Трампа Д. Были выделены словообразовательные модели русского и американского политического сленга, проведено их сравнение, а также анализ зависимости функций сленга от них. Сделан вывод о сходстве некоторых моделей в русском и английском языках. Существующие различия объясняются разницей между самими языками, один из которых является аналитическим, а другой синтетическим. Тем не менее, функции, выполняемые сленгом, одинаковы в данных языках при использовании сходных или незначительно различающихся словообразовательных моделей. При этом принцип использования сленга в речи политиков связан с эмоциональной составляющей первой.

Ключевые слова: интервью; медийный дискурс; политический дискурс; сленг; словообразовательная модель.

Информация для цитирования: Королева Л.Ю., Мордовина Т.В. Сравнительный анализ словообразовательных моделей в русском и американском политическом сленге // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №1. С. 73-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-8

Lyudmila Yu. Korolyova¹
Tatyana V. Mordovina²

Comparative analysis of word-formation models in Russian and American political slang

¹ Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
E-Mail: lyu-korolyova@yandex.ru
ORCID id: 0000-0003-0682-2657

² Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
E-Mail: tvmordovina76@mail.ru
ORCID id: 0000-0003-0250-7078

Received 21 January 2020; accepted 1 March 2020; published 31 March 2020

Abstract. Political discourse is considered from the point of view of its components and types among which media discourse typical for the media and their requirements is of special interest. It is aimed at mass audience and shows the political world based on professional politicians' opinions and world perception. The language used by politicians in interviews to target ordinary people and slang in particular is studied. The interpretation of slang is given and its functions are described. Political slang represented in interviews of the President of the Russian Federation V.V. Putin and the President of the USA D. Trump is analyzed. Word-formation models in Russian and American political slang are identified and compared. The dependence of slang functions on them is considered. The conclusion is made that there are some similar word-formation models in Russian and English, and their differences are due to the languages themselves one of which is analytic while another one is synthetic. However, the functions performed by slang words formed on the base of similar or slightly different word-formation models are the same. Moreover, the principle of using slang in the speech of politicians is associated with the emotional component of the first.

Keywords: political discourse; media discourse; interview; word formation model; slang

How to cite: Korolyova L. Yu., Mordovina T.V. (2020). Comparative analysis of word-formation models in Russian and American political slang. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 73-83, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-8

Introduction

The term 'political discourse' is a complex phenomenon that includes various aspects of

people's life and activity. It has different interpretations. On the one hand, it is viewed as a language used by mass media and some

institutions to communicate in political and social spheres (Kirvalidze, 2016). On the other hand, it is considered as a technique for giving argumentation especially practical argumentation that can support or deny some ways of acting, giving reasons in every case (Fairclough, 2012). It is stated that politics is a process of continuous dispute over statements and ideas representing alternative ways of understanding concerning some state of affairs (Tarasova, Abramenko, 2017). In general, political discourse is defined as any speech behaviour the subject, the receiver or the purpose of which refers to the sphere of politics (Shagal, 2000). Specific political situations stipulate the use of different types of political discourse such as:

- *institutional discourse* which is typical for institutional settings and depends on the institutional requirements;
- *public discourse* based on public conversation;
- *media discourse* peculiar for the media and the requirements of the media (Fetzer, 2013).

These types affect the organization of the discourse and its textual component which helps develop political discourse as an integrated sort of people's activity (Schäffner, Bassnett, 2010).

Many researchers focus on the multilayered status of political discourse that implies "1) production, reception, transmission and distribution in traditional media and new media; 2) discourse domain, viz. professional politics, grass root politics, ordinary-life-anchored political action, public-life-anchored political action, and media-life-anchored political action; 3) participation, viz. politicians as professional politicians vs. 'non-professional politicians', e.g. lay persons, activists, ordinary people on the one hand, and professional political journalists and other media representatives on the other" (Fetzer, 2013: 1). It is claimed that most studies of political discourse focus on the speech of politicians of different levels (van Dijk, 2002; Albert, Raymond, 2019) as well as linguistic choices (Reyes, 2015; Silverstein, 2011; Katsara, 2016)

and language belonging (Kozminska, Schulte, Hawker and Hall, 2019).

In all these cases language is used to carry out communication as it is an integral part of relationships between people which are influenced by social, cultural, historic, ideological and institutional factors within political discourse. The use of specific language in political discourse can be considered to be a tool necessary for the exacerbation of the competition among politicians, each of whom expresses his own ideas and makes others accept his 'own world'. In addition, it is possible to distinguish 'the centre', 'outsiders', 'insiders' and others in political discourse (Chilton, 2004).

In our opinion, media discourse as a type of political discourse is of great interest nowadays as mass media play a dominant role in public life representing events which take place all over the world in different ways depending on journalists and their points of view. The sub-type of media discourse, which is quite relevant for our research, is political interviews where different participants of political discourse mentioned by P. Chilton can be observed. Politicians and journalists choose various techniques to convey the information to the recipients of the discourse. To do that politicians may use 'conversational genres' and focus on 'lifeworld discourses' taking into account the fact that ordinary people far from the world of politics can listen to them or watch them (Fairclough, 1998).

The language that is used by journalists and politicians in interviews is aimed at reaching the wide audience and thus can include various lexical units, lexical layers, stylistic devices etc. To give arguments for or against some statements in interviews politicians may refer to slang in general and political slang in particular. Slang is a very unique lexical phenomenon that can perform different functions depending on the participants of the discourse and their intentions. From the point of view of the information conveyed by politicians in interviews the impact that political slang has on the audience is quite significant. It is relevant to find out the sources that help slang to be

powerful. We can suggest that word-formation models play a specific role in this process. Thus, the aim of our study is to compare word-formation models of political slang in Russian and English and clarify the dependence of slang functions on word-formation models in the two languages. To do this we decided to focus on political interviews of the leaders of two countries, the Russian Federation (V.V. Putin) and the United States of America (D. Trump), to popular TV channels. It is necessary to distinguish the most common word-formation models of political slang for both cases and make a comparative analysis. To begin with, we will focus on the definition of political slang and its functions.

The interpretation of 'political slang'. The main functions of slang.

It is still rather challenging to define the term 'slang'. Linguists tried to trace down the origins of the word (Green, 2016; Adams, 2009; Coleman, 2012). One of the interpretations is that slang is a specific lexical layer that includes particular vocabulary and phraseology of professional dialects, social jargon and jargon of the criminal world on the one hand, and the layer of the widespread and comprehensive vocabulary and phraseology of colloquial speech on the other hand (Homyakov, 1969). E. Partridge states that slang is combinations of lexical units used in the spoken speech which may be quite unstable and often occurrent and reflect social consciousness of people who belong to some professional or social group (Partridge, 1979). Based on these definitions it is possible to claim that political slang must specify those lexical units that are typical for politicians and political situations and characterize the former as well as the latter in different ways with the help of words and word collocations formed in order to codify some implicit meaning and express a particular attitude to somebody or something whether it is irony, criticism or even humour. Thus, political slang can be applied in those political cases when it is appropriate to name some person or process so that other people can understand the implied sense of the statement in general and the

slang word (words) in particular. This technique can be targeted at the mass audience or only members of political parties or groups. In political interviews mass audience is taken into account and therefore political slang is used mainly to convey the information to people.

Slang words can perform the following functions:

- to express playfulness;
- to show wit or sense of humour;
- to express novelty;
- to understate things;
- to enrich the language;
- to reduce extreme seriousness in conversations;
- to show friendliness or intimacy;
- to imply secretness (Partridge, 1933).

The analysis of word-formation models in Russian political slang

In the interview of V.V. Putin to TV channels Al Arabiya, Sky News Arabia and RT Arabic, the president of the Russian Federation said:

“Что касается Ливии, то хаос, который воцарился после военных операций, к сожалению, пока не прекращается, но в этом случае наши западные партнёры просто нас – у нас в народе говорят, не знаю, как переводчики переведут – «надули». Россия проголосовала за соответствующую резолюцию Совета Безопасности. Ведь там что написано, в этой резолюции, если как следует прочитать?» (The interview to TV channels Al Arabiya, Sky News Arabia and RT Arabic, 2019).

The word «надули» has different meanings, one of which is colloquial. It is interpreted as “to deceive, to trick” (the dictionary Academic). The word is formed with the help of the root word <дуть> and the prefix <на>. It should be noted that the word is used to express the negative evaluation of American actions regarding Libya.

In the same interview there is the following fragment:

“Давайте говорить откровенно, иначе разговор будет неинтересным, он будет постным. Есть противоречия, о которых

Вы сейчас только упомянули, у стран региона” (The interview to TV channels Al Arabiya, Sky News Arabia and RT Arabic, 2019).

In the discourse the word “**постный**” is interpreted as “dull, unlively” (the dictionary Academic). Political dialogues can be characterized by this word in case they are uninteresting. The word is formed with the root <пост>, the suffix <н> and the ending <ый>.

The next fragment of the interview:

“Они вышли из этого договора, стараясь обеспечить себе явные стратегические преимущества, полагая, что у них такой «зонтик» будет, а у России не будет” (The interview to TV channels Al Arabiya, Sky News Arabia and RT Arabic, 2019).

President Putin V.V. uses the word «**зонтик**» in the meaning “protection”. It is formed with the help of the root <зонт> and the suffix <ик>. It is evident that the suffix helps to understate the intentions of the USA in the sphere of nuclear security.

Let us consider the following fragment from the interview of the president of Russia to Oliver Stone, an American film-maker, scriptwriter and producer:

*“Это позднее начало использоваться для **раскачки** самой Российской империи”* (The interview to Oliver Stone, 2019).

The word “**раскачка**” means “the manner of walking with some kind of swaying” (the dictionary Academic). The use of the word in the political discourse implies the process of destabilization aimed at the Russian Empire. The word is made up of the root <раскач>, the suffix <к> and the ending <а>.

This is the fragment from another interview:

*“Пиком абсурда стало обвинение России во вмешательстве в американские выборы. Чем всё это закончилось— хорошо известно— **пшиком**. И понятны выводы комиссии Мюллера об отсутствии такого сговора— **наскрести** фактов не удалось, потому что их просто не было в природе”*

(The interview to the newspaper “Corriere della Sera”).

The word “**пшик**” is interpreted as “nothing, nonsense” (the dictionary Academic) and is formed by the root word <пшик>. There is one more word that can be referred to slang, i.e. “**наскрести**”. The word means “to collect something slowly” (the dictionary Academic). It is made of the prefix <на>, the root <скрес> and the verbal ending <ти>. Both words denote the negative attitude of the speaker to the described processes.

In the interview to the newspaper “The Financial Times” V. Putin said:

“Мне бы очень хотелось, чтобы все участники этого мероприятия, а «двадцатка», на мой взгляд, сегодня ключевой международный форум, который посвящён вопросам развития мировой экономики, чтобы все участники «двадцатки» подтвердили своё намерение, хотя бы намерение, вырабатывать общие правила...” (The interview to the newspaper “The Financial Times”).

The meaning of the word “**двадцатка**” in the modern political slang refers to the union of 20 states with the most developed and developing economy (Wikipedia). It is formed with the help of the root <двадцат>, the suffix <к> and the ending <а>.

In the next fragment of the interview we can focus on the statement:

*“Россию обвиняли и, несмотря на доклад Мюллера, продолжают, как ни странно, и дальше **крутить эту пластинку** с обвинениями России, связанные с мифическим вмешательством в выборы США”* (The interview to the newspaper “The Financial Times”).

The expression “**крутить пластинку**” is interpreted as “to replay the film or some music etc. recorded on gramophone records” (the dictionary Academic). In political slang it is used to show that politicians give the same information during a long period of time and do it repeatedly and intentionally. The expression is made up of the verb <крутить> and the noun <пластинку>.

The journalist's question "Не кладёте ли вы слишком много яиц в китайскую корзину?" is followed by the answer "Во-первых, у нас **яиц** достаточно, а **корзин**, куда их можно **раскладывать**, не так уж и много, – это первое. Второе, мы всегда оцениваем риски" (The interview to the newspaper "The Financial Times").

The expression "**класть яйца в одну корзину**" (the dictionary Academic) is a proverb that is interpreted as "to take risks, to put at stake" but it is used in the interview to denote the process of investments into some activities profitable for the policy of the country and can be considered to be a slang expression. It is formed with the help of the verb <класть>, the noun <яйца>, the preposition <в> and the adverbial modifier of place, the noun <корзину>.

The next example of the discourse:

"Ваш коллега правильно сделал, что засмеялся, потому что ответ смешной, Вы даже не представляете какой. Ответ был такой: мы не знаем. Но если вы не знаете, что будет завтра, зачем **сплеча рубить** сегодня? Вот это кажется примитивным, но именно так обстоит дело" (The interview to the newspaper "The Financial Times").

The phraseological expression "**рубить сплеча**" is defined as "to act straightforwardly, often thoughtlessly and on the spur of the moment, regardless of other people's wishes" (the dictionary Academic). The president pronounces the words to illustrate thoughtless and hasty actions of the USA regarding Syria. The expression is made up of the verb <рубить> and the adverb <сплеча>.

One more fragment of the interview:

"Вся эта **возня** вокруг шпионов и контршпионов, она не стоит серьёзных межгосударственных отношений" (The interview to the newspaper "The Financial Times").

The word "**возня**" has the following interpretation: "noisy, irregular movements in some game, fight or slow work" (the dictionary Academic). It is used in the interview to underline incomprehensible actions which pretend to be aimed at the identification of Russian spies. The root word is used in this case.

We analyzed 20 examples taken from interviews of the president of the Russian Federation to mass media and identified the most common word-formation models in political slang used by V.V. Putin. The results are presented in Table 1.

Table 1. Word-formation models in Russian political slang

No	Word-formation model	Percentage of usage
1.	The prefix + the root	10%
2.	The root+the suffix+the ending	40%
3.	The root +the suffix	20%
4.	The root word	20%
5.	The prefix+the root+the ending	10%

Besides, the following word chains were distinguished: the verb+the noun, the verb +the noun+the preposition+the noun, the verb+the adverb.

The analysis of word-formation models in American political slang

Now let us consider the political slang used by D. Trump in his interviews to mass media. In his interview with CNBC Trump said:

"OK. Now, in my first quarter, which I consider to be the second quarter because I was there now long enough to have made an impact and don't **kid yourself**, regulations are just as big as the tax cuts" (The interview to CNBC).

The expression "**to kid yourself**" means "to believe something that is not true, usually because you want it to be true" (Cambridge dictionary). It is formed of the verb <kid> and the reflexive pronoun <yourself>.

The next example of the political slang used in the interview:

*"I got rid of the individual mandate, the most — the biggest part and the most unpopular thing in **Obamacare**, which really repeals **Obamacare**, because it can't live without the mandate, because that's where a lot of the money came"* (The interview with CNBC).

The word "**Obamacare**" is interpreted as "the law of the care about patients and affordable health system proposed by president Obama and signed in 2010" (Wikipedia). So the word is made up of the noun (name of a person) that has become a common name but is still capitalized <Obama> and the noun <care>.

In the interview with Time Donald Trump said about defeating ISIS and its supporters:

*"That's true. Well I have. We defeated ISIS, the caliphate. We've taken back the caliphate. That doesn't mean one of the **crazies** doesn't walk into a store all bombed up"* (The interview with Time).

The word "**crazies**" refers to people "who act in a strange or threatening way, esp. those who are mentally ill" (Cambridge dictionary). The description reflects the president's attitude to such people. The word is the plural form of the word "crazy" and it is formed with the help of the root <craz> and the suffix <ie>.

The similar type of political slang example is a more emotional description of ISIS supporters:

*"And bombs — I'm not saying any fighting is finished because with these people, you never know. They're totally — they're **stone-cold** crazy. But there's ISIS"* (The interview with Time).

The word "**stone-cold**" means "very or completely" (Cambridge dictionary). It is used to show the absolute degree of craziness on the part of bandits. The slang word is formed with the help of compounding. Two root words <stone> and <cold> are combined. It should be noted that one of the words is a noun and another one is an adjective.

In the following part of the interview the president of the USA characterized Hillary Clinton and said:

*"The press is protecting the DNC, the Democrats, **crooked** Hillary"* (The interview with Time).

So the word "**crooked**" is defined as "dishonest" (Cambridge dictionary). It is very emotional and has a negative connotation. It is made of the root <crook> and the suffix <ed>.

In the following part of the interview the president stated:

*"I'd rather keep them from coming up, it would be a lot easier because I don't like it. But I'm — it's crazy. I got such a bad **rap** on that"* (The interview with Time).

The word "**rap**" is interpreted as "a judgment or a reaction" (Cambridge dictionary). It is used for the emotional evaluation of some critics. This is a root word.

Let us consider the next part of the interview:

*"It started with Japan, morphed into China, now it's China, Japan, it's everybody. And everybody has taken advantage of our country. They have **ripped** our country **off**"* (The interview to CNBC).

The phrasal verb "**rip off**" means "to cheat someone by making them pay too much money for something" (Cambridge dictionary). The president of the USA uses this verb to express his negative attitude to China, Japan and their economic policy. As it is a phrasal verb it is made up of the root word (verb) <rip> and the preposition <off>. Cambridge dictionary also has the noun rip-off which is marked as a slang word (Cambridge dictionary).

In the interview with "Face the Nation" president Trump characterized the North Korean leader in such a way:

*"And at a very young age, he was able to assume power. A lot of people, I'm sure, tried to take that power away, whether it was his uncle or anybody else. And he was able to do it. So obviously, he's a pretty smart **cookie**"* (The interview with "Face the Nation").

The word "**cookie**" is defined as "a person of the type mentioned" (Cambridge dictionary). It is usually used with some adjective, e.g. in this interview with the adjective "smart". The word has both the positive and negative connotation

that is noticed in the discourse. It is formed with the help of the root <cook> and the diminutive suffix <ie> (it helps to show the negative attitude to the person but at the same time possesses some affection).

The next part of the interview:

“...the premiums are too high. The deductibles **are through the roof**, so you never get to use it ” (The interview with “Face the Nation”).

The expression “**be through the roof**” means “to rise to a very high level” (Cambridge dictionary). It is made up of the verb <be>, the preposition <through> and the noun <the roof>.

Speaking about his 100 days being the president of the country D. Trump said:

“Just relax. Don't worry about this **phony** 100 day thing. Just relax. Take it easy. Take your time” (The interview with “Face the Nation”).

The word “**phony**” is interpreted as “represented as real but actually false” (Cambridge dictionary). It is used to highlight the president’s ironic attitude to this milestone and the necessity to evaluate some progress made during these days. The word consists of the root <phon> and the suffix <y>.

In the same way we examined 20 examples of the political slang used by the president of the USA in interviews to mass media and distinguished word-formation models which are presented in Table 2.

Table 2. Word-formation models in American political slang

No	Word-formation model	Percentage of usage
1.	Compounding	30%
2.	The root +the suffix	40%
3.	The root word	30%

It should be noted that there are also phrasal verbs and word chains, i.e. the verb+the reflexive pronoun, the verb+the preposition+the noun, that are typical for American political slang.

Results and discussion

According to the analysis made it can be said that there are more word-formation models in Russian political slang than in American one. The proportion is 5 to 3. The similar models are: the root + the suffix and the root word. It is important that the slang words formed on the base of these models in both languages are used to understate some political processes or politicians and their role in the former.

We have not come across compounding in Russian. But in English slang words of this type help the political leader of the USA to strengthen the connotation of the described state of affairs or people and show wit.

As for word chains, some of them are similar, e.g. the verb+the noun, only in English they can include prepositions that is quite peculiar for this language. Moreover, adverbs

are used more often with the verb in Russian while it is more common to combine verbs with reflexive pronouns in appropriate cases in English. In both languages such word-formation models of slang are employed to show wit or sense of humour.

In general, Russian is a synthetic language so there are many word-formation models that include endings. In English there can be suffixes added to roots but no endings. The latter are the indicator of Tense forms. English is an analytic language, therefore some word chains in the examined interviews are formed with the help of prepositions, e.g. *be through the roof* unlike Russian *рубить сплеча*.

There are no models in the analyzed interviews of the American president with prefixes.

Conclusion

The results received are quite provisional and give only some ideas about word-formation models used in political slang and the dependence of the functions of the latter on them. Further studies are needed to get a clear picture

of the word-formation process and its impact on the meaning of slang. However, it is evident that V. Putin and D. Trump being the political leaders of two powerful countries refer to slang in their interviews to express their attitude that can be either negative or positive to specific processes or countries on the world arena. Slang in this case helps make their speech emotional and lively and show their wit or sense of humour. At the same time Russian and English are different languages and this fact stipulates differences in word-formation models of slang in particular although its functions are the same.

Список литературы

- Kirvalidze N., Samnidze N. Political discourse as a subject of interdisciplinary studies // *Journal of teaching and education*. 2016. Vol. 5 (1). P. 161-170. URL: <http://www.universitypublications.net/jte/0501/html/toc.html> (дата обращения: 16.01.2020).
- Fairclough I., Fairclough N. *Political discourse analysis: A method for advanced students*. London, UK, New York, USA: Routledge, 2012.
- Тарасова Ю.В., Абраменко Е.В. Современный политический дискурс: тенденции развития, фреймирование, образные средства // *Успехи современной науки*. 2017. Т. 3 (3). С. 90-95.
- Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса: монография*. Волгоград: Перемена, 2000. 477 с.
- Fetzer A. The multilayered and multifaceted nature of political discourse // Anita Fetzer (ed.) *The pragmatics of political discourse*. Amsterdam, the Netherlands, Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Co., 2013. P. 21-47.
- Schäffner C., Bassnett S. Politics, media and translation – exploring synergies // Christina Schäffner and Susan Bassnett (eds.) *Political discourse, media and translation*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 1-32.
- van Dijk T.A. Political discourse and political cognition // Paul A. Chilton and Christina Schäffner (eds.) *Politics as text and talk: analytical approaches to political discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 203-237.
- Albert S., Raymond Ch. Conversation analysis at the 'middle region' of public life: Greetings and the interactional construction of Donald Trump's political persona // *Language and communication*. 2019. Vol. 69. Pp. 67-83.
- Reyes A. Building intimacy through linguistic choices, text structure and voices in political discourse // *Language and communication*. 2015. Vol. 43. Pp. 58-71.
- Silverstein M. The "message" in the (political) battle // *Language and communication*. 2011. Vol. 31 (3). Pp. 203-216.
- Katsara O. The use of Linguistics in indicating the influence of political power in shaping politicians' behaviour: the case of Demetrios D. Bousdras // *Linguistics Journal*. 2016. Vol. 10 (1). Pp. 203-226.
- Kozminska K., Schulte L., Hawker N. and Hall R. Language, mobility and belonging // *Language and communication*. 2019. Vol. 68. Pp. 1-5.
- Chilton P. *Analysing political discourse: Theory and Practice*. London, UK, New York, USA: Routledge, 2004.
- Fairclough N. Political discourse in the media: An analytic framework // Allen Bell and Peter Garret (eds.) *Approaches to media discourse*. Oxford: Blackwell, 1998. P. 142-162.
- Green J. *Slang: A very short introduction*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2016. 125p.
- Adams M. *Slang: the people's poetry*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2009. 213p.
- Coleman J. *The life of slang*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012. 350p.
- Хомяков В.А. О термине «сленг» (из истории вопроса) // *Вопросы теории английского и немецкого языков* / отв. ред. Б.А. Ильиш. Вологда: Изд-во Вологодского ун-та, 1969. С. 76-78.
- Partridge E. *Slang and its development*. London, UK: Routledge and Kegan Paul, 1979. 164 p.
- Partridge E. *Slang: Today and Yesterday*. London, UK: Routledge and Kegan Paul, 1933. 470 p.
- Интервью телеканалам Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/61792> (дата обращения: 18.01.2020).
- Академик. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 18.01.2020).
- Интервью Оливеру Стоуну. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/61057> (дата обращения: 18.01.2020).
- Интервью газете «Korr'ere della Sera». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/60912> (дата обращения: 18.01.2020).

Интервью газете The Financial Times. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/60836> (дата обращения: 20.01.2020).

Trump talks tax cuts, a strong dollar and the wall in an interview with CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2018/01/25/trump-interview-with-cnbc-full-transcript.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 20.01.2020).

Patient protection and affordable care act. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Patient_Protection_and_Affordable_Care_Act (дата обращения: 21.01.2020).

Donald Trump's interview with Time on 2020. URL: <https://time.com/5611476/donald-trump-transcript-time-interview/> (дата обращения: 22.01.2020).

Full transcript: President Donald Trump's interview with "Face the Nation". URL: <https://www.cbsnews.com/news/trump-interview-full-transcript-face-the-nation/> (дата обращения: 22.01.2020).

References

Kirvalidze, N., Samnidze, N. (2016). Political discourse as a subject of interdisciplinary studies. *Journal of teaching and education*, Vol. 5 (1), 161-170. Retrieved from: <http://www.universitypublications.net/jte/0501/html/toc.html>

Fairclough, I., Fairclough N. (2012). *Political discourse analysis: A method for advanced students*, London, UK, New York, USA: Routledge.

Tarasova, Yu.V. and Abramenko, E.V. (2017). Sovremenniy politicheskij diskurs: tendentsii razvitiya, frejmirovaniye, obraznye sredstva [Contemporary political discourse: tendencies of development, framing, figurative means], *Modern science success*, Vol. 3 (3), 90-95, (in Russian).

Shagal, E. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the political discourse], Volgograd, Russia: Peremena, (in Russian).

Fetzer, A. (2013). The multilayered and multifaceted nature of political discourse, in Anita Fetzer (ed.), *The pragmatics of political discourse* (p.p.21-47.), Amsterdam, the Netherlands, Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Co.

Schäffner, C. and Bassnett, S. (2010). Politics, media and translation – exploring synergies, in Christina Schäffner and Susan Bassnett (eds.),

Political discourse, media and translation (p.p.1-32), Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing

van Dijk, T.A. (2002). Political discourse and political cognition, in Paul A. Chilton and Christina Schäffner (eds.), *Politics as text and talk: analytical approaches to political discourse* (p.p.203-237), Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins Publishing Company.

Albert, Saul and Raymond, Chase Wesley (2019). Conversation analysis at the 'middle region' of public life: Greetings and the interactional construction of Donald Trump's political persona, *Language and communication*, Vol. 69, 67-83.

Reyes, A. (2015). Building intimacy through linguistic choices, text structure and voices in political discourse, *Language and communication*, Vol. 43, 58-71.

Silverstein, Michael (2011). The "message" in the (political) battle, *Language and communication*, Vol. 31 (3), 203-216.

Katsara, O. (2016). The use of Linguistics in indicating the influence of political power in shaping politicians' behaviour: the case of Demetrios D. Bousdras, *Linguistics Journal*, Vol. 10 (1), 203-226.

Kozminska, K., Schulte, L., Hawker, N. and Hall, R. (2019). Language, mobility and belonging, *Language and communication*, Vol. 68, 1-5.

Chilton, P. (2004). *Analysing political discourse: Theory and Practice*, London, UK, New York, USA: Routledge.

Fairclough, N. (1998). Political discourse in the media: An analytic framework, in Allen Bell and Peter Garret (eds.), *Approaches to media discourse* (p.p.142-162), Oxford: Blackwell.

Green, J. (2016). *Slang: A very short introduction*, Oxford, UK: Oxford University Press

Adams, M. (2009). *Slang: the people's poetry*, Oxford, UK: Oxford University Press.

Coleman, J. (2012). *The life of slang*, Oxford, UK: Oxford University Press

Homyakov, V. (1969). O termine «sleng» (iz istorii voprosa) [About the term 'slang' (from the history of the problem)], in *Voprosy teorii anglijskogo i nemeckogo yazykov* [Theoretical problems of English and German] (p.p.76-78), Leningrad, USSR: Leningrad State Pedagogical Institute named after A.I. Gerzen, (in Russian).

Partridge, E. (1979). *Slang and its development*, London, UK: Routledge and Kegan Paul

Partridge, E. (1933). *Slang: Today and Yesterday*, London, UK: Routledge and Kegan Paul

Interv'yu telekanalam Al Arabiya, Sky News Arabia i RT Arabic [The interview to TV channels Al Arabiya, Sky News Arabia and RT Arabic] Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/61792> (in Russian).

Academic Retrieved from: <https://dic.academic.ru>

Interv'yu Oliveru Stounu [The interview to Oliver Stone] Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/61057> (in Russian).

Interv'yu gazete «Korr'ere della Sera» [The interview to the newspaper “Corriere della Sera”] Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/60912> (in Russian).

Interv'yu gazete The Financial Times [The interview to the newspaper “The Financial Times”] Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/60836> (in Russian).

Trump talks tax cuts, a strong dollar and the wall in an interview with CNBC. Retrieved from: <https://www.cnn.com/2018/01/25/trump-interview-with-cnn-full-transcript.html>

Cambridge dictionary. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>

Patient protection and affordable care act. Retrieved from: https://en.wikipedia.org/wiki/Patient_Protection_and_Affordable_Care_Act (

Donald Trump's interview with Time on 2020. Retrieved from: <https://time.com/5611476/donald-trump-transcript-time-interview/>

Full transcript: President Donald Trump's interview with “Face the Nation”. Retrieved from: <https://www.cbsnews.com/news/trump-interview-full-transcript-face-the-nation/>

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Королева Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Тамбовский государственный технический университет

Korolyova Lyudmila Yurievna, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor, Department of Modern Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University

Мордовина Татьяна Валерьевна, кандидат педагогических наук, кафедра «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Тамбовский государственный технический университет

Mordovina Tatyana Valerievna, Cand. Sc. in Pedagogy, Department of Modern Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University

УДК 811.13
811-26

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-9

Порхомовский В.Я.¹
Челышева И.И.²

Роль переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы романских языков
(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Челышевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)

¹) Институт языкознания РАН,
Б. Кисловский пер., 1/12, Москва 125009, Россия
E-Mail: vporkhom@yahoo.com
ORCID id: 0000-0002-5079-0990

²) Институт языкознания РАН,
Б. Кисловский пер., 1/12, Москва 125009, Россия
E-Mail: chelirin@gmail.com
ORCID id: 0000-0003-4467-4974

*Статья поступила 25 февраля 2020 г.; принята 10 марта 2020 г.;
опубликована 31 марта 2020 г.*

Аннотация

Цель данного исследования заключается в том, чтобы описать некоторые общие закономерности в процессе перевода Библии независимо от того, на какой язык эти переводы осуществлялись; выявить типологию влияния библейских переводов на формирование нормы литературного языка; представить историю переводов Священного Писания на романские языки как смену этапов и проиллюстрировать на конкретных примерах (в основном, из переводов Ветхого Завета) определенную специфику этих этапов. В первой части статьи рассматриваются некоторые общие проблемы перевода оригинального канонического текста *Biblia Hebraica* на различные европейские и африканские языки, в том числе типология стратегий перевода Ветхого Завета, разработанная в рамках предыдущих исследований на эту тему одним из авторов настоящей работы совместно с французским семитологом профессором Ф. Кассюто. Далее эта проблематика анализируется на материале романских языков. Для основных романских языков Западной Европы противопоставляются два периода перевода библейских текстов. Первый, условно именуемый средневековым, продлился до XVI в. и характеризовался обращением к латинским источникам и выборочными, фрагментарными переводами-пересказами, включавшими толкования, дополнения, осовременивание текста. Второй же начинается с конца XV–XVI вв., когда появляются полные переводы с оригиналов. Особую роль обрели переводы Библии в истории миноритарных романских языков (гасконский, ретороманский). На материале пяти переводов Ветхого Завета на французский (XVI–XX вв.) рассмотрены особенности перевода имен Бога.

Ключевые слова: романские языки, французский язык, переводы Библии, формирование нормы.

Информация для цитирования: Порхомовский В.Я., Чельшева И.И. Роль переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы романских языков (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н. В. Я. Порхомовского и д.ф.н. И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N1. С. 84-107. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-9

Viktor Ya. Porkhomovsky¹
Irina I. Chelysheva²

The role of translations of canonical texts in the processes of forming the language norm of Romance languages
(Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

¹⁾ Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences.
bld. 1, 1 B. Kislovskiy Ln., Moscow, 125009, Russia
E-Mail: vporkhom@yahoo.com
ORCID id: 0000-0002-5079-0990

²⁾ Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences.
bld. 1, 1 B. Kislovskiy Ln., Moscow, 125009, Russia
E-Mail: chelirin@gmail.com
ORCID id: 0000-0003-4467-4974

Received 25 February 2020; accepted 10 March 2020; published 31 March 2020

Abstract

The purpose of this study is to describe some general patterns in the process of translating the Bible, regardless of the language in which these translations were carried out; to identify the typology of the influence of biblical translations on the formation of the norm of the literary language; present the history of translations of the Holy Scriptures into Romance languages as a change of stages and illustrate with specific examples (mainly from Old Testament translations) the specific nature of these stages. The first part of the article discusses some common problems of translating the original canonical text of Biblia Hebraica into various European and African languages, including the typology of Old Testament translation strategies developed in the framework of previous studies on this topic by one of the authors of this work, together with French semitologist Professor F. Cassuto. Further, this issue is analyzed on the basis of Romance languages. For the main Romance languages of Western Europe, two periods of translation of biblical texts are contrasted. The first, conventionally called medieval, lasted until the XVI century. and was characterized by an appeal to Latin sources and selective, fragmentary translations-paraphrases, including interpretations, additions, modernization of the text. The second one begins from the end of the XV – XVI centuries, when full translations from the originals appear. A

special role was played by Bible translations in the history of minority Romance languages (Gascon, Romansh). Based on the material of five translations of the Old Testament into French (XVI-XX centuries), the features of the translation of the names of God are considered.

Key words: Romance languages, French language, translations of the Bible, development of language standard.

How to cite: Porkhomovsky V. Ya, Chelysheva I.I. (2020). The role of translations of canonical texts in the processes of forming the language norm of Romance languages. (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 84-107, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-9

Введение

Общепризнанным является значение так называемых эталонных, или образцовых, текстов в формировании и развитии соответствующих письменно-литературных традиций и литературных жанров, а также роль авторов подобных текстов, обретших статус классиков того или иного литературного языка. Священные канонические тексты занимают среди образцовых текстов особое место. Именно канонические тексты мировых религий и их роль в процессах формирования общезыковой нормы на разных этапах становления письменной словесности находятся в фокусе внимания настоящей работы. Цель исследования заключается в том, чтобы описать некоторые общие закономерности в процессе перевода Библии независимо от того, на какой язык эти переводы осуществлялись; выявить типологию влияния библейских переводов на формирование нормы литературного языка; представить историю переводов Священного Писания на романские языки как смену этапов и проиллюстрировать на конкретных примерах (в основном, из переводов Ветхого Завета) определенные различия в этих этапах.

Задачу своего исследования авторы видели в том, чтобы выделить на основании описания истории переводов Библии ряд общих закономерностей, относящихся к истории освоения священных текстов разными языками. Поэтому в статье

присутствует сопоставительный аспект, а некоторые обобщения сделаны на материале библейских переводов на другие, в том числе младописьменные, языки (в частности, языки Африки). Как нам представляется, подобный подход позволяет установить интересные аналогии и определить общее и частное в трактовке библейского текста при его переводе на другие языки. В серии публикаций одного из авторов настоящей статьи и французского семитолога Филиппа Кассюто, посвященных анализу переводов Ветхого Завета, (см. подробно Cassuto, Porkhomovsky 2009; Порхомовский 2015, 2017 и др.), определены некоторые общие принципы освоения канонического текста при переводе его на другие языки, используемые в данной статье как теоретические и методологические основы для сопоставительного анализа. Также в статье используется составленная этими же авторами база данных по ключевым лексемам оригинала Ветхого Завета и их эквивалентам в Вульгате.

Основным материалом для этого исследования послужили переводы Библии на романские языки, причем особое внимание уделяется Ветхому Завету. Подробнее всего рассмотрены переводы на французский. Привлекается также история переводов Библии на итальянский и некоторые миноритарные романские языки (окситанский, фриульский, ретороманский). Меньше затрагивается история Библии на

Пиренейском полуострове, где сама проблема переводов стоит иначе, чем во Франции и Италии, поскольку контакты с арабской и иудейской культурами создавали иную среду для переводов и переводчиков. Тем не менее, отдельные сопоставления с ситуацией в Испании присутствуют.

Основная часть

Роль переводов в формировании религиозного текстового канона.

Необходимость в рамках мировых прозелитических религий обеспечить понимание сакральных текстов населением различных географических и языковых ареалов, где распространяется соответствующая религия, очевидна. Однако пути достижения этой цели могут быть различны. Достаточно упомянуть о расхождениях в путях достижения этой цели в исламе и христианстве. В исламе язык Корана, т.е. арабский, имеет особый сакральный статус, поэтому вся религиозная коммуникация, как в письменном, так и в устном вариантах, происходит на этом языке. Переводы Корана возможны только в информативных целях в иноязычной среде. Для религиозной практики в исламе необходимо хотя бы репродуктивное владение арабским языком в определенных границах, что определяет маргинальную роль переводов канонических текстов ислама на другие языки. Основное воздействие ислама и арабского языка на языковую деятельность других этноязыковых общностей заключается в распространении арабо-мусульманской культуры и, следовательно, арабской письменности и большого количества арабских заимствований в местные языки. Это влечет за собой широкое распространение арабского языка как языка межэтнического общения, лингва франка, языка высокой культуры и образования и т. п., что, разумеется, представляет совершенно иной аспект языковых контактов. Подробное рассмотрение этой проблематики выходит за рамки настоящей работы.

Напротив, христианство является, условно говоря, «религией переводов» *par excellence*. Переводы текстов Библии занимают абсолютно лидирующие позиции в общемировой статистике переводов в целом как на разные языки, так и различных переводов на один и тот же язык, что определяет значение проблемы переводов канонических библейских текстов для становления и эволюции языковой нормы в языках перевода. Однако в диахронии ситуация с переводами Священного Писания на европейские языки претерпела ряд фундаментальных изменений.

Чтобы оценить влияние переводов Библии на формирование литературных языков, рассмотрим общие вопросы, связанные с языками Священного Писания. Прежде всего необходимо начать с того, что Библия, главный священный текст христианства, состоит из двух частей – Ветхого Завета (так наз. *Biblia Hebraica*) и Нового Завета. Ветхий Завет изначально представляет священную книгу первой монотеистической религии, иудаизма (так наз. Танах, т. е. акроним названий на иврите ее трех основных разделов – Тора, Пророки, Писания), полностью включенную в христианский канон. Язык Ветхого Завета – это библейский иврит, или древнееврейский язык (за исключением немногих поздних книг, написанных по-арамейски). Языком Нового Завета является древнегреческий, что уже делает необходимым перевод, чтобы обеспечить существование священной книги христианства на одном языке. Однако еще до возникновения христианства библейский иврит постепенно был вытеснен из повседневного общения арамейским языком, а в некоторых восточных провинциях Римской империи, где сложились колонии иудейской диаспоры, также и греческим. В результате в эпоху эллинизма был сделан перевод *Biblia Hebraica* для этой грекоязычной иудейской общины на греческий язык, так наз. Септуагинта (или «Перевод семидесяти толковников»), в литературе сокращенно обозначаемый как

LXX. В рамках иудаизма библейский иврит полностью сохранял свое значение сакрального языка священных текстов, которые по-прежнему читаются и изучаются на библейском иврите, однако сложилась устойчивая традиция так наз. таргумов, т. е. арамейских переводов, скорее даже толкований, текстов *Biblia Hebraica*. Арамейский также является языком богатейшей религиозной литературы иудаизма (прежде всего Талмуда).

Поскольку языком Нового Завета является греческий, то Септуагинта и Новый Завет составили полный христианский текст Библии на греческом языке. Разница между этими двумя частями христианской Библии состоит в том, что греческая версия Ветхого Завета является своеобразным вторичным канонem, которой ни в коей мере не отменяет и не заменяет древнееврейский канонический текст *Biblia Hebraica*, тогда как греческий текст Нового Завета представляет собой оригинальный канонический текст. Однако греческий язык в рамках христианства имел весьма ограниченные ритуальные и функциональные характеристики, несопоставимые со статусом арабского языка в исламе или библейского иврита в иудаизме.

В Западной Европе сформировался новый канон Священного Писания, основанный на латинском переводе как Ветхого, так и Нового Завета. При этом произошли кардинальные изменения в восприятии Библии, которая для Западной Европы стала мыслиться именно как латинская. Латынь воспринималась как универсальный, Богом данный язык и, соответственно, текст на латинском в средневековой Европе воспринимался как источник Божественной истины. Это не значит, что не было известно то, что языки оригинала Ветхого и Нового Завета – это древнееврейский и греческий. Однако знание этих языков было очень ограничено; есть примеры, когда хранившиеся в европейских монастырях рукописи на греческом

сопровождались пометами на латыни: *graecae non leguntur* 'греческий не читается'.

В какой-то мере, ситуация с Библией в Европе до XVI в. напоминала ситуацию с Кораном в исламе. Разница заключалась в том, что арабский – оригинальный язык Корана, в Европе же произошла замена оригинальных языков Библии на другой язык. Для романской Западной Европы таким языком стала латынь. В православной Румынии роль латыни выполнял церковнославянский язык, на котором румыны писали до XVIII в. включительно. Уже в раннем Средневековье основным текстом Библии для романской Европы стала Вульгата Иеронима Стридонского. Это не исключало использования иных редакций *Biblia Vetus*, но все эти редакции также были латинскими. Следует особо отметить, что очень кратко представленная выше языковая ситуация в значительной степени психологически «освободила» переводы канонических текстов от, казалось бы, неизбежной их трактовки как не вполне эквивалентных оригинальным текстам на иврите и греческом, которые, разумеется, сохраняют свой сакральный и функциональный статус для богословов, духовенства, монахов.

Стратегии перевода священных текстов.

Прежде чем перейти к проблеме перевода Библии в рамках западного христианства, необходимо сделать еще некоторые вводные замечания. Во-первых, это проблема, которая в традиции иудаизма именуется *Qere-Ketiv*, от арамейских глаголов, означающих «читать» и «писать». Имеются в виду характерные для *Biblia Hebraica* ситуации расхождений между письменным каноническим текстом, более не подлежащим никаким изменениям, и необходимостью при чтении вслух произносить что-то отличное от письменного текста. Прежде всего здесь речь идет об основном имени Верховного Бога Израиля, обозначаемого тетраграмматом YHWH. Это имя было запрещено произносить вслух, требовалось заменять его другими именами

Верховного Бога по определенным правилам. Имеется также целый ряд других случаев *‘Qere-Ketiv’*, а также так называемые «исправления писцов», когда корректировка уже была сделана писцами в оригинальном тексте до его канонизации, чтобы избежать недопустимых словосочетаний в соответствии с догматами иудаизма, но при этом для читателя совершенно очевидным является первоначальный вариант. Наконец, еще одна проблема возникает при переводе, когда в оригинальном тексте, который складывался на протяжении многих столетий и отражает представления и события соответствующих эпох, имеются пассажи, противоречащие позднему монотеизму, как иудейскому, так и христианскому. В частности, речь идет об антропоморфизмах и имени великой богини-матери Ашеры, что невозможно с точки зрения более поздних монотеистических представлений. Здесь (как и в случае «исправлений писцов») возникает сложная проблема, а именно, следует ли сохранять в переводе все особенности оригинального сакрального текста или редактировать этот перевод, чтобы он соответствовал принятым принципам монотеизма. В реальной практике встречаются обе стратегии перевода.

При исследовании стратегии перевода библейских пассажей, противоречащих позднему принципам монотеизма, В.Я. Порхоновским в соавторстве с Ф. Кассюто были выделены две стратегии перевода: первая, которую классифицировали как филологическую, направлена на максимальное сохранение особенностей оригинала; вторая, допускающая редактирование оригинального текста для приведения его в соответствие с принципами монотеизма, определена как идеологическая. Выделенные на основе анализа конкретного материала, связанного с проблемой языковых реликтов политеизма в монотеистической религии, эти тенденции могут быть экстраполированы и на иные уровни анализа переводческой практики канонических текстов. Очевидно, что эта типология

стратегий перевода принципиально отличается от распространенных типологий стратегии перевода – *“sense for sense”* vs. *“word for word”* или противопоставления динамической и формальной эквивалентности, предложенной Ю. Найдой (Nida 1964). В этих последних случаях речь идет о выборе общей стратегии перевода любых текстов. Что же касается противопоставления филологической и идеологической стратегий перевода, то здесь имеется в виду выбор между точной передачей в переводе фрагментов и отдельных лексем канонического текста, которые не совпадают с принятым в целом пониманием канона в рамках соответствующей религиозной и культурной парадигмы (филологическая стратегия), и редактированием подобных мест в процессе перевода с тем, чтобы устранить возникающие противоречия (идеологическая стратегия). Исследования показали, что оба эти подхода широко распространены при подготовке не только переводов Ветхого Завета на разные языки, но и разных версий на одном и том же языке. При этом достаточно часто встречается совмещение этих подходов в рамках одной и той же версии при переводе различных фрагментов Ветхого Завета.

Любое упоминание о том, насколько перевод должен отражать форму и содержание оригинала в применении к каноническим христианским текстам, не обходится без отсылок к известному письму Иеронима Стридонского *“Ad Pammachium. De optimo genere interpretandi”* («К Паммахию. О наилучшем способе переводить»), точнее, не столько к самому письму, сколько к цитате из него, где упомянуто Священное Писание. Не рассматривая подробно цепь рассуждений в этом письме, отметим цитаты, которые дали основание говорить о предпочтении Иеронимом содержательного аспекта текста формальному: *“Ex alia in aliam linguam expressa ad verbum translatio, sensum operit; et veluti laeto gramine, sata strangulate...”*

‘Дословный перевод с одного языка на другой затемняет смысл, как разросшийся сорняк заглушает семя...’. К Священному Писанию Иероним относился бережно, отсюда и его известное утверждение о значимости переноса формальных характеристик при переводе библейских текстов в противовес его собственной практике в отношении текстов иных: *“Ego enim non solum fateor, sed libera voce profiteor, me in interpretatione Graecorum, absque Scripturis sanctis, ubi et verborum ordo mysterium est, non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu”* ‘Я не только признаю, но открыто заявляю, что в переводах с греческого (кроме Священного Писания, где сам порядок слов – тайна) я передаю не слово словом, но мысль мыслью’. Это высказывание часто цитировалось теми, кто, в разные эпохи тем или иным образом, использовал библейский текст и/(или) библейские мотивы для создания текста на народном языке.

Перевод канонических текстов и формирование нормы литературного языка.

Что касается непосредственной темы нашей работы, а именно, роли переводов канонических текстов в процессах формирования языковой нормы, то здесь особый интерес представляют ситуации первичного складывания литературной нормы в младописьменных языках, которые достаточно легко поддаются классификации. Это дает возможность экстраполировать сделанные выводы на иные ситуации, в том числе и на диахронию.

В принципе подобную проблему особенно удобно рассматривать в ситуации, когда необходимость перевода Библии стимулирует создание письменности на бесписьменном языке, так что этот перевод может играть роль литературного стандарта в формирующейся письменной традиции. Это характерно для африканских языковых ситуаций в Новое время, в процессе европейской колонизации Африки. В период раннего Средневековья, когда вводились в

письменный оборот западноевропейские языки, развитые письменные традиции безусловно существовали, но на литературных языках поздней античности, прежде всего на латинском и греческом. Появление же полных, авторитетных переводов Священного Писания на европейские языки с языков оригинала во многих случаях относится ко времени формирования норм литературных языков.

Итак, если рассмотреть роль переводов библейских текстов для формирования нового литературного стандарта, то в принципе здесь можно выделить три типа ситуаций. Первый тип можно классифицировать как нейтральный, т. е. когда новая литературная норма формировалась независимо от перевода Библии на этот язык. Второй тип, наиболее интересный для анализа, является позитивным, т. е. когда именно перевод Библии сыграл значительную роль при формировании новой языковой нормы. Наконец, возможен и третий, негативный тип, когда перевод Библии на некий ранее бесписьменный язык стал ощутимым препятствием для формирования общеязыковой литературной нормы.

Вполне прототипическая ситуация представлена в Нигерии, самой многонаселенной африканской стране, насчитывающей огромное количество разнообразных языков и диалектных групп. Здесь нас интересуют три крупнейших языка Нигерии – хауса на севере, йоруба на юго-западе и игбо (ибо) на юго-востоке. В настоящей работе нет необходимости подробно рассматривать и анализировать историю переводов Библии на эти языки. Достаточно отметить, что здесь очень четко и недвусмысленно представлены все три типа роли переводов Библии в процессе формирования языковой нормы в соответствующих языках, причем эти процессы происходили практически одновременно, с конца XIX – начала XX века.

Ситуация с переводами Библии на язык хауса относится к нейтральному типу.

Имеются три разных самостоятельных версии перевода Библии, сделанных последовательно на протяжении нескольких десятилетий. Но письменная норма хауса сформировалась независимо от этих переводов. Причина здесь состоит в том, что в обширном этноязыковом ареале хауса абсолютно преобладающая роль исторически принадлежит исламу. Тем не менее, имеющиеся версии переводов Библии на язык хауса представляют большой интерес для проблематики становления литературной нормы, поскольку они дают исключительную возможность проследить на протяжении многих десятилетий процесс становления письменной нормы хауса на материале переводов одного и того же текста при том, что переводчики преследовали цель максимально точной передачи этого канонического текста. Едва ли можно найти подобные ситуации за пределами рамок канонических религиозных текстов, особенно в случае младописьменных языков.

В ситуации перевода Библии на язык йоруба мы имеем практически идеальный случай определяющей роли перевода Библии на этот язык для формирования литературной нормы. Отметим, что автор этого перевода Самуэль Кроутер, этнический йоруба, был первым англиканским епископом-африканцем, а также автором первой грамматики и первого словаря йоруба.

Наконец, ситуация с переводом Библии на язык игбо дает классический пример негативного типа. Игбо представлял собой диалектный пучок с очень высокой степенью междиалектных различий при отсутствии каких-либо наддиалектных форм или престижного диалекта, используемого для междиалектной коммуникации. Поэтому переводчики Библии поставили себе задачу искусственным образом создать наддиалектную форму, которая получила в истории африканистики название *Union Igbo*, или даже эсперанто, и именно на этот *Union Igbo* и был сделан перевод, который также известен как *Union Igbo Bible*. Этот проект

потерпел полную неудачу как в чисто лингвистическом отношении (создание наддиалектной формы языка), так и в плане создания доступной для народа игбо версии Библии на их родном языке. Текст на этом искусственном языке был непонятным для носителей любых диалектов игбо. В результате процесс складывания наддиалектной формы был существенно задержан, а вошедший в реальный практический оборот перевод Библии на язык игбо был опубликован лишь к концу XX века. При этом активную роль в работе над переводом Библии на игбо играл Самуэль Кроутер, который так успешно решил задачу перевода Библии на язык йоруба.

Ситуация с переводами Библии в средневековой Европе во многом была определена особой ролью Вульгаты Иеронима. Роль этой латинской версии Библии для развития европейской традиции переводов Священного Писания оказалась столь велика, что имеются все основания, чтобы рассматривать этот перевод как полноценный вторичный канонический текст для дальнейших переводов на новые европейские языки. Здесь достаточно очевидной является аналогия с африканскими ситуациями, когда в качестве источников использовались переводы на европейские языки. Принципиально иную ситуацию образуют переводы на романские идиомы благодаря их родству с каноническим источником, т. е. с латинской версией Иеронима. Здесь родственные отношения с латынью позволяли рассматривать соотношение *латынь* vs. *народный язык* как диглоссию, а романские языки как сниженную форму той же латыни. Об этом свидетельствует средневековое наименование наречий Италии – *volgare*, т.е. «народный язык». С другой стороны, латынь для романских языков, в двух своих ипостасях – *mater et magistra* ‘мать и наставница’, давала возможность практически безгранично черпать из латинских источников заимствования различного уровня. Определенную параллель здесь

можно усмотреть с таргумами, переводами Библии с древнееврейского на близко родственный арамейский язык. Кроме того, здесь можно отметить параллель с ситуацией, отмеченной выше в связи с переводами Библии на язык хауса, а именно возможность использовать переводы сакральных текстов Библии разных эпох для фиксации изменений в языковой норме.

Типология переводов Библии в истории романских языков.

История переводов Библии на романские языки в целом и на французский в частности — тема объемная и многоаспектная. Мы лишь попытаемся выстроить некоторую типологию этих переводов, уделяя особое внимание диахронии.

Для основных романских языков Западной Европы можно противопоставить два периода перевода библейских текстов. Первый, условно именуемый средневековым, период продлился до XVI в.; второй же начинается с конца XV—XVI вв. и, несмотря на некоторые серьезные сдвиги, продолжается до настоящего времени. Различия в определении завершения первого и начала второго периода связаны с отсчетом эпохи Возрождения, которая для Италии наступила раньше, чем для Франции.

Остановимся подробнее на первом этапе освоения библейского текста романскими языками. Полные переводы Библии в современном понимании этого слова для средневековой романской Европе нехарактерны. Известно, что точный и полный перевод Библии на народные языки Церковь в Средние века не одобряла. Изложение на народном языке в принципе оценивалось как умаление достоинства текста. В истории итальянского языка идея перевода передавалась глаголом *volgarizzare*, так как *volgare* было основным наименованием народного языка Италии до XVI в. Наряду со значением «переводить» глагол обозначал «делать простым, доступным для малообразованных людей, растолковывать» (TLIO). В одной из новелл известного сборника «Новеллино» (около

1300 г.) рассказывается о некоем ученом мудреце, который решил “*volgarizzare la scienza*” ‘перевести науку на вольгаре’. Однако мудрецу приснился вещий сон: прекрасные женщины, которых он обнаружил в непотребном месте, обвинили его в том, что именно он их туда отправил. Проснувшись, ученый понял, что во сне перед ним предстала аналогия его предполагаемых деяний: он хотел перевести высокие мысли и идеи недостойным их языком. Мудрец отказался от своего намерения: *Isvegliòsi e pensòsi che volgarizzare la scienza era menomare deitade* (PD, 865) ‘Проснулся он и решил, что делать науку доступной (вариант перевода: ‘перевести науку на вольгаре’) — значит умалять божественность’. Тем более неприемлемым было «умалить божественность» священного текста. Изменение языковой принадлежности могло восприниматься как посягательство на сакральность текста и не без основания связывалось с еретическими движениями (см. ниже о переводах Библии на окситанский). В этом смысле проблема переводов с латыни предстает как часть общей проблемы функционального соотношения латынь/романские языки в Средние века (см. специальный номер журнала «Revue des langue romanes» (Sociolinguistique des contacts/conflits de langues en domaine roman des origines à nos jours, 2019).

Кроме того, малое число переводов Библии в строгом смысле этого слова связано с отношением к переводу в целом, которое отличалось от современного. Известный итальянский филолог Ч. Сегре отмечал: «В Средневековье перевод это не вид деятельности, а определенная предрасположенность разума» (“*Nel Medioevo la traduzione non è una attività, ma una disposizione mentale*” (Segre 1963, 19)). Большинство текстов на романских языках тем или иным образом основываются на латинских источниках, но при этом нельзя сказать, что речь идет о переводах. В Средневековье не

сформировалось понятие авторства, не различались задачи автора, переводчика, комментатора, компилятора. Отсюда многочисленные сокращения, интерполяции и экстраполяции, комментирование и слияние в одном тексте двух и более источников, изменение формы текста и жанровое преобразование. При этом незыблемым оставалось уважение к авторитетам и стремление сослаться на предшественников. Сложилась достаточно парадоксальная ситуация: полные переводы Библии не одобрялись, но на библейские тексты, в той или иной форме, опиралась едва ли не вся средневековая словесность.

Это не значит, что Библия не переводилась на романские языки. В исследовании, посвященном обзору всех памятников средневековой Франции, которые в той или иной степени можно считать переводными, объемный раздел посвящен именно переводам Священного Писания (*Translations médiévales*, 2011). Но переводы эти отличались рядом особенностей и выполнялись почти исключительно с латыни. Далее при рассмотрении старофранцузских текстов дается отсылка к страницам сайта *Les Archives de littérature du Moyen Âge arlima.net*, содержащему достаточно полные характеристики памятников и их изданий. Во-первых, переводились те части, которые были необходимы в повседневной религиозной практике. Это касается, прежде всего, псалтири. Одним из древнейших текстов, который можно рассматривать как перевод Библии на французский, является «Оксфордская псалтирь» — перевод с латыни псалмов, выполненный около 1100 г. на юге Англии в норманнском аббатстве. Есть и другие варианты псалтири на старофранцузском, причем с достаточно типичным для средневековых переложений переводом текста в стихотворную форму, например, стихотворная версия 44-го псалма конца XII в., известная по первой латинской строке “*Eructavit cor meum*” (<https://arlima.net/no/3864>)

К этому типу можно причислить и разнообразные суммы и синопсисы, призванные ознакомить аудиторию со Священным Писанием. Встречаются краткие синоптические изложения евангельских сюжетов, когда объединяется материал всех канонических Евангелий с произвольными сокращениями того, что кажется компиляторам слишком сложным для неподготовленного читателя, например, “*Estoire de l’Evangile*” (середина XIII в.: <https://arlima.net/no/874>).

Во-вторых, переводились части, которые в сопровождении комментариев и с использованием возможностей библейской экзегетики могли служить как морально-дидактические наставления для широкого круга христиан. Так, например, есть несколько старофранцузских переводов Притчей Соломоновых (*Proverbia Solomon* XIII–XIV вв.: <https://arlima.net/no/5072>). И, в-третьих, переводились некоторые книги Ветхого Завета, воспринимавшиеся как некие исторические сказания. Например, в конце XII в. был выполнен в Нормандии или в Иль де Франсе перевод Четырех книг Царств из Ветхого Завета. Этот перевод представляет собой редкий случай, когда переводчик хоть в какой-то мере разделял задачу комментирования текста и задачу перевода Библии. В сам текст включены довольно объемные толкования, почерпнутые у авторитетных авторов: Иеронима, Исидора Севильского, Кассиодора и др., но эти сведения маркированы красным астериском, который отсылает к указанным на полях именам авторов толкований. Вместе с тем, переводчик не избежал типичного для средневековых переводов-переложений анахронического осовременивания текста Библии, и библейские персонажи получили у него характеристики в проиллюстрировать на небольшом фрагменте (Паралипоменон II, 26.1): *fuit autem exercitus bellatorum eius qui procedebant ad proelia sub manu Hiehihel scribae Maasiaeque doctoris et sub manu Ananiae qui erat de ducibus regis (Vulgata)* ‘Было у Озии и войско, выходившее на войну

отрядами, по счету в списке их, составленном рукою Иеиела писца и феодально-эпическом духе. Этот феномен, а также общие принципы средневекового перевода-пересказа можно Маасеи надзирателя, под предводительством Ханании, одного из главных сановников царских' (Синодальный перевод). В старофранцузском тексте этому соответствует: *Jechiel et Maasia et Anania furent maistre conestable sor la chevalerie* 'Иекиел, Маасия и Ханания были главными коннетаблями над рыцарями' (QLR, 204).

Мы видим, что в произведение под названием "*Quatre livres des reis*" («Четыре книг царств»), включены и книги Паралипоменон. Текст произвольно сокращен. Иеиел превратился в Иекиеля (видимо, под влиянием библейского имени Иезекииль). Библейские военачальники превратились в средневековых коннетаблей, а войско – в рыцарей.

Есть перевод XIII в. книг Маккавеев, которые также читались как исторические. Отдельно пересказывалась история Иосифа (*Estoire Joseph*, начало XIII в., в стихах: <https://arlima.net/no/4425>), которая привлекала слушателей и читателей своей занимательной фабулой.

Из Нового Завета чаще всего переводились главы, описывающие Страсти Христовы. Можно сказать, что в старофранцузской литературе Страсти Христовы оформились как отдельный литературный жанр, причем обычно жанр стихотворный. Один из первых художественных текстов с территории Франции, написанный на границе французского и окситанского ареалов, это именно Страсти Христовы (*Passion du Christ de Clermond-Ferrand*, конец X в.: <https://arlima.net/no/5011>). Из книг Нового Завета на французский в XII–XIII вв. переводился также Апокалипсис, причем как в прозе, так и в стихах.

Более или менее полные переводы-переложения Библии до XVI в. во Франции достаточно редки. К тому же, вряд ли их

можно считать именно переводами, скорее это пересказ с комментариями (почерпнутыми у авторитетных латинских писателей или привнесенными автором для удержания внимания слушателей) событий и тем, в Библии отраженных. Самым древним из таких изложений считается «Библия» Германа Валансьеннского – объемное сочинение XII в., состоящее из 7000 строк, написанных александрийским стихом (<https://arlima.net/no/1358>). По существу, это авторская поэма, весьма свободно излагающая библейскую историю.

Обзоры старофранцузских переложений Библии делались неоднократно, начиная с классической работы Самюэля Берже (Berger, 1884). Из всех достаточно многочисленных переложений, пересказов, фрагментов и т. д., выделяются два сочинения, которые близки к современной идее перевода. Это так называемая "*Bible de l'Université de Paris*" и "*Bible Historiale*" Гиара де Мулена (1289), комментированный компонент которой основан на "*Historia Scholastica*" Петра Коместора.

Мы остановились подробно на переводах Библии на французский, поскольку то, что прослеживается на материале истории французского языка (перевод фрагментов, комментирование как часть перевода, формирование на основе содержания Библии новых жанров литературы, изменение формы изложения, в частности, обращение к стихотворной форме или к представлению библейской тематики в диалогической форме) характерно и для раннего этапа освоения Библии на других романских языках. Отметим также, что, по мнению Данте, отразившему взгляд современников на французский, именно этот язык был наиболее приемлем для прозаического изложения, в том числе для изложения библейских сюжетов: «<...> все изложенное или сочиненное народной прозаической речью принадлежит ему, а именно: изложение Библии вместе с деяниями троянцев и римлян, и прелестнейшие приключения короля Артура,

и многое множество других исторических и ученых сочинений» (Данте 1968, 278).

В Италии латинская Библия была более понятна, чем во Франции, в силу близости итальянских наречий и латыни. Однако, если рассматривать отражение библейских событий в итальянских текстах, выявляются те же особенности, что и в памятниках старофранцузского языка (см. подробнее (Leonardi 1993)). Исследователи отмечают относительно немногочисленные и относительно поздние рукописи, создание которых действительно было связано с намерением выполнить перевод объемной части Библии (Ветхого или Нового Завета). С.Натале при составлении каталога таких рукописей перечисляет, в основном, флорентийские манускрипты, начиная со второй половины XIV в. и позднее (Natale 2014, 355). Это не удивительно: во Флоренции в рамках коммунальной культуры существовал достаточно широкий слой горожан (купцы, состоятельные ремесленники), обладавший определенным уровнем образованности, но не владевший латынью. Более многочисленны фрагментарные переводы-переложения на вольгаре, среди которых особой популярностью пользовались Послания святого Павла, Псалмы, Екклесиаст, Притчи Соломоновы, Апокалипсис (обзор см. (Leonardi 1993)).

Есть и в истории итальянского языка примеры более или менее последовательного и удачного перевода отдельных частей Библии. Доминиканский монах, пизанец Доменико Кавалька, автор нескольких морально-религиозных трактатов, перевел в первой половине XIV в. «Деяния Апостолов», естественно, с латыни. На примере его пользовавшегося популярностью перевода видно, что Кавалька включал в задачи переводчика и комментирование, и толкование. Ср. текст Вульгаты: «*Et cum complerentur dies Pentecostes, erant omnes pariter in eodem loco: et factus est repente de caelo sonus, tamquam advenientis spiritus vehementis, et replevit totam domum ubi erant sedentes*» (Деяния

Апостолов 1, 2) ‘При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.’ (Синодальный перевод) и перевод Кавалька: «*E compiendosi lo di della Pentecoste, cioè della Pasqua, che gli Giudei facevano per memoria della legge data loro nel deserto; essendo tutti insieme nel predetto cenacolo ed ecco subitamente venire dal cielo un suono e un busso, come d’un grande vento, e riempiette tutta la casa nella quale eglino erano e sedevano*» (VC, 20) ‘И при наступлении дня Пятидесятницы, то есть дня Пасхи, который иудеи отмечали в память о законе, данном им в пустыне, были они все вместе в вышеуказанном доме, и вдруг внезапно раздался шум и грохот с неба, как от сильного ветра и наполнил весь дом, где они находились и сидели’. Кавалька дал полное объяснение дня Пятидесятницы, использовал для выразительности синонимическую пару «шум и грохот» и поставил два глагола для описания местонахождения, причем второй – *sedevano*, копирует этимологически латинскую форму *erant sedentes*, хотя значение в итальянском у глагола *sedere* иное: ‘сидеть’, а не ‘находиться’.

Ситуация за Пиренеями во многом совпадала с ситуацией средневековой Италии и Франции. Также оставалось общее настороженное отношение к переводам Библии на народные языки; также сведения из Библии включались в тексты разных жанров. Но были и отличия, связанные с контактами на Иберийском полуострове христиан с арабской и еврейской культурой. В результате на Пиренейском полуострове лучше были известны оригинальные версии Священного Писания, прежде всего, Ветхого Завета.

Одним из самых ранних прозаических текстов на испанском является «*Fazienda de Ultramar*» (конец XII в.), рассказ о Святой Земле, куда включены переложения части Ветхого Завета (Пятикнижие, Книга Судей, часть Книг Пророков) Причем сделаны эти

переводы не с Вульгаты, а с другой латинской версии, выполненной в XII в. Непосредственно с древнееврейского оригинала. В знаменитой “*General Estoria*” («Всеобщей истории»), объемной исторической компиляции на кастильском, выполненной при дворе Альфонса X Мудрого во второй половине XIII в., также включена в изложение значительная часть Ветхого Завета (книги пророков, исторические книги, в том числе Книга Ездры, Книга Есфири, Книга Юдифи, а также Экклезиаст, Псалмы, Притчи Соломоновы). Источником для кастильского текста стала Вульгата Иеронима, но известно, что некоторые фрагменты были проверены по древнееврейскому оригиналу. О библейском компоненте в составе “*General Estoria*” см. (Morreale 1982).

Второй этап освоения Библии — появление полных переводов, начинается в эпоху Возрождения. Этот этап можно разделить на два периода, которые в разных лингвистических ареалах сменяют один другого с разной скоростью. Для первого периода характерны переводы, выполненные с латыни, для второго — переход к переводам, выполненным с оригинальных текстов, т. е. с древнееврейского и греческого. В течение XVI в. во французском и итальянском языках поменялся даже глагол, которым описывался процесс перевода. В старофранцузском использовался, в основном, глагол *translater*, а в староитальянском уже упомянутый глагол *volgarizzare* и *traslatare*. Современные лексемы франц. *traduire* и итал. *tradurre* рассматриваются как появившийся в начале XV в. неологизм, возникший в среде итальянских гуманистов (Folena 1994). Он распространился во второй половине XV в. и, через итальянский, вошел и во французский язык [TLF, TLIO]. Появление нового слова связано с изменением отношения к переводу и с изменением качества самих переводов. Окончательно эти глаголы утвердились уже с переходом ко второму этапу библейских переводов, т. е. в XVI в.

С точки зрения хронологии второй этап переводов библейских текстов раньше всего появился в Италии, где началась эпоха Возрождения. Этому способствовало и то, что итальянские гуманисты много занимались словесностью в самом широком смысле этого слова: изучали древние языки, коллекционировали рукописи, работали с текстами, за что итальянский гуманизм XV века и заслужил наименование «филологического гуманизма». В Италии уже в 1471 г. выходит первое печатное издание полного перевода Библии, выполненное бенедиктинским монахом Николо Малерми, который опирался на переводы отдельных частей Библии, сделанные еще в XIV веке. Но переводил Малерми только с латыни, о чем свидетельствует и название его труда: “*Bibbia degnamente volgarizzata per il clarissimo religioso duon Nicolao de M. Veneziano*” ‘Библия, достойно переведенная ученым монахом доном Николо де Малерми, венецианцем’. В названии, как мы видим, использовано причастие от упомянутого выше глагола *volgarizzare*, который всегда обозначал перевод с латыни на народный язык.

В течение XVI в. продолжались переводы на итальянский отдельных частей Библии с латыни, часто по индивидуальным заказам. Например, казначей герцогов Флоренции перевел для в 1533 г. для супруги Козимо Медичи Евангелие от Иоанна (D’Aguanno 2019, 205).

Первый полный перевод на французский также был сделан с латыни. Жак Лефевр д’Этапль, католический священник, в 1523 г. выпустил в Париже перевод Нового Завета с латинского текста Вульгаты, но с уточнениями, основанными на греческой версии. Этот текст был запрещен, но покровительство Франциска I позволило Лефевру заняться переводом Ветхого Завета с латыни и опубликовать его в Антверпене в 1530 г. Лефевр д’Этапль занимался древнееврейским и греческим, однако перевод Священного Писания сделал все-таки с Вульгаты.

Перелом произошел тогда, когда от латинского текста переводчики перешли к Священному Писанию на языках оригинала, чему способствовало распространение идей Реформации. Можно было бы выделить этот переход как начало нового, третьего, этапа в истории переводов Библии на романские языки, но в случае с французским этот переход оказался очень близок хронологически к переводам Лефевра д'Этапль. Переводчик Пьер Робер Оливетан был кузеном Кальвина, который вместе с соратниками дорабатывал издания этой Библии. Оливетан ранее сотрудничал с Ж. Лефевром д'Этапль и уже имел навыки переводческого труда. Через пять лет после выхода Ветхого Завета Лефевра в Женеве вышла Библия Оливетана, переведенная с древнееврейского.

В Италии, где влияние протестантизма было слабее, а латинская традиция ощущалась как своя собственная, ждать переводов с оригиналов пришлось дольше. Лишь в 1607 г. в Женеве была напечатана Библия, все части которой были переведены с оригинала. Переводчиком был Джованни Диодати, протестант, знаток языков, семья которого покинула Тоскану ради Женевы. Библия Диодати, с некоторыми дополнениями и исправлениями, до сих пор считается основным текстом италоязычных протестантов.

Примером иной истории Библии служит окситанский язык. Южная Франция с XI в. стала территорией распространения христианских еретических учений. Именно сторонникам этих учений, катарам и вальденсам, окситанский обязан очень ранним появлением переводов Нового Завета. Известно, что основатель учения вальденсов, лионский купец Пьер Вальд (Вальдо), выступил инициатором создания полного перевода Евангелия с латыни на народный язык (около 1170 г.). Не будем останавливаться на сложной проблеме лингвистической классификации языка этого перевода: Лион относится современными

исследователями к зоне франкоповансальского, но перевод, конечно, не отражал реальные характеристики местного наречия в полной мере. Папский престол осудил ересь, и перевод, представленный папе римскому, был сожжен. Однако до нашего времени дошло несколько переводов Нового Завета на окситанский конца XII–XIII вв., связанных с религиозными ересями (Ветхий Завет в среде катаров и вальденсов практически не переводили), начало изучения этих переводов было положено уже упомянутым С. Берже (Berger, 1889). Некоторые из этих версий отличает нетипичный для романского Средневековья подход, близкий к современному. Например, так наз. Лионская рукопись, включающая в себя Новый Завет, за которым следует «Ритуал» катаров (описание обряда *consolament* 'утешения', важного для доктрины катаризма), представляет собой очень точный, почти пословный перевод с латинского текста с сохранением лексических и синтаксических структур.

Отдельные ветхозаветные фрагменты XIV–XV вв. на окситанском, появившиеся уже после разгрома еретических движений в Альбигойских войнах, сохранились, однако по подходу к переводам они напоминают старофранцузские переводы-переложения в Средние века, о которых говорилось выше. Постепенное вытеснение окситанского французским привело к тому, что значимых переводов с оригинала на окситанском создано не было. И лишь в начале 2000-х годов появился полный перевод Ветхого и Нового Завета с языков оригинала (Жан Рукетт-Ларзак).

И, наконец, третий тип истории библейских переводов характерен для некоторых миноритарных романских языков, таких как фриульский (Фриули, северо-восточная Италия) или ретороманский (кантон Граубюнден, Швейцария). До XVI в. письменные памятники на этих языках единичны и кратки. На фриульский язык в течение XIII–XV вв. трижды переводили лишь фрагменты псалмов. Полный же

перевод Библии, сделанный с латыни, но с ориентацией на существовавшие переводы на итальянском, появился только в 1860 г.

Библия на ретороманском языке Швейцарии появилась в XVI в. сразу же в печатном варианте (до этого текста на ретороманском практически не было). При этом история переводов Библии в кантоне Граубюнден осложняется тем, что ретороманский существует в пяти территориальных вариантах, каждый из которых имеет литературную форму: верхнеэнгадинский (путер), нижнеэнгадинский (валладер), сутсельвский, сурсельвский и сурмиранский.

В целом же надо отметить, что для миноритарных языков романского мира использование в религиозной сфере (а любая церковная служба предполагает обращение к библейскому тексту) было и остается важнейшим элементом для сохранения языкового узуса. Например, на монегасском (около 5 тыс. говорящих, вариант лигурского диалекта Италии, используемый коренными жителями княжества Монако) регулярно проводятся мессы.

Рассмотрев основные этапы библейских переводов на романские языки, перейдем к проблеме, которая была заявлена в начале статьи: в какой степени переводы Библии способствовали формированию литературного языка и, уже, нормы на литературном языке. Выше на материале африканских языков, где достаточно прозрачны и обстоятельства перевода Библии, и соотношение этих переводов с формирующейся нормой литературных языков, были описаны несколько вариантов в соотношении складывающейся нормы и переводов Библии: первый, когда норма складывалась независимо от переводов Библии, но хронологически сменявшие друг друга версии Священного Писания дают возможность отследить изменения в этой норме (язык хауса); второй, когда библейские переводы оказали определяющее положительное влияние на становление нормы (язык йоруба) и, наконец, третий,

когда переводы Библии негативно повлияли на формирование нормы (язык игбо). Разумеется, условия создания переводов Священного Писания на европейские и, в частности, романские языки, совершенно иные. Тем не менее, определенные параллели провести можно.

В романском мире не было своего Лютера, и в истории романских языков нет Библии, имевшей такое же значение, как Лютерова Библия для немецкого. Но значимость переводов Библии разнится в истории крупных, основных романских языков и языков миноритарных, с ограниченным числом говорящих и развивавшихся в функциональном сосуществовании с другими языками, выполнявшими функции *Dach-Sprache*. Что касается французского, итальянского и испанского, то при огромном влиянии языка Библии и, шире, христианской латыни, роль конкретных переводов в становлении нормы была достаточно ограничена. Когда появились полные переводы Библии, основной путь формирования литературной нормы уже был избран. Особенно это очевидно в истории итальянского языка.

В истории формирования нормы общего литературного языка Италии есть своя «библия» – это творчество великих флорентийцев XIV в. Данте, Петрарки и Боккаччо. В XVI в., в ходе дискуссий в рамках “*Questione della lingua*” («Спора о языке») выбор нормы на основе архаизирующего пуризма был подтвержден грамматистами и лексикографами. Показательно, что первые итальянские словари не были словарями итальянского языка и не были переводными словарями. Это были словари языка писателей, «Трех венцов» Треченто. В итальянских грамматиках XVI в. даже элементарные примеры на употребление предлогов иллюстрировались строками из Петрарки. Таким образом, норма итальянского литературного языка была избрана «по праву шедевра» и ее тосканский (флорентийский) характер был определен

языковой принадлежностью авторов, на этом языке писавших.

В истории французского языка был избран иной путь формирования нормы. Очень объемное языковое наследие старофранцузского и среднефранцузского периодов (до XV в. включительно) с лингвистической точки зрения предстает как совокупность скрипт – местных письменных традиций, обладавших определенной обработанностью и находившихся под влиянием письменной латыни. Такие скрипты, как англо-нормандская или пикардская, отличались разнообразием жанров и обилием памятников. Однако достаточно рано появляется ориентация на язык текстов Центральной Франции, сначала ограниченная декларативными высказываниями о незнании автором языка столицы и королевского домена. См., например, строки конца XII в., написанные восточно-французским трувером Кононом де Бетюн, уроженцем Артуа: *Ke men langage ont blasmé li Franchois / Et mes canchons, oiant les Champenois/...s'il m'ont repris, se j'ai dis mos d'Artois/ Car je ne fui pas noris a Pontoise* (СВ, 5) 'ибо мой язык осудили французы, и песни мои, услышав их, осудили шампанцы... и они упрекали меня, когда я использовал слова из Артуа, потому что вырос я не в Понтуазе' (Понтуаз – городок около Парижа, название которого выбрано для рифмы, но также и для того, чтобы иронически показать: городок в окрестностях столицы говорит правильнее, чем Артуа, обширное и богатое графство на северо-востоке Франции).

Далее история французского языка с точки зрения становления нормы будет двигаться именно в этом направлении: ориентация на язык столицы с особым вниманием к языку придворных кругов в самом широком смысле этого слова. Мы не будем останавливаться на выработке понятия *Bon Usage*, в котором концентрированно отразился путь формирования литературного французского языка. Однако достаточно общего взгляда, чтобы понять, что

библейские переводы не играли существенной роли в формировании нормы французского языка.

История окситанского как литературного языка весьма специфична: она носит пунктирный характер и сменявшие друг друга этапы нельзя рассматривать как продолжение одной и той же линии формирования литературного языка. В современном окситанском нет единой нормы. Такой же путь создания нормы, как в итальянском, – «по праву шедевра» – фактически был выбран в одном из окситанских регионов, а именно на востоке Южной Франции, в Провансе. Там со второй половины XIX в. сложилась одна из современных норм окситанского, опирающаяся на ронский поддиалект провансальского диалекта. На нем писал самый известный поэт Прованса, лауреат Нобелевской премии Фредери Мистраль (1830–1914) и сторонники поэтической школы фелибров. Именно авторитет Мистраля как поэта способствовал закреплению этой нормы, которая даже именовалась *lengo mistralenco* 'мистралевский язык'. В настоящее время норма Мистраля сосуществует с так наз. «окситанским стандартом», опирающимся на западные, лангедокские диалекты, но не повторяющим ни один из них, а, скорее, синтезирующим особенности разных диалектов.

Мы уже упоминали о существовании средневековых переводов Нового Завета на окситанский, связанных с распространением на юге Франции ересей катаров и вальденсов (XII–XIII вв.) Эти переводы примыкали к лингвистической точки зрения к сложившимся в Средние века письменным традициям; часть из них отражала некоторые особенности языкового узуса в среде вальденсов, но использовались эти переводы очень ограниченно и католической церковью преследовались. Значение еретических переводов Библии для истории окситанского скорее не собственно языковое, а символическое – их вспоминают, чтобы

подтвердить обособленность окситанского от французского и напомнить о гонениях на язык Южной Франции. Полный перевод Библии с оригинала, как мы уже писали, появился на окситанском очень поздно – в начале XXI века.

Для малых языков при очень ограниченном числе текстов появление перевода Библии, хотя бы и частичного, могло стать событием, даже если этот перевод не становился основой для формирования нормы. Так получилось с первыми переводами Библии на гасконский. В этой статье мы не будем затрагивать дискуссионный для романистики вопрос о статусе гасконского, который многие рассматривают как диалект окситанского; для нас очевидно, что в эпоху появления первых библейских переводов авторы создавали их именно для Гаскони и на языке Гаскони.

В Наваррском королевстве, окончательное воссоединение которого с Францией произошло лишь в 1620 г., в качестве официального языка наряду с латынью использовался гасконский в его беарнском варианте. Беарн – центральная часть исторической области Гасконь; именно Беарн стал центром формирования государственности в этом регионе, хотя королевство именовалось Наваррским. Генрих, король Наваррский, ставший в 1589 г. после кровопролитных религиозных войн королем Франции Генрихом IV, имел прозвище *Le Béarnais* 'Беарнец'. Сохранились написанные на гасконском официальные послания, которые Генрих как суверен Наварры направлял своим подданным. Для XVI в. отмечается унифицирующее влияние языка канцелярии королевства Наварры, основанного на беарнском говоре города По. Но первый перевод части Библии был создан на иной основе.

В 1565 г. гасконец Пей де Гаррос, обладавший немалым поэтическим даром и писавший также на французском, опубликовал стихотворный перевод 58

псалмов Давида с древнееврейского, посвятив его Жанне д'Альбре, королеве Наваррской, матери будущего Генриха IV. Перевод Гарроса ближе к родному для него говору Арманьяка, он использовал собственную орфографию, но при этом претендовал на общегасконскую значимость своих переводов (Lafitte, 2005). На беарнский же перевод был сделан позже, по заказу королевы Жанны д'Альбре, сторонницы протестантизма, получившего широкое распространение на юге Франции. По ее распоряжению пастор Арно де Салетт перевел все псалмы в стихотворной форме под названием "*Los Psalmes de David metuts en rima bernesa*" («Псалмы Давидовы, изложенные беарнскими стихами»). Считается, что переводил де Салетт с древнееврейского, опираясь на опубликованные переводы на французский. Жанна д'Альбре заказала также перевод Нового завета на баскский, выполненный Жаном Лиссарагом.

Пей де Гаррос был талантливым поэтом, что подтверждает не только его перевод Псалмов, но и сборник поэзии "*Poesias gasconas*", посвященных Генриху Наваррскому, будущему королю Франции (1567). Но более востребованным оказался перевод Арно де Салета, следовавший устоявшейся письменной традиции на беарнском. В целом же можно сказать, что в случае с гасконским все переводы, если и не создали норму, то дали убедительное свидетельство того, что наречия Гаскони способны передать самое серьезное содержание. Обоих авторов не без основания причисляют к так называемому «Гасконскому Возрождению» второй половины XVI – начала XVII в.

Но есть в романском мире пример, когда переводы Библии сыграли «лютеровскую» роль, пусть и совсем в ином масштабе. Так можно охарактеризовать значение библейских переводов в формировании литературных вариантов ретороманского языка. Письменные памятники на ретороманском (не считая

нескольких отрывочных записей XII–XIII вв.) появились лишь в XVI в. Как мы уже отмечали, в ретороманском пять основных вариантов, каждый из которых имеет свою литературную форму. Лишь в 1527 г. был создан первый крупный литературный текст: “*Chianzun dalla Guerra dagl Chiaste da Müs*”, поэма в 700 стихов, написанная на верхнеэнгадинском (путер). Ее автор, Джан Траверс, видный политический и военный деятель, описал в ней собственный опыт участия в войне и плена. Траверс был, в какой-то мере, и зачинателем традиции перевода Библии, правда, в средневековом понимании переводческого искусства. В 1534 г. в его родном городе Цуоц была показана драма на библейские темы “*Histoargia da Josef*” («История Иосифа»), для создания которой Траверс довольно точно пересказал фрагменты Ветхого Завета.

Но о действенном влиянии библейских переводов на формирование литературного варианта можно говорить в связи с разделением ретороманского на католические и протестантские долины. Соотношение католичества и наступавшего в XVI в. протестантизма в разных долинах было различным: Энгадин стал оплотом протестантизма, Сутсельва и Сурсельва разделились на католические и протестантские регионы, а Сурмейр оставался католическим. Поэтому история переводов Библии распадается на отдельные изводы по конфессиональному признаку. В соответствии с общими идеями протестантизма в Энгадине возникла потребность в переводе Библии на родное наречие. В 1552 г. Жиашен Бифрун, сторонник Реформации, выпустил первую печатную книгу на верхнеэнгадинском варианте ретороманского – катехизис “*Una cuorta et cristauna fuorma da interguider la giuventuna*”, дополненный чем-то вроде букваря для начального обучения чтению и письму с основными молитвами. В 1560 г. он же опубликовал перевод Нового Завета на верхнеэнгадинский “*Igl Nuof Sainc Testamaint*”. Бифрун сделал перевод с

латинской версии Библии Эразма Роттердамского 1519 г., но использовал в качестве дополнительного источника еще и немецкий текст Лютеровой Библии. Жиашен Бифрун считается основателем литературного языка для Верхнего Энгадина. В его тексте соединились умелое владение верхнеэнгадинским с ориентацией на устную речь, умеренная латинизация с заимствованием оборотов из латинского перевода Эразма и довольно явное калькирование немецких структур, почерпнутых в переводе Лютера.

В 1562 г. вышел перевод псалмов и на нижнеэнгадинский (валладер), выполненный Дюрихом Чампелем также для протестантов Энгадина – “*Cudesch da Psalms*” («Книга псалмов»). Переводы Бифруна, равно как и переводы Чампеля, неоднократно переиздавались и легли в основу энгадинской литературной традиции, которая с самого начала уже была представлена двумя диалектами (путер и валладер).

В Рейнской области, где распространены сельские варианты ретороманского, первыми памятниками литературного языка также оказываются протестантские тексты, которые, хотя и не являются переводами Библии, во многом на нее опираются и включают в себя частичный перевод Псалмов: катехизис Даниэля Бонифаци на сурсельвском “*Curt mussameint da pievl giuvan dels principals punctgs della Christianevla Religiun*” вышел в 1602 г. и представляет собой перевод с немецкого катехизиса Й. Понтиселлы; катехизис Штефана Габриэля “*Igl vër sulaz da pievel giuvan*” на сурсельвском был опубликован в 1611 г. Габриэль был по происхождению энгадинцем и учитывал уже имевшийся опыт изложения религиозной проблематики на энгадинском, что делает еще более значимым для ретороманского ареала переводы Бифруна и Чампеля. Для сурсельвского литературного варианта важным была предложенная Габриэлем графическая норма, которой на протяжении двух веков

пользовались в сурсельвском ареале (Горенко, 2009, Liver, 1999).

В 1611 г. был опубликован католический катехизис на сурсельвском, написанный итальянцем Дж.А. Кальвенцано. Ориентированный во многом на итальянскую традицию, этот катехизис не оказал на католическую письменность такого нормативного воздействия, какой оказали на письменный язык переводы сторонников Реформации. Католики, говорящие на ретороманском, получили полный перевод Библии лишь в середине XX в., а протестанты – в первой трети XVIII в. Несмотря на дальнейшие изменения в нормативных ориентирах в ретороманском регионе, можно сказать, что для формирования литературного языка одной из его частей – Энгадина, переводы Библии сыграли существенную положительную роль.

Итак, в истории романских языков, несмотря на огромное влияние Библии, вряд ли можно говорить о решающем влиянии на формирование литературного языка определенного перевода Священного Писания (кроме, пожалуй, ситуации с протестантскими вариантами ретороманского). Однако для миноритарных языков весомым было само появление такого текста, который при крайне ограниченном числе литературных памятников расширял сферу использования языка как письменного и давал возможность носителям языка приобщиться к письменности, а иногда и просто научиться читать на родном языке.

Достаточно сложно классифицировать и стратегии перевода, хотя в них безусловно присутствовал и филологический, и идеологический момент. Ветхозаветные проблемы, связанные в том числе и с переводом реликтов политеизма в рамках монотеистической религии или с проблемой прочтения написанного, были решены уже на уровне латинского текста. Когда в XVI в. произошел переход к библейским переводам с оригиналов, т. е. с древнееврейского для Ветхого Завета и с греческого для Нового

Завета, выработанные на переводах с латыни приемы и принципы, в целом, были сохранены.

Перевод имен Бога на французский: от латинского источника к оригинальному

Рассмотрим в самом общем виде некоторые изменения, связанные с переходом переводов Ветхого Завета на французский от латинского текста к древнееврейскому оригиналу на примере исключительно важного для Священного Писания фрагмента лексики – передачи имен Бога в переводах на французский язык. Для анализа были избраны пять переводов Ветхого Завета, каждый из которых отмечал определенный этап в развитии переводческой практики:

1) первый полный перевод, выполненный с латыни Ж. Лефевром д'Этапль и опубликованный в 1530 г. в Антверпене (далее LE);

2) первый перевод с древнееврейского, выполненный П.Р. Оливетаном и опубликованный в 1535 г. в Нешателе (далее OL);

3) La Bible de Lois Segond, перевод швейцарского пастора Луи Сегонда с древнееврейского, выполненный в 1874–1880 гг. До сих пор остается основной версией Священного Писания для франкоязычных протестантов (далее BS);

4) La Bible de Jérusalem, Иерусалимская Библия, современный католический перевод с древнееврейского, первое издание в 1958 г. (далее BJ);

5) La Bible de la Pléiade по названию известной серии “Bibliothèque de la Pléiade” издательства Gallimard, выпустившего этот католический перевод с древнееврейского с объемным филологическим комментарием; работа над этой Библией велась с 1956 по 1978 г. (далее BP).

Приводятся также соответствующие формы Вульгаты Иеронима, которые во многом определили выбор французских эквивалентов.

К XVI в., когда появились полные переводы Библии, были уже утрачены

наиболее явные формальные кальки с латыни, например, использование формы *Damedieu*, *Damnedeu* 'Господь Бог', появлявшейся как эквивалент сочетания двух имен Бога. См., например, в уже упомянутом выше переводе Книг царств на англо-нормандском диалекте старофранцузского: *Tut dunad Areüma al rei, si li dist: Damnedeu recéive é óie tes oreisuns é tes preières* (QLR 108–109). В Вульгате этому соответствуют строки: *omnia dedit Areuna rex regi dixitque Areuna ad regem Dominus Deus tuus suscipiat votum tuum* (2-ая Книга Царств, 24: 23) 'Все это, царь, Орна отдает царю. Еще сказал Орна царю: Господь, Бог твой, да будет милостив к тебе!' (Синодальный перевод). Как видим, *Damnedeu* появляется во французском там, где в латыни стоит *Dominus Deus*. Эта форма, возникшая как стяжение латинского наименования Бога *Dominus Deus*, к XVI в. исчезла. Исчезновение могло быть обусловлено как утратой прямой зависимости от латинского текста, так и нежелательной омонимией с такими словами, как *dame* 'госпожа' и глаголом *damner* 'проклинать'.

Для двух основных имен Бога: *'elohim* и тетраграмматона YHWH в Вульгате установились эквиваленты соответственно *Deus* и *Dominus*. Во французских текстах с самого раннего времени им соответствовали *Dieu* и *Seigneur*; подробнее см. (Порхомовский, Челышева 2019). Различия, связанные с переходом от латинского к древнееврейскому тексту-источнику, наиболее четко проявляются при переводе сочетаний двух основных имен Бога. При расположении на первом месте тетраграмматона YHWH (читается: *'adonay*) *'elohim* (Genesis 2,4) Лефевр следует тексту Вульгаты, где стоят рядом два основных имени: *Dominus Deus*, и переводит *Le Seigneur Dieu*. Такой же перевод мы находим и у Оливетана: *Le Seigneur Dieu*, но внесенный в текст после этих слов астериск отсылает читателя к очень важной глоссе на полях: *ou Eternel car..... signifie qui fut/qui est/et qui sera*. Эта древнееврейская форма

рассмотрена специально также и в предисловии переводчика к изданию 1535 г.: *Je l'ay exprimé selon son origine (au plus pres quil m'a esté possible) par ce mot/ Eternel*. Однако ввод в текст Ветхого Завета обозначения *Eternel* в Библии Оливетана не проводится последовательно. Такое же сочетание двух основных имен Бога в Псалмах (Ps, 71, 18) и Лефевр, и Оливетан переводят одинаково: *Le Seigneur Dieu*.

Отличием протестантских вариантов Библии на французском языке от католических стало именно использование наименования *Eternel* как имени Бога. В более поздней протестантской Библии Луи Сегонда, очень авторитетной в среде франкоязычных сторонников Реформации, *l'Eternel* используется не только при передаче сочетания YHWH (читается: *'adonay*) *'elohim*, но и там, где в оригинале стоит только тетраграмматон YHWH (Genesis 7,1).

Дальнейшие изменения в этом разделе библейской лексики при переводе на французский язык связаны с проникновением в переводы латинских транскрипций древнееврейских обозначений с некоторыми колебаниями в написании. Это становится очевидным при сравнении перевода сочетания двух имен Бога в Книге Бытия (Genesis 15,2) в пяти рассматриваемых нами переводах:

adonay YHWH [читается: *'elohim*]

Vulgata – Domine Deus

LE – le Seigneur Dieu

OL – le Seigneur Eternel

BS – le Seigneur Eternel

BJ – mon Seigneur Yahvé

BPl – Adonaï Iahvé.

Таким образом, если в Иерусалимской Библии транскрибируется одно имя – Яхве, то в Библии Плеяды уже оба – Адонаи Яхве.

Такое же соотношение прослеживается и при рассмотрении переводов сочетания двух главных имен Бога с дополнениями, например, в книге Пророка Исая (Isaiah 22,5):

'adonay YHWH (читается: 'elohim)
tseva 'ot

Vulgata Dominus Deus Deo exercituum

LE: *Le Seigneur le Dieu des batailles*

OL: *Le Seigneur Dieu des armées*

BS: *le Seigneur, l'Eternel des armées*

BJ: *Seigneur Yahvé Sabaot*

BPI: *Adonai Iahvé des armées*

Переводы XVI в. отличаются лишь использованными для передачи дополнения синонимами: LE 'Господь Бог сражений' vs. OL 'Господь Бог воинств'. В Библии Луи Сегонда подчеркнута протестантская традиция перевода тетраграмматона как *Eternel*. В Иерусалимской Библии протранскрибирован второй компонент Яхве и дополнение, известное в русской традиции в форме «Саваоф». В Библии Плеяды, наоборот, дополнение переведено, но протранскрибированы оба компонента: 'Адонай Яхве воинств.'

Заключение

Как мы уже отмечали, история переводов Библии, равно как и история принципов и методов этих переводов, для каждого лингвистического и культурного ареала индивидуальна. Тем не менее, можно установить некоторые аналогии и закономерности, которые повторяются, пусть и в разном преломлении, при обращении к главному тексту христианской религии. Если говорить об основных романских языках, то ситуация складывается несколько парадоксальная. С одной стороны, полные переводы Библии, будь то с оригинала, будь то с Вульгаты, оказываются относительно поздними и на формирование нормы существенного влияния не оказывают. С другой стороны, библейский текст часто передавался опосредованно: через толкование его отцами Церкви, через пересказ латинских средневековых энциклопедических сочинений, через проповеди и морально-дидактические трактаты. Одним из авторов этой статьи были рассмотрены созданные на окситанском еретиками-вальденсами религиозные поэмы, которые, не повторяя

содержания Библии, почти полностью состояли из заимствованных из Священного Писания словосочетаний и выражений, взятых из разных книг Библии и скомпонованных так, чтобы передать определенные религиозные наставления. (Челышева 2006, 71). Во многом по такому же принципу строились итальянские лауды XIII-XIV вв. – стихотворные сочинения-песнопения на религиозные темы.

Мы уже отмечали, что одна из сложностей заключается в том, что речь может идти не о влиянии текста Библии, а шире – о влиянии языка Библии и христианской латыни в целом. Утверждение христианства как основной религии Западной Европы произошло раньше, чем становление романских языков как отдельных языковых образований. Соответственно, влияние религии обнаруживается не в определенном тексте на романском языке, а в самой структуре языка. Типология разнообразных «следов» Библии в текстах на романском языке заслуживает отдельного описания и, при очень значительном числе работ, посвященных отражению библейского текста в памятниках на романских языках, построение такой типологии далеко от завершения.

Источники и принятые сокращения

BJ – La Bible de Jérusalem (traduite en français sous la direction de l'Ecole biblique de Jérusalem). Nouvelle édition revue et augmentée. Paris: Les Editions du CERF, 2001.

BPI – La Bible. Bibliothèque de la Pléiade. Edition publiée sous la direction d'Edouard Dhorme. Paris: Gallimard. 1 vol. 1956; 2 vol. 1959.

BS – La Sainte Bible par Louis Second. Nouvelle édition revue. Genève; Paris; Marseille: La Maison de la Bible. 1946.

CB – Les Chansons de Conon de Béthune, Texte établi par Axel Wallensköld, Honoré Champion, 1921.

LE (перевод Ж. Лефевра д'Этапль) – La Sainte Bible: en françoys, translátée selon la pure et entière traduction de Saint Hierome, conferée et entièrement revisitée selon les plus anciens et plus correctz exemplaires. Anvers, 1530.

OL (перевод П.П. Оливетана) – La Bible qui est toute la sainte esriture. En laquelle sont contenus, le Vieil Testament et le Nouveau, translatez en Francoys. Le Vieil, de Lebrieu: et le Nouveau, du Grec. Neuchâtel, 1535.

PD – La prosa italiana del Duecento. A c. di C. Segre e M. Marti. Milano: Riccardo Ricciardi Editore, 1959.

QLR – Li qüatre liyre des reis. Hrsg. von E.R.Curtius. Dresden: Max Niermeyer Verlag, 1911. [Электронный ресурс] // URL: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/qlr.pdf> (дата обращения: 12.10.2019).

TLF – Trésor de la langue française [Электронный ресурс] // URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>

TLIO – Tesoro della lingua italiana delle Origini [Электронный ресурс] // URL: <http://tlio.oiv.cnr.it/>

VC – Volgarizzamento degli Atti di Apostoli di Fra Domenico Cavalca. Firenze: Pezzati, 1837.

Список литературы

Горенко Г.М. Роль религиозного фактора в становлении письменной нормы ретороманского языка Швейцарии // Миноритарные языки Евразии: проблемы языковых контактов. М.: Тезаурус, 2009. С.195-203

Данте Алигьери. О народном красноречии. Пер. с итал. Ф.А.Петровского // Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1986. С. 270-305.

Порхомовский В.Я. Переводы Библии на язык хауса (исторический и типологический аспекты) // Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Вып.7. М.: Ключ-С, 2015. С. 92–104.

Порхомовский В.Я. Переводы Ветхого Завета и их роль в становлении языковых и литературных традиций // Развитие языков и литератур в контактных ситуациях. Материалы круглого стола. М.: Буки Веди, 2017. С. 132–142.

Порхомовский В.Я., Челышева И.И. Имена Бога в первых переводах Ветхого Завета на французский язык // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 247-254.

Челышева И.И. Эстетический канон и нормирующие тенденции в языке средневековых романских памятников // Языковая норма и эстетический канон. М.: ЯСК, 2006, с.54-75

Gorenko G.M. (2009) The Role of Religion in the Emergence of Written Law in the Swiss Raetho-

Romance // Minoritarnye yazyki Evrazii. M., Tezaurus, 2009, 195-203 (in Russian).

Dante Alighieri. On Popular Eloquence. Translated from Ital. by F.A.Petrovsky.// Dante Alighieri. Malye proizvedeniya. M., Nauka, 1986, 270-305 (in Russian).

Porkhomovskiy V.Ya. Translations of the Bible into Hausa (history and typology) // Pod nebom Afriki moei. Istoriya, kul'tura, yazyki narodov Afriki, 7. M., Klyuch-S, 2015, 92-104 (in Russian).

Porkhomovsky V.Ya. Translations of the Old Testament and their role in the development of linguistic and cultural traditions // Razvitie yazykov i literatur v kontaktnykh situatsiyakh. M., Buki-Vedi, 2017, 132-142 (in Russian).

Porkhomovsky V.Ya., Chelysheva I.I. The names of God in the earliest translations of the Old Testament into French // Kognitivnye issledovaniya yazyka, 2019, 36, 247-254 (in Russian).

Chelysheva I.I. Esthetic canon and normalizing trends in the language of the medieval Romance literature // Yazykovaya norma i esteticheskiy kanon. M., YASK, 2006, 54-75 (in Russian).

Berger S. La Bible française au moyen âge: étude sur les plus anciennes versions de la Bible écrites en prose de langue d'Oïl. Paris: Imprimerie Nationale, 1884.

Berger S. Les Bibles provençales et vaudoises. // Romania, tome 18 n°71, 1889. P. 353-422.

La Bibbia in italiano tra Medioevo e Rinascimento. La Bible italienne au Moyen Âge et à la Renaissance. Atti del Convegno internazionale. Firenze, Certosa del Galluzzo, 8-9 novembre 1996, a c. di L. Leonardi, Firenze, Sismel-Edizioni del Galluzzo, 1998.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible // VIII Afro-Asiatic Congress. Naples, September 11–13, 2008 / Sergio Baldi (ed.). Studi Magrebini. Nuova Serie. Vol. VII. P. 135–143. Napoli, 2009 (In French)

D'Aguanno D. La traduzione del Vangelo secondo Giovanni per Eleonora di Toledo. Un confronto con le traduzioni a stampa del Nuovo Testamento nel Cinquecento // Lingua e Stile, Rivista di storia della lingua italiana" 2/2019, pp. 205-228.

Folena G. Volgarizzare e tradurre. Torino : Einaudi, 1994 .

Lafitte J. Situation sociolinguistique et écriture du gascon aujourd'hui. Thèse sur travaux.

Université de Rennes, 2005. T.1. [Электронный ресурс] // URL: https://www.institut-bearnaisgascon.com/wp-content/uploads/2017/01/The_se_J._Lafitte_-_Tome_I_reduit.pdf (дата обращения: 12.10.2018).

Leonardi L. I volgarizzamenti italiani della Bibbia (sec. XIII-XV). Status quaestionis e prospettive per un repertorio // *Melanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, tome 105, n°2*. 1993. P. 837-844.

Leonardi L., Menichetti C., Natale S. Le traduzioni italiane della Bibbia nel Medioevo. Catalogo dei manoscritti (secc. XIII-XV. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2017 (In Italian)

Liver R. Rätromanisch. Eine Einführung in das Bündnerromanische. Tübingen: Narr, 1999.

Morreale M. La "General Estoria" de Alfonso X como Biblia // *Actas del Séptimo Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas*. Roma: Bulzoni, 1982. Vol. 1. P. 767-773.

Natale S. Codici e forme dei volgarizzamenti italiani della Bibbia. i profeti minori e la formazione della "tradizione organica" dell'Antico Testamento // *Medioevo Romano*. V.38, 2014. P. 348-392

Nida E.A. *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill, 1964.

Segre C. *Lingua, stile e società: studi sulla storia della prosa italiana*. Milano: Feltrinelli, 1963.

Sociolinguistique des contacts/conflits de langues en domaine roman des origines à nos jours Tome CXXIII N°1 | 2019 Revue des langue romanes

Translations médiévales. Cinq siècles de traductions en français au Moyen Âge (XIe-XVe siècles) // C. Galderisi et V. Agrigoroaei (éd.). V. 1-3. Turnhout: Brepols, 2011.

References

Gorenko G.M. (2009). *Rol` religioznogo faktora v stanovlenii pis'mennoj normy` retoromanskogo yazy`ka Shvejczarii* [The role of the religious factor in the development of the written norm of the Romansh language in Switzerland] in *Minoritarny`e yazy`ki Evrazii: problemy` yazy`kovy`x kontaktov* [Minority languages of Eurasia: problems of language contacts] (pp.195-2030) Moscow: Tezaurus. Russia (in Russian).

Dante Alig'eri (1986). *O narodnom krasnorechii*. Translated by Petrovskij A.F. in *Dante Alig'eri Malye proizvedeniya* [Opera Minora] (pp. 270-305) Moscow: Nauka, Russia (in Russian).

Porhomovskij, V.Ya. (2015). *Perevody Biblii na yazyk hausa (istoricheskij i tipologicheskij aspekt)* [Translations of the Bible into the Hausa language (historical and typological aspects)] in *Pod nebom Afriki moej. Istoriya, kul'tura, yazyki narodov Afriki* [Under the sky of my Africa. History, culture, languages of the peoples of Africa] (pp.92-104) Moscow: Klyuch, Russia (in Russian).

Porhomovskij, V.Ya. (2017). Translations of the old Testament and their role in the development of language and literary traditions. *Razvitie yazykov i literatur v kontaktnyh situacijah. Materialy kruglogo stola* [Development of languages and literatures in contact situations. Materials of the round table]. Moscow, Russia, 132-142 (in Russian)

Porhomovskij, V.Ya. and Chelysheva I.I. (2019). Names of God in the first French translations of the old Testament. *Cognitive language research*. V 36., 247-254.

Chelysheva I.I. (2006). *Esteticheskij kanon i normiruyushchie tendencii v yazyke srednevekovykh romanskih pamyatnikov* [Aesthetic Canon and normalizing tendencies in the language of medieval Romanesque monuments] in *Yazykovaya norma i esteticheskij kanon*. (p.p. 54-75) M., YASK, Russia (in Russian).

Berger S. (1884). *La Bible française au moyen âge: étude sur les plus anciennes versions de la Bible écrites en prose de langue d'Oïl*. Paris: Imprimerie Nationale

Berger S.(1889). Les Bibles provençales et vaudoises. in *Romania, tome 18 n°71* (p.p. 353-422).

La Bibbia in italiano tra Medioevo e Rinascimento. La Bible italienne au Moyen Âge et à la Renaissance (1998). Atti del Convegno internazionale. Firenze, Certosa del Galluzzo, 8-9 novembre 1996, a c. di L. Leonardi, Firenze, Sismel-Edizioni del Galluzzo

Cassuto Ph. and Porhomovsky V. (2009). Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible. *VIII Afro-Asiatic Congress. Naples, September 11-13, 2008 / Sergio Baldi (ed.). Studi Magrebini. Nuova Serie*. Vol. VII, 135-143.

D'Aguianno D. (2019). La traduzione del Vangelo secondo Giovanni per Eleonora di Toledo. Un confronto con le traduzioni a stampa del Nuovo Testamento nel Cinquecento. *Lingua e Stile, Rivista di storia della lingua italiana*, 205-228.

Folena G. (1994). *Volgarizzare e tradurre*. Torino : Einaudi.

Lafitte J. (2005). Situation sociolinguistique et écriture du gascon aujourd'hui. Thèse sur travaux. Université de Rennes, T.1. Retrived from:

https://www.institut-bearnaisgascon.com/wp-content/uploads/2017/01/The_se_J._Lafitte_-_Tome_I_reduit.pdf

Leonardi L. I (1993). Volgarizzamenti italiani della Bibbia (sec. XIII-XV). Status quaestionis e prospettive per un repertorio. *Melanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age*, tome 105, n°2, 837-844.

Leonardi L., Menichetti C. and Natale S. (2017). Le traduzioni italiane della Bibbia nel Medioevo. Catalogo dei manoscritti (secc. XIII-XV. Firenze: Edizioni del Galluzzo.

Liver R. (1999). *Rätoromanisch. Eine Einführung in das Bündnerromanische*. Tübingen: Narr, Germany.

Morreale M. (1982). La "General Estoria" de Alfonso X como Biblia. *Actas del Séptimo Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Roma: Bulzoni*, 1982, 767-773.

Natale S. (2014). Codici e forme dei volgarizzamenti italiani della Bibbia. i profeti minori e la formazione della "tradizione organica" dell'Antico Testamento. *Medioevo Romanzo*. 348-392.

Nida E.A. (1964). *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill.

Segre C. (1963). *Lingua, stile e società: studi sulla storia della prosa italiana*. Milano: Feltrinelli.

Sociolinguistique des contacts/conflits de langues en domaine roman des origines à nos jours Tome CXXIII N°1. 2019 Revue des langue romanes

Translations médiévales. Cinq siècles de traductions en français au Moyen Âge (XIe-XVe siècles) (2011). C. Galderisi et V. Agrigoroaei (éd.). V. 1-3. Turnhout: Brepols

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Порхомовский Виктор Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук

Челышева Ирина Игоревна, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом индоевропейских языков, ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук

Victor Ya. Porkhomovsky, Dr. Sc. in Philology, Professor, Chief Research Scholar, Institute of Linguistics, RAS

Irina I. Chelysheva, Dr. Sc. in Philology, Professor, Head of the Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, RAS

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-10

Трегубова Ю.А.

**Национально-маркированная лексика в современной
американской художественной литературе:
особенности и возможности перевода на русский язык**

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
д. 28.1, ул. Коммунаров, г. Елец, Липецкая область, 399770,
Российская Федерация
E-mail: tregubova@elsu.ru
ORCID:0000-0002-0864-4543

*Статья поступила 23 января 2020 г.; принята 10 марта 2020 г.;
опубликована 31 марта 2020 г.*

Аннотация. Научная статья посвящена передаче языковых средств выражения национальной культуры в художественных текстах на материале языка романа «The Client» современного американского писателя Джона Гришема. Очевидно, что при переводе национально-маркированной лексики могут возникнуть сложности, поскольку переводчику необходимо создать такой текст перевода, в котором не только был бы отражен национальный колорит, но и сохранена эквивалентность и адекватность перевода. Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что вопрос о способах передачи иноязычных реалий остается открытым – нет единой точки зрения на структуру и способы передачи языковых единиц, отражающих национальную специфику общества. Объектом исследования послужила коннотативная лексика американского английского языка, а предметом – способы ее перевода на русский язык. В исследовании поставлена цель – провести лингвистический анализ и сравнительно-сопоставительное исследование способов перевода коннотативной лексики, зафиксированной в современной англоязычной художественной литературе, на русский язык. Автор приводит примеры функционирования национально-маркированной лексики в романе и ее перевода на русский язык. В статье демонстрируются переводческие возможности передачи национально-маркированной лексики современного американского варианта английского языка. Сделан вывод о том, какие способы перевода культурно-маркированной лексики на русский язык с одной стороны наиболее эффективны для достижения русскоязычным читателем адекватного восприятия своеобразия подлинника, а с другой – позволяют передать специфику национально-культурного колорита исходного языка.

Ключевые слова: художественный перевод; английский язык; национально-маркированная лексика; реалия; фоновая лексика; способы перевода.

Информация для цитирования: Трегубова Ю.А. Национально-маркированная лексика в современной американской художественной литературе: особенности и возможности перевода на русский язык // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N1. С. 108-118. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-10

Yuliya A. Tregubova

**Nationally-marked vocabulary in contemporary American fiction:
features and possibilities of translation into Russian**

Bunin Yelets State University, 28.1,
Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region,
3990770, Russia

E-mail: tregubova@elsu.ru
ORCID:0000-0002-0864-4543

Received 23 January 2020; accepted 10 March 2020; published 31 March 2020

Abstract. The given article deals with the research of the transfer of linguistic means of expressing national culture in literary texts based on the material of the language of the novel "The Client" by a contemporary American writer John Grisham. Obviously, difficulties can arise in the translation of nationally-marked vocabulary, since translators need to create a translation text that both reflects the national character and preserves the equivalence and adequacy of translation. The pertinence of the topic stems from the fact that the question of how to transfer the foreign language realia remains open: there is no single point of view on the structure and methods of transmitting language units that reflect the national specificity of society. The object of the study was the connotative vocabulary of the American English language, and the subject – the ways of its translation into Russian. The goal of the study is to conduct a linguistic analysis and comparative study of the ways to translate the connotative vocabulary recorded in modern English-language fiction into Russian. The author gives examples of the functioning of nationally-marked vocabulary in a novel and its translation into Russian. The article demonstrates some translation methods of transmitting nationally-marked vocabulary of the modern American version of the English language. It is concluded that the ways of translating culturally-marked vocabulary into Russian are, on the one hand, most effective for the Russian-speaking reader to achieve an adequate perception of the originality of the original, and on the other hand, to convey the specifics of the national and cultural flavor of the source language.

Key words: literary translation; English; nationally-marked vocabulary; realia; background vocabulary; translation methods

How to cite: Tregubova Yu. A. (2020). Nationally-marked vocabulary in contemporary American fiction: features and possibilities of translation into Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (1), 108-118, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-10

Введение

Особенности отражения культуры страны, народа, нации в языке являются дискуссионным вопросом в лингвистике на протяжении многих десятилетий. Тот факт, что для обозначения лексических единиц, отражающих национально-культурную специфику, нет единого термина, подтверждает

мысль о сложных взаимоотношениях языка и культуры, с точки зрения отображения последней с помощью определенных языковых средств.

Сопутствующей задачей данного исследования является изучение языка романа «Клиент», написанного современным американским писателем Джоном Гришемом

в жанре «юридический триллер» с позиции отображения в нем национально-культурной специфики США. Подобный анализ национально-маркированной лексики американского варианта английского языка позволит расширить и обогатить уже имеющиеся знания о действительности современного американского общества.

Обращение к данному вопросу продиктовано интересом современной лингвистики к исследованию коннотативной лексики иностранного языка и особенностям ее перевода в современном художественном дискурсе, а также тем, что в лингвистике пока еще не выработано однозначное понимание лексических единиц, отражающих национально-культурную специфику, нет единого термина для их обозначения (например: безэквивалентная лексика, реалии, фоновая лексика, культурема, лакуны и др.).

Художественный перевод – это особый вид переводческой деятельности, поскольку при работе над оригинальной художественной литературой на иностранном языке переводчику нужно не только передать смысл текста, но и понятия, отражающие национально-культурный колорит исходного языка. Основная сложность при переводе таких лексем заключается в том, что они не всегда имеют соответствия (даже частичные) в языке перевода.

Выбор оригинального художественного произведения, в частности, романа «The Client» современного американского писателя жанра «юридический триллер» Джона Гришэма, обусловлен лингвистической спецификой языка романа с точки зрения принадлежности к новому литературному жанру. Так, с одной стороны, в нем отражена специфика судебного и юридического дискурса, а с другой – объемное описание повседневной жизни рядовых американцев. Таким образом, лингвистический материал романа дает возможность выявить и изучить особенности национально-маркированной лексики широкой семантики в современном американском английском языке.

Источниками языкового материала послужил роман Джона Гришэма («Client») (Grisham, 1993), и его перевод на русский язык, выполненный Тамарой Матц («Клиент») (Гришем, 2017), из которого мы выбрали 200 лексических единиц с национально-культурной семантикой. В исследовании применялись методы количественного и семантического анализа лингвистического материала.

Теоретический обзор

Любое художественное произведение на иностранном языке насыщено культурно-маркированной лексикой, при помощи которой возможна передача автором национального характера, быта, традиций и обычаев своей страны.

Другими словами, такая лексика выражает компоненты национальной культуры иностранного общества (Мусина, 2017). Точно также лексика с национально-культурным компонентом может служить своеобразным маркером особенного идиостиля автора произведения, который можно определить как «совокупность основных стиливых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом» (Кожина, 2003: 102).

Национально-маркированная лексика является предметом изучения отечественных и зарубежных лингвистов со второй XX века, когда в обращение входят термины «реалия» и «безэквивалентная лексика» (Верещагин, 1980; Влахов, 1980). Именно тогда понятие «реалия» было обозначено как самостоятельный термин, представляющий как предмет или явление иностранной культуры, так и слово, его обозначающее (Ахманова, 2005: 381).

Дальнейшее изучение слов с национально-культурным компонентом привело к появлению и широкому использованию в лингвистике таких терминов, как «экзотизм, варваризм, алиенизм, ксенизм, слово с культурным компонентом, лексическая лакуна, локализм,

этнографизм, регионализм» (Ивлева, 2017), каждый из которых в той или иной степени связан с отражением культурной специфики иноязычного общества.

Зарубежные лингвисты также предлагают свои определения и классификации лексики с национально-культурным компонентом (Baker, 1992, Katan, 1999, Newmark, 1988, Robinson, 1997, Garcia, 2018). Например, Петер Ньюмарк включает в такую лексику единицы, обозначающие явления материальной и социальной культуры, экологии, традиции, обычаи, жесты, привычки и др. (Newmark, 1988). В классификации Дэвита Катана представлены логические уровни: окружающая среда (климат, еда, жилье и др.), поведение (например, приветствие, прощание и т.д.), стратегии общения (включая невербальные элементы), общественные ценности, верования и др. (Katan, 1999).

Существуют и другие схожие теории специфики отражения национально-культурных особенностей в языке (Baker, 1992, Guerrero, 2012) которые, наряду с вышеупомянутыми, подчеркивают специфику культуры языкового общества и неизбежные потери и даже невозможность перевода описываемых лексических единиц на другие языки.

Вопросы передачи национально-культурного колорита оригинальных лексических единиц остаются дискуссионным среди отечественных и зарубежных лингвистов и на сегодняшний день (Komissarov, 1991, Фесенко, 2002, Коротченко, 2010, Bahumaid, 2010, Durdureanu, 2011, Sun, 2011, Bednarova-Gibova, 2017 Markovic, 2019, Tirado, 2019, Trivedi, H., 2019, Sorby, 2019).

Лингвисты отмечают, что «перевод реалий или культурных терминов, подобных упомянутому, может вызвать трудности, однако это не означает, что их нельзя перевести» (Guerrero, 2012: 4). Для передачи национально-маркированной лексики переводчиками применяются разнообразные приемы (например, транскрипция,

транслитерация, калькирование, описательный перевод, аналог и др.) и переводческие трансформации, которые позволяют в той или иной степени передать национальный колорит и обеспечить адекватный перевод (Negro Alousque, 2009, Tirado, 2019, Olalla-Soler, 2019).

Рассмотрим особенности национально-культурной лексики и способы ее перевода на материале романа Джона Гришема «The Client» и его официального перевода на русский язык.

Научные результаты и дискуссия.

Изучив текст оригинала романа, мы отобрали и классифицировали национально-маркированную лексику на 4 группы, придерживаясь тематической классификации Г.Д. Томахина, которая опирается на семантическую составляющую лексических единиц, содержащих национально-культурную семантику (Томахин, 1984: 54):

1. Этнографическая лексика – 39%
2. Общественно-политическая лексика – 32%
3. Географическая лексика – 23%
4. Реалии духовной жизни общества (искусство, культура, образование, спорт) – 6%.

Рассмотрим каждую группу более подробно. Так, **лексика с этнографическим компонентом** представлена в романе несколькими семантическими подгруппами, относящимися к:

1. Быту:

а) *еда и напитки*: Cheeseburger, Sprite, Dr. Peppers, Jell-O, doughnuts и др.

б) *одежда и аксессуары*: Nikes, loafers, Rolex и др.

в) *названия магазинов кафе, ресторанов, развлекательных центров, гостиниц*: Randy's Oysters on Decatur, "Domino's Pizza", Pizza Hut, Disney World, Grisanti's, Wal-Mart и др.

г) *названия марок сигарет*: Marlboros, Virginia Slims, Camels.

д) *различные моющие средства*: Ajax, Comet.

е) *медикаменты, медицинское оборудование, медицинские сотрудники*: Dalmane, codeine, the IV, Valium, Paramedics.

ж) *канцелярские принадлежности и оборудование*: the Bic pen, ROYAL PORTABLE.

3) *Кредитные карты*: Visa and Texaco

2. *Транспорт*: Lincoln, Mustang, Jaguar, MAZDA RX~7, Pickups, Chevrolet и др.

3. *Этнические объекты*: GI Joe.

2. Общественно-политические реалии:

1. *Органы и носители власти*:

а) *органы власти*: U. S. Government, Equal Employment Opportunity Commission, National Labor Relations Board, the IRS, OSHA, U. S. House.

б) *носители власти*: bailiff, U. S. marshal, Assistant U. S. Attorney, United States senator.

2. *Общественно-политическая жизнь*:

а) *политические партии*: Republicans, Democrats.

б) *юридические учреждения*: Juvenile Court, Circuit Court, Shelby County Courthouse, Welfare Department, Juvenile Detention Center.

3. *Военные реалии*:

а) *оружие*: 38, 22 caliber Ruge.

4. *Юридические реалии*: Attorney and Counselor-at-Law, Fifth Amendment, Miranda rights, Federal Witness Protection Program и др.

5. *Названия правоохранительных органов и их представителей, представителей преступного мира*: the feds, the FBI, fibbies, Memphis PD, the cops, Deputy director, 911, Mafia.

6. *Названия государственных учреждений, фирм, организаций, аэропортов*: Tucker Wheel Estates, St. Peter's Charity Hospital, Grant's Clinic, Ark-Lon fixtures, Little Creek Baptist Church и др..

3. Лексика, относящаяся к географической тематике, представлена следующими подгруппами:

1. *Названия штатов*: California, Arkansas, Louisiana и др.

2. *Названия рек*: Mississippi River.

3. *Названия городов*: Little Rock, New Orleans, Memphis, Vegas и др.

4. *Названия дорог, улиц и районов города*: Bourbon and Royal, Rubinstein Brothers, North, South, West streets и др.

4. Реалии духовной жизни общества (искусство, культура, образование, спорт) – 6%:

1. *Кино, музыка, телевидение и СМИ*: «Hill Street Blues», AT&T, Hogan's Heroes, Cheers, Perry Mason, Memphis Press, «The Godfather» и др.

2. *Названия спортивных команд*: LSU TIGERS, Memphis State Tigers.

3. *Учебные заведения*: Humes High School, Willow Road Elementary School.

4. *Антропонимы (имена известных людей, литературных персонажей)*: Clint Eastwood, Bryant Gumbel, Wizard of Oz, Donahue.

5. *Исторические события и мифология*: Civil War, La-la land.

Рассмотрим вариации передачи национально-маркированной лексики в романе на русский язык перевода более подробно с точки зрения эквивалентности и адекватности перевода.

Так, приемы транскрипции и транслитерации чаще всего применялись переводчиком для передачи географических объектов США и этнографических реалий американского общества. Например: California – Калифорния, Arkansas – Арканзас, Louisiana – Луизиана, Alaska – Аляска, Colorado – Колорадо, Little Rock – Литтл-Рок, Memphis – Мемфис, Washington – Вашингтон, Bogue Chitto – Боуг-Читто, Sprite – «Спрайт», Virginia Slims – Вирджиния Слимз, Marlboros – Мальборо, Camels – «Кэмел», Lincoln – «линкольн», Mustang – «мустанг», Jaguar – «ягуар» и др. Выбор данного способа перевода вполне очевиден, поскольку американские географические реалии не имеют эквивалентов в русской культуре и для их передачи используются традиционные приемы транскрибирования и транслитерирования. Кроме того, многие из них известны носителям русского языка, так как уже прочно зафиксированы в языке.

Что касается лексики, обозначающей реалии быта американского общества, следует отметить, что приемы транскрипции и транслитерации вполне оправданы в ряде случаев, когда речь идет о переводе наименований реалий, пришедших в нашу страну из Америки за последние 30 лет. Так как сейчас почти каждый в нашей стране знает, что такое Спрайт, Кока-Кола, Мальборо и др., а лексические единицы, их называющие, прочно вошли в состав русского языка и освоены его носителями, то для переводчика нет необходимости давать их пояснения при переводе.

Однако при переводе некоторых лексических единиц указанных семантических групп у читателя могут возникнуть сложности, так как не все могут знать, что Мустанг и Ягуар – это не животные, а названия марок автомобилей, Трейлер – не краткая реклама фильма, а автомобиль, оборудованный для постоянного в нем проживания по типу небольшого домика. И уж точно редко кто знает, что значит Перри Мейсон (персонаж серии романов американского писателя Эрла Гарднера), триумф спитфайер (двухместный спортивный автомобиль с открытым верхом) и др. Очевидно, что при передаче подобных лексических единиц переводчику нужно объединить транскрипцию и транслитерацию с приемом описания или переводческого комментария, для более полного понимания текста русскоязычным читателем.

Прием калькирования применялся переводчиком при передаче лексики, обозначающей географические реалии: New Orleans – Новый Орлеан, North, South, West streets – Северная, Южная и Западная улица, Main Street – главная улица, North Precinct – Северный участок, Capitol Hill – Капитолийский холм, этнографические реалии: Chinese lunches – китайские обеды, и общественно-политические реалии: Constitution of the United States of America – Конституция Соединенных Штатов Америки, Special Agent – специальный агент, Assistant Attorney – помощник прокурора, ego

wall – “Стена тщеславия”. В данном случае выбор приема калькирования приемлем, однако в некоторых случаях при переводе теряется часть семантики лексической единицы. Так, Chinese lunch – это традиционный китайский обед с большим выбором блюд на столе, когда каждый может выбрать себе еду по вкусу. Ego wall – стенд на рабочем месте, где размещаются грамоты, награды, сертификаты и т.д. В последнем примере использование кальки «стена тщеславия» вполне допустимо, так как далее из текста романа становится понятно о чем хотел сказать писатель: «Whereas most lawyers allow themselves only one **Ego Wall** with pictures and plaques and awards and certificates for Rotary Club memberships, Roy had covered no less than three of his with framed photographs and yellow fill-in-the-blank attendance diplomas from a hundred judicial conferences» (Grisham: 168).

Утрата полного значения лексической единицы при переводе, конечно, влияет на отражение в переводе национально-культурной специфики американского общества, однако позволяет читателю понимать, о чем идет речь в данном художественном произведении и не перегружает перевод романа дополнительной информацией, которая не столь существенна для читателя, поскольку основной смысл уже понятен.

В одном случае при передаче коннотативной единицы *downtown* нам встретился неточный перевод: реалия *Downtown Memphis* переведена дословно как «нижняя часть Мемфиса». Возможно, переводчик выбрал именно такой вариант потому, что он был выполнен в середине 1990-х, когда реалии американской жизни только начали проникать в русскую культуру и не все были еще известны и понятны гражданам России. Стоит напомнить, что в американской культуре *downtown* – это обозначение центральной части или делового центра города. В данном случае более правильным был бы перевод «центр Мемфиса».

В приведенном выше примере мы видим сочетание приема калькирования и транскрипции. Такое сочетание нескольких приемов перевода можно встретить и в некоторых других случаях при передаче не только географических, но и этнографических реалий и реалий общественно-политического характера: Willow Road Elementary School – начальная школа на Уиллоу-роуд, Pee-Wee's Big Adventure – “Большое приключение Пи-Ви”, Hogan's Heroes – «Герои Погана», Radisson Hotel – гостиница “Рэдиссон” и др.

Прием перевода лексики с национально-культурным компонентом при помощи русского аналога был использован при передаче на русский язык этнографической и общественно-политической лексики, например: loafers – туфли, Jell-O – желе, doughnuts – плюшки, candy bars – шоколадки, cobblers – пироги, nikes – кроссовки, pickups – грузовики, all-points bulletin – национальный розыск. В указанных случаях использование функционального аналога позволяет читателю понять смысл текста, однако здесь также полностью или частично утрачивается национально-культурная специфика. Так, например, doughnuts – это пончик (круглый жареный в масле пирожок с начинкой и без), традиционный для американской культуры, а плюшка – сладкая сдобная печеная булочка в форме банта, посыпанная сахарной пудрой, сахаром; cobbler – фруктовый пирог с толстой верхней коркой, pickup – легкий грузовик с открытой грузовой площадкой, очень популярный среди американцев, candy bar – шоколадный батончик с начинкой из разных сладостей.

В ряде случаев переводчик пытался компенсировать различия русской и американской культур, добавляя при переводе небольшие объяснения той или иной реалии, что не только дает читателю возможность понять, о чем идет речь, но и в некоторой степени отображает национально-культурную специфику США. Так, например, переводчиком было добавлено слово

«фильм» перед названием известных американских кинофильмов: «Starsky and Hutch» – фильм “Старски и Хатч”, «Escape from Alcatraz» – фильм “Побег из Алькатраса”, что позволяет читателю понять, что речь идет, например, не о книгах или песнях. Такой же прием использовался и при передаче некоторых этнографических реалий: Swanson's frozen – Замороженная “запеканка Свенсона”, Grolsch – пиво “Гролш”, Domino's – из пиццерии “Домино и др.

Необходимо отметить, что некоторые коннотативные лексические единицы были опущены в русском варианте романа. Вполне возможно, переводчик посчитала их семантически избыточными. Подобное переводческое решение вполне допустимо, если «причиной опущения является также адаптация текста, когда в тексте ПЯ опускаются малозначимые реалии или имена собственные» (Янова Е.А., Казиахмедова С.Х., Ибрагимова З.А., 2016: 307).

Рассмотрим некоторые примеры опущения национально-маркированной лексики при переводе романа «Клиент». Такой прием использовался при переводе коннотативных единиц, обозначающих географические, этнографические и общественно-политические реалии. Как, например, в следующем предложении:

Why not? No crime. You're the FBI, remember. You boys run more wire than **AT&T**. – Почему бы нет? В этом нет никакого преступления. Вспомните, вы ведь агенты ФБР. Вы сами постоянно пользуетесь такими методами.

Следует пояснить, что AT&T Inc. – это американский транснациональный телекоммуникационный конгломерат. Так как компания не является известной в России, то и ее название не даст нужной информации русскоязычному читателю.

He was wearing a black-and-gold Saints cap Reggie had bought him at a **Wal-Mart** along with a pair of jeans and two sweatshirts. – На нем была черная с золотом кепка, которую Реджи ему купила вместе с джинсами и двумя рубашками.

Торговая марка Wal-Mart является крупнейшей в мире розничной торговой сетью. В России на момент перевода, об этой сети не было известно, а значит и упоминания незнакомого названия не передаст нужной информации русскоговорящему читателю.

The cart between them was filled with **Ajax, Comet**, and twenty bottles of generic hospital supplies. –Тележка, разделяющая их, была заполнена различными моющими средствами. Внизу в поддоне лежали грязные тряпки и шприцы. Ajax, Comet – названия бытовых чистящих средств с дезинфицирующими свойствами.

It was sex discrimination, wrongful discharge, harassment, the works. I think we threw in everything. **Circuit Court**. Yeah, that's it. Pull the file. –Там было о дискриминации по половому признаку, незаконном увольнении, издевательствах и все такое. Мы тогда туда все включили. Нашел? Вытащи дело. **Circuit Court** (Окружные суды) – судебные системы в нескольких юрисдикциях общего права.

Заключение. Следует отметить, что язык современной американской художественной литературы демонстрирует большой пласт национально-маркированной лексики, изучение специфики и вариантов перевода которой представляет интерес для лингвистов, переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации.

Анализ приемов перевода национально-маркированной лексики в романе «Клиент» на русский язык показал, что переводчик пользовался традиционными способами, а именно: транскрипция и транслитерация, калькирование, описательный перевод, перевод с использованием функционального аналога и опущение. В результате проведенного исследования способов перевода национально-маркированной лексики выявлено, что по частотности применения транскрипция и транслитерация составляют 30 %, перевод с использованием функционального аналога 30%, калькирование 20%, добавление 15%, и опущение 5 %.

Подводя итог проведенного исследования, следует отметить, что трансляция национально-культурного пространства через передачу национально-маркированной лексики, представляет значительные сложности при переводе художественной литературы. Особое внимание следует уделять работе над такими лексическими единицами, фоновые знания о которых еще не сформировались у иноязычного читателя. Как должен действовать переводчик при работе с произведением на иностранном языке? Нужно ли в каждом случае прибегать к описательному переводу, давая пояснение каждой лексической единице, обозначающей реалию иностранной культуры, в тоже время, перегружая его часто не нужным читателю описанием? Или необходимо использовать максимально близкий по значению русский аналог, утрачивая при этом (полностью или частично) национально-культурную специфику лексики оригинала? На наш взгляд использование комбинированных способов перевода с учетом владения русскоязычным читателем фоновыми знаниями, позволит избежать возможных потерь в семантике и стилистике, а также создать адекватный для читателя перевод, обеспечив, в тоже время, его эквивалентность.

Список литературы

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
- Верещагин Е.М., В.Г. Костомаров. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
- Гришем Д. Клиент / пер. с англ. Т. Матц. М.: АСТ, 2017. 416 с.
- Ивлева А.Ю., Куликова К.С. Реалии национальной культуры как объект переводческого исследования // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2. С. 117-120.
- Коротченко Т.В. Эволюция подходов к переводу лексики с национально-культурным и религиозным компонентом в англоязычной культуре // Известия Томского политехнического университета. 2010. № 6. С. 195-198.

Мусина Н. М. *Realia as a cultural phenomenon* // Молодой ученый. 2017. №22. С. 481-484.

Пинягин Ю.Н. Трансляция национально-культурного пространства англичан // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 69-88. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7.

Томахин Г.Д. Безэквивалентная лексика (реалии) как источник страноведческой информации // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1984. С. 148-151.

Янова Е.А., Казиахмедова С.Х., Ибрагимова З.А. Прием опущения как один из эффективных способов компрессии для устранения семантической избыточности при переводе с английского языка на русский язык // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 303-317.

Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 228 с.

Bahumaid, S. Investigating cultural competence in English-Arabic translator training programs. *Meta*, 2010, 55 (3), 569-588. DOI: 10.7202/045078ar

Baker, Mona. *In other words. A coursebook on translation*. London: Routledge, 1992. 304 p.

Bednarova-Gibova, K. Minority in English Literary Translation: The Case of Slovak Culture-Bound Items. *En XLinguae Journal*, 2017, 10(3), 202- 217. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.16

Durdureanu, I. Translation of Cultural Terms: Possible or Impossible? *JoLIE 4 Romania*, 2011, 51-63.

Garcia, I.M. Culturally marked translation units: A dynamic classificatory proposal for translation purposes. *Hermes*, 2018, Issue 58, 193-213. DOI: 10.7146/hjlc.voi58.111685.

Grisham J. *The Client*. N.Y.: Bantam Doubleday Dell Publishing Group. 1993. 422 p.

Guerrera, A. F. "Translating culture: problems, strategies and practical realities". *Art and Subversion*. 12/2012 - LT.1. No. 1- Year 3. DOI: 10.15291/sic/1.3.lt.1.

Eriş, E. How is cultural terminology handled in translation? *The Legend of the Thousand Bulls. RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*. 2019 (16), 545-558. DOI:10.29000/rumelide.619042

Katan, David. *Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St. Jerome, 1999. 380 p.

Komissarov V. Language and Culture in Translation: Competitors or Collaborators? *TTR: traduction, terminologie, rédaction*, 1991, 4(1), 33–47. DOI:10.7202/037080ar.

Markovic, L., Francuski, B.D., Stojiljkovic, A. East or West-Home Is Best: Translating the Yugoslav Household into English. *Mosaic*, 2019, 52 (3), 161-174.

Negro Alousque, I. Cultural domains: translation problems. *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*, 2010, V. 4, 137-145. DOI: 10.4995/rlyla.2009.740.

Newmark, P. *A Textbook of Translation*. London/New York: Prentice Hall, 1988. 292 p.

Olalla-Soler, C. Using translation strategies to solve cultural translation problems. *Differences between students and professional translators. Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*, 2019, 27 (3), 367-388. DOI: 10.1080/0907676X.2018.1549574

Robinson, D. *Becoming a Translator. An Accelerated Course*. London: Routledge, 1997. 330 p.

Sorby, S. The dynamic socio-cultural interactions in translating musicals' librettos: A case study on the Chinese version of *Mamma Mia!* *Babel*, 2019, 65 (5), 696-718. DOI: 10.1075/babel.00110.sor

Sun, H. "On Cultural Differences and Translation Methods". *Journal of Language Teaching and Research*, 2011, Vol. 2, No. 1, 160-163. DOI:10.4304/jltr.2.1.160-163.

Tirado, R.G. Translation of words with a cultural component (based on the Spanish translation of the novel by Eugene Vodolazkin "The Aviator". *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(2), 473-486. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486

Trivedi, H. de Vicente Santos Mendes, T. Translating culture vs. cultural translation. *Cadernos de Tradução*, 2019, 39 (3), 578-594. DOI: 10.5007/2175-7968.2019v39n3p578

References

Akhmanova, O.S. (2005). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Moscow, Russia: KomKniga (in Russian)

Vereshhagin, E.M. and Kostomarov V.G. (1980) *Lingvostranovedcheskaja teorija slova* [Linguistic and cultural theory of a word], Moscow, Russia: Russkij jazyk (in Russian).

- Vlahov, S.I. and Florin S.P. (1980). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation], Moscow, Russia: Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian).
- Grisham, D. (2017). *Client* [The Client]/translator T. Matz. Moscow, Russia: ACT. (in Russian).
- Ivleva A.Ju. and Kulikova K.S. (2017). National realia as an object of translation research, *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2, 117-120. (in Russian).
- Korotchenko T.V. (2010). The evolution of approaches to the translation of vocabulary with a national-cultural and religious component in English-speaking culture, *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta*, 6, 195-198. (in Russian).
- Pinyagin Yu. N. (2019). Linguistic representation of the British cultural background. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 69-88, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7 (in Russian).
- Tomahin G.D. (1984) Culture-bound words (realia) as a source of cross-cultural information, *Lingvostranovedcheskij aspekt v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo*. 148-151. (in Russian).
- Musina, N. M. (2017). Realia as a cultural phenomenon, *Molodoj uchenyj*, 22, 481-484.
- Janova E.A., Kaziahmedova S.H., Ibragimova Z.A. (2016). Omission as one of the efficient compression techniques for translation of semantically redundant words, *Kul'tura i civilizacija*, 1, 303-317. (in Russian).
- Fesenko, T.A. (2002). *Spetsifika natsional'nogo kul'turnogo prostranstva v zerkale perevoda* [Specific Features of the National Cultural Background in the Process of Translation], Tambov, Russia: Tambov University Publishing House (in Russian).
- Bahumaid, S. (2010). Investigating cultural competence in English-Arabic translator training programs. *Meta*. DOI: 10.7202/045078ar
- Baker, Mona. (1992). In other words. A coursebook on translation. London: Routledge.
- Bednarova-Gibova, K. (2017). Minority in English Literary Translation: The Case of Slovak Culture-Bound Items. *En XLinguae Journal* 10(3). DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.16
- Durdureanu, I. (2011). Translation of Cultural Terms: Possible or Impossible? *JoLIE*, 4.
- Garcia, I.M. (2018). Culturally marked translation units: A dynamic classificatory proposal for translation purposes. *Hermes*. DOI: 10.7146/hjlc.voi58.111685.
- Grisham J. (1993). *The Client*. N.Y.: Bantam Doubleday Dell Publishing Group.
- Guerrera, A. F. (2012). Translating culture: problems, strategies and practical realities. *Art and Subversion*. No. 1- Year 3. ISSN 1847-7755; DOI: 10.15291/sic/1.3.lt.1.
- Eriş, E. (2019). How is cultural terminology handled in translation? The Legend of the Thousand Bulls. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*, (16), 545-558. DOI:10.29000/rumelide.619042
- Katan, David (1999). *Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St. Jerome.
- Komissarov V. (1991). Language and Culture in Translation: Competitors or Collaborators? *TTR: traduction, terminologie, rédaction*, 4(1). DOI:10.7202/037080ar.
- Markovic, L., Francuski, B.D., Stojiljkovic, A. (2019) East or West-Home Is Best: Translating the Yugoslav Household into English. *Mosaic*.
- Negro Alousque, I. (2010) Cultural domains: translation problems. *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*, V. 4. DOI: 10.4995/rlyla.2009.740.
- Newmark, P. (1988). *A Textbook of Translation*. London/New York: Prentice Hall.
- Olalla-Soler, C. (2019). Using translation strategies to solve cultural translation problems. Differences between students and professional translators. *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*. DOI: 10.1080/0907676X.2018.1549574.
- Robinson, D. (1997). *Becoming a Translator. An Accelerated Course*. London: Routledge.
- Sorby, S. (2019). The dynamic socio-cultural interactions in translating musicals' librettos: A case study on the Chinese version of *Mamma Mia!* *Babel*. DOI: 10.1075/babel.00110.sor.
- Sun, H. (2011). "On Cultural Differences and Translation Methods". *Journal of Language Teaching and Research*, Vol. 2, No. 1. DOI:10.4304/jltr.2.1.160-163.
- Tirado, R.G. (2019). Translation of words with a cultural component (based on the Spanish translation of the novel by Eugene vodolazkin "The Aviator". *Russian Journal of Linguistics*. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486.
- Trivedi, H. de Vicente Santos Mendes, T. (2019) Translating culture vs. cultural translation.

Cadernos de Tradução. DOI: 10.5007/2175-7968.2019v39n3p578.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Трегубова Юлия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и перевода ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Yuliya A. Tregubova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages and Translation, Bunin Yelets State University.